

К Л Я Т В А

П Р И

ГРОБЪ ГОСПОДНЕМЪ.

РУССКАЯ БЫЛЬ.

III.

полевой, книга

КЛЯТВА

ПРИ ГРОБѢ
ГОСПОДНЕМЪ.

РУССКАЯ БЫЛЬ

XV ГО ВѢКА.

.....
... Тогда по Русской землѣ рѣдко рабаево кика-
хушь, но часно врани граяхушь, шрупія себѣ дѣлаютъ,
а галици свою рѣчь говоряхушь, хошащѣи дѣлать
на уедіе... Усобица Княземъ на поганые погисе. Ре-
коста-бо бранъ брату: се мое, а шо мое-де. И нача-
ша Князи про малое, се великое молвиши, и сами на
себѣ крамолу коваши. ...

Слову о полку Игоревомъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 3 2.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи представлены
были въ Цензурный Комишешъ три экземпляра
сей книги. Москва, Мая 5го 1852 года.

Цензоръ, Профессоръ, Надворный Со-
вѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Jg 191/50368

К Л Я Т В А

П Р И

ГРОБЪ ГОСПОДНЕМЪ.

Г Л А В А I.

Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣшъ,
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣшочъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Свѣшъ правителей безславныхъ! . . .

А. Пушкинъ.

Какое пропивоположное зрѣлище представляла въ это время Ярославская дорога, пропивъ того дѣятельнаго, но мирнаго зрѣлища, какимъ находилъ ее дѣдушка Мамвѣй, за нѣсколько дней ѣхавши по сей дорогѣ!

Воинскія дружины разсыпались по ней всюду. Опѣ Москвы до Клязьмы, пересѣкающей дорогу, недалеко опѣ нынѣшняго Пушкина, видны были воины Великаго Князя. Съ другой стороны, опѣ Клязьмы далѣе къ Троицкому монастырю, двигались дружины Князя Юрія Димитріевича. Въ одномъ изъ селеній, за Клязьмою, находился самъ преспарѣлый Юрій, сыновья его, Бояре, и Князя подручные. Басенокъ, принявшій начальство надъ дружинами Василія, наскоро укрѣпился съ другой стороны рѣки.

Война идетъ и мететъ — по старинной поговоркѣ. Правда: здѣсь еще не начиналась кровавая, свирѣпая война, но ужасы ея были уже видимы всюду. И пѣмъ страшнѣе были они, что война великая, между сильными врагами, не ведетъ за собою такихъ бѣдствій, какія необходимы при вой-

нѣ мѣлкой, и, особенно — междоусобной!

Издавна замѣчено, что другъ, или родственникъ, сдѣлавшійся врагомъ — ужаснѣе, непримиримѣе чело-вѣка, съ которымъ всегда были мы врагами. Два единоплеменные народа злѣе ненавиствуютъ одинъ про-тивъ другаго. Такъ и здѣсь было. Дружины Юрія, уже разбившія оп-рядъ Намѣстника Росповскаго, шли, не какъ дружины Государя, спремя-щагося возвратитъ законное свое на-слѣдіе, являлись не умиротелами своего владыки съ людьми, ему под-власными по праву, и оппоргну-тыми насиліемъ — нѣтъ! онѣ яв-лялись злыми врагами, грабили, жгли! Строго запрещено было имъ всякое насиліе и своевольство; но — *воины не уснутъ, аще зла не сотворятъ!* Когда на ночь, зарево пожара багровило тем-ный небосклонъ, Юрію сказывали, что

жишели принудили къ такой спро-
гой мѣрѣ своимъ упорствомъ, или
что дружины Московскія зажгли се-
леніе, выходя изъ онаго, или, нако-
нецъ, что одинъ изъ союзныхъ Кня-
зей запалилъ деревню, напрасно тре-
бовавъ добромъ запаса и хлѣба для
своихъ воиновъ.

Такъ поспѣшно надобно было
собрать дружины, такъ быспро над-
лежало дѣйствовать противъ Мо-
сквы, столько разнообразныхъ пре-
баваній и спраспей слѣдовало сое-
динить вмѣстѣ, что Юрій невольно
долженъ былъ смотрѣть сквозь паль-
цы на дерзость Князей, къ нему
приспавшихъ, на своевольство соб-
ственныхъ Воеводъ, и даже на на-
хальство самыхъ воиновъ. И не лѣзя
было учредить никакого порядка,
ибо весь планъ Юрія состоялъ въ
скорѣйшемъ походѣ на Москву, и
вся удача зависѣла отъ удара, ко-

порый не даль-бы Василю Васильевичу, и Думъ его, опомнипсья и уговоритъ Князей на помощь, могъ-бы въ тоже время споспѣшествовать волненію и смятенію Москвы, для укрощенія чего, къ несчастію, убѣдили Василя принять спрогія мѣры.

Просимъ чипапелей нашихъ оставить теперь на-время Москву, и перейдти въ то село, гдѣ опаборился Князь Юрій Димитріевичъ, съ главною дружиною, дѣльми и Боярами.

О жипеляхъ села нѣчего и говорить: ихъ разогналъ страхъ появленія Юріева; одни сами убѣжали, какъ испуганныя перепелки и жаворонки улетають съ зажженной нивы; остальныхъ прогнали изъ жилищъ воины Юрія, ибо всѣ хижины заняты были Князьями и сановниками. Множество саней, возовъ, возковъ,

стояло вокругъ селенія; кони поставлены были въ разныхъ мѣстахъ, совсѣмъ готовые, рядами; огни зажжены были повсюду; воины собирались, толпились около огней; множество промышленниковъ, какъ мухи къ меду, слетѣвшихся съ разныхъ сторонъ, кормили, поили дружины Юрія. Въ такихъ случаяхъ, денегъ не жалѣютъ, и часто опьяненное у бѣдной семьи достояніе — трудъ цѣлаго вѣка — въ одинъ часъ пропивается, продается буйнымъ воиномъ. Спукъ бубновъ, звуки трубъ слышны были безпрестанно; изрѣдка раздавались выстрѣлы изъ пищалей, и хотя былъ Великій постъ, но никто не думалъ говѣть и поститься. Множество народа опохмѣлялось и напивалось снова, а пьяному безъ пѣсенъ не веселье — и клики, и пѣсни раздавались день и ночь. Между тѣмъ, казалось, что все это неустройство воинское ма-

ло занимало Юрія и другихъ Князей, а также и сановниковъ ихъ. Говорили, что ждуть Посольства отъ Московскаго Князя, и большая бѣгопня дѣльцовъ и Бояръ показывала, что Посольство это было причиною многихъ заботъ и совѣщаній.

Въ сіе время, въ одной изъ большихъ, лучшихъ хижинъ разговаривали два извѣстные намъ человека: Бояринъ Іоаннъ Димитріевичъ и Иванъ Гудочникъ.

Бояринъ, по обыкновенію, былъ мраченъ, угрюмъ; онъ сидѣлъ за столомъ, и, казалось, внимательно слушалъ рассказы Гудочника, который стоялъ передъ нимъ и говорилъ съ жаромъ.

— Ну — сказалъ Бояринъ — еслибы зависѣли отъ меня награды, я осыпалъ-бы тебя милостями, спарикъ! Ты работалъ усердно, и поль-

ко чудный промыслъ Божій могъ тебя сохранить среди всѣхъ опасностей. Но скажи мнѣ еще разъ: почто-ли нѣтъ уже никакой надежды, чптобы Констаншинъ рѣшился оставить свое безумное намѣреніе? Ты самъ говорилъ съ эшимъ ханжею, Варѣоломеемъ? —

»Объ эпомъ и думаешь нѣчего,« отвѣчалъ Гудочникъ. »Констаншинъ вступилъ уже въ Симоновъ монастырь, и даль обѣщаніе не оставлять болѣе сей обители.«

— Вотъ такъ-то всегда, всю жизнь мою бывало — сказалъ Бояринъ — всю жизнь долженъ я бывалъ, или боролся съ тяжкими препятствіями, или быть жертвою случая и людской глупости. Всѣ дѣла мои обращались ни во что, отъ такихъ причинъ, что послѣ подумаешь бывало, такъ самому смѣшно. Ну! да что будетъ впередъ увидимъ и по-

думаемъ, хотъ я предвижу, что добромъ не кончипъ. . . Поговоримъ о настоящемъ. Скажи, пожалуй, можно-ли было предвидѣть все, что случилось въ послѣднее время? —

»Да, Бояринъ, и признапъся, я терялъ уже всю надежду. . .«

— Господи помилуй! Опъ того, что ворона залепѣла въ Княжескія хоромы — оборвать Князя Василья, запѣять войну, и все это дѣлать такъ невѣгласно, несмысленно. . . Мнѣ стыдно за Княжескій Совѣтъ, въ которомъ нѣкогда засѣдалъ я самъ! —

»Но, однакожъ, не должно-ли сознаться, Бояринъ, что кривую спрѣлу Богъ правишь, и что дуракамъ счастье на роду написано?«

— Что ты хочешь сказать? —

»То, Бояринъ, что всѣ твои намеренія, все, что было такъ хорошо предположено, и такъ долго го-

повлено, могло разсѣяться и уничтожиться отъ вороны и отъ Княжескаго пояса. Если-бы успѣли захватить Косаго и Шемяку, Князь Юрій немедленно согласился-бы на миръ, особливо, когда противъ него спала-бы сильная Московская дружина, копорую довольно удачно удалось намъ разсѣять.»

— Какъ-же не видишь ты противнаго словамъ твоимъ? Все доказываетъ, напротивъ, что счастье дурацки лѣзло къ Московскому Князю, но что имъ не умѣли воспользоваться, и что умъ всегда побѣждаетъ всѣ препятствія. Не залети ворона, не поссорься на свадьбѣ, никто-бы и не замѣшилъ, какъ дружины Юрія подошли-бы къ Москвѣ. Вѣдь такая беспечность, что даже Намѣстника Ростовскаго вызвали на свадьбу! Тутъ оставалось чистое поле для прохода, и конники Юрія были-бы

въ Переяславской слободѣ, вся Москва еще пила-бы и плясала, а ты, да Князья Можайскій и Верейскій возмутили-бы Москву, Косой принялъ-бы начальство, и Кремль взяли-бы такъ легко, что Василій, можетъ быть, изъ-за стола почепнаго перешелъ-бы въ пюрьму, съ молодою своею женушкою, и съ умною своею мапушкою! Смотри-же: явная вражда загорѣлась съ Косымъ и Шемякою; подозрѣвали, хопъ и безъ толку, что въ Москвѣ *не смирно*. Чего-же тутъ много думать? Косого и Шемяку изъ рукъ не выпускай. . . .

»Они не дались-бы живьемъ.«

— Ну! — вскричалъ Бояринъ, и сдѣлалъ выразительный знакъ рукою — мѣшкалъ было нѣчего. . . .

»Но, что сказали-бы Князья другіе, которые были тогда въ Москвѣ?«

— По городу каждому изъ нихъ, а не по удѣлы Юрѣя, и дѣтей его, ки-

нушѣ имѣ на драку — вопѣ всѣ и замолчали-бы... Только-бы удалось, а тамъ кто будетъ спрашивать; да припомѣ - же, когда дѣло уладилось-бы, то можно-бы опять опянь у нихъ. Людямъ, которые споймѣ выше другихъ, надобно быть выше простонародныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Если-же боишься за голову, что она закружится — не взлѣзай высоко! —

Гудочникъ молчалъ, а Бояринъ продолжалъ хладнокровно: — Но только-ли еще? Они меня боялись. За чѣмъ-же было выпускать меня изъ рукъ, разобидѣвши, оскорбивши? А послѣ того начали за мной гоняться, какъ будто за ласпочкой въ поднебесѣхъ, да и самъ Конспанпинъ? Хорошо, что онъ вымѣниваетъ кукушку на яспреба. Скажемъ и то: боялись они меня; какъ-же не видать, что Совѣтъ Княжескій составленъ

изъ людей, копорыхъ я посадилъ въ него, и изъ копорыхъ дѣлалъ я бывало все, что хотѣлъ? За чѣмъ было опять раздражать спарика Юрья, опнимая у него Дмитровъ? Что ручалось имъ за Верейскаго и Можайскаго? Взгляни такъ-же, какъ запущены теперь дѣла Орды, Литвы, Новгорода? Въ Суздалѣ никто и не заглянулъ. А последнее-то дѣло: Спарковъ — хранитель Москвы, Ряполовскіе — въ пюръмъ, Юрій Паприкеевичъ — Воевода... Юрій Паприкеевичъ! ха, ха, ха! Чпò, думаю, забавно было тебѣ, какъ ты Воеводу эпого, и со всею Думою его, засыпилъ пвоимъ Арабскимъ зельемъ, опъ чего они проспали свои дружины? Да вопъ, таки и ты: какъ не замѣшилъ, что ты вездѣ впираешься? Знаешь-ли о нкожѣ, что судя по пвоимъ дѣламъ можно подумашъ, будто у пвоихъ опъ дѣлъ головы въ запасъ, кромѣ шой, которая на плечахъ: колдунъ, Гудочникъ, Глом-

Часть III.

А.Б. КСКОРЕВА

никъ. . . Во дворцѣ , на площади , въ монастырѣ. . . .

»Я думаю , Бояринъ,« сказалъ Гудочникъ, послѣ нѣкотораго молчанія, »что если-бы при тебѣ еще было замѣчено мое бродяжничество тамъ и сямъ , ты не далъ-бы мнѣ долго бродить , хотя ясныхъ уликъ и не нашлось-бы ?«

Слова Гудочника, какъ будто заставили Боярина подумать: не слишкомъ-ли откровенно говорилъ онъ съ нимъ ? Подозрительно взглянуль Іоаннъ на спарика, и вспалъ изъ-за стола , сказавъ : »Это дѣло другое , спарикъ — въ полѣ съѣзжаться , родней не считаться ! Да , о по- сольствѣ - то Московскомъ : такъ эпошъ говорунъ, Гречинъ, ѣдетъ сю- да ? «

— Исидоръ ? ѣдетъ, Бояринъ; я уже тебѣ сказывалъ, что отправи-

лись Исидоръ, прѣе Боярѣ, подъячій Бѣда, и, не знаю, кто-то еще изъ Воеводъ будетъ — думаю, Басенокъ, который на безрыбьѣ сдѣлался важною рыбою. —

»За чѣмъ-бы Исидору ѣхать? Развѣ не мѣшались-ли его въ Миширо-полипы? Но, мнѣ кажется, онъ не годился. Я помню, когда онъ въ первый разъ прѣзжалъ въ Москву, за милостынею для Аѳонскихъ монастырей. — Онъ нечистаго православія, и чуть-ли не волкъ въ овечьей шкурѣ. — Ну, старикъ, оставайся, отдыхай; теперь твоя работа пока окончилась. . . «

— Ты мнѣ ничего не говоришь, Бояринъ? —

»А что-же мнѣ сказать тебѣ? Теперь я ничего еще не знаю.«

— Ты промолвилъ давеча, что все кончилось худомъ. —

»Это не до тебя касается.«

— Можешь быть — и не до тебя, Бояринь. —

Бояринь быспро взглянул на Гудочника. — Я почти могу рассказать — продолжалъ Гудочникъ — что ты скрывать хочешь: Юрій смотри на тебя, какъ на человека, съ которымъ неволя заставляетъ его дѣло дѣлать. . . .

Блѣдное лицо Боярина оживилось. »Спарикъ!« сказалъ онъ грозно — »помни кто ты. . . .«

— Крамольникъ, простой, ничтожный человекъ? Бояринь! ты не забылъ еще однакожъ, я думаю, съ какимъ условіемъ я общался служишь тебѣ? —

»Помню« — мрачно отвѣчалъ Бояринь — »но теперь, повторяю тебѣ — ничего сказать не могу!«

— А я скажу тебѣ, что Косой вовсе не думаетъ выполнить того, на чемъ все дѣло было между нами полагено. —

»Онъ сказалъ это тебѣ?»

— Онъ такъ говорилъ со мною, какъ будто Мономахова шапка была уже крѣпко на головѣ его. —

»Что-жъ мнѣ - то дѣлать, спарикъ?» сказалъ Бояринъ, усмѣхаясь.

— Я не говорилъ: что дѣлать, когда предался тебѣ душою и тѣломъ, и не щадилъ живота и совѣсти. —

Бояринъ хотѣлъ отвѣчать, искалъ словъ и не находилъ. »Что за шумъ, и за бѣготня? Не Послыли вѣдущъ?» сказалъ онъ наконецъ, смотря въ окно. — »Точно: это они; мнѣ пора — тамъ много будетъ работы.« Онъ взглянулъ на Гудочника. — »Сиди у моря, и жди погоды,« промолвилъ онъ ему, и вышелъ.

Гудочникъ оспался, задумчивый и печальный. »Спарый ты песь!« сказалъ онъ, по нѣкоторомъ молчаніи, медленно взялся за шапку, и вышелъ на улицу тихими шагами. Тутъ было уже большое движеніе; дружины Юрія стояли рядами, въ оружіи; конники скакали взадъ и впередъ. Вскорѣ показались прои сани, въ копорыхъ сидѣли присланные для переговоровъ изъ Москвы. Они подѣхали къ избѣ, гдѣ былъ самъ Юрій Димитріевичъ, и гдѣ большая толпа Князей и Бояръ тѣснилась въ сѣняхъ, по двору, и на улицѣ.

Изъ саней вышли Басенокъ, Ощера, еще двое Московскихъ Бояръ, подьячій Бѣда, и Исидоръ. Ихъ заставили скинуть шубы въ сѣняхъ, и потомъ пропустили къ Князю.

Чипатели знаютъ уже Ощеру. Басенокъ былъ молодой Воевода Московскій, богатырь душою и тѣломъ.

Исидоръ — лицо замѣчательное, Грекъ, родомъ изъ Θεσσαλονικъ, гдѣ научился онъ Церковному языку, опъ Славянъ, жившихъ въ окрестностяхъ. Бывъ уже одинъ разъ въ Руси, какъ говорилъ Бояринъ Іоаннъ, онъ снова пріѣхалъ теперь въ Москву, съ грамотами опъ Царяградскаго Папріарха, и Императора Греческаго Іоанна Палеолога. Исидоръ былъ почетно чествованъ при Дворѣ Великокняжескомъ, и изумлялъ своимъ краснорѣчіемъ, умомъ, и глубокимъ знаніемъ Богословія.

Изба, гдѣ находился Юрій, съ Дворомъ своимъ, была обширна. Наскоро выломали въ ней лавки и лапы, завѣсили черныя спѣны ея коврами, набросали по полу соломы и пюфяковъ и закрыли все это также коврами, замѣнивъ такимъ образомъ грубые деревенскіе приборы. Посрединѣ стоялъ большой столъ,

покрытый широкою полстью. На столѣ были поставлены разныя коробки, стояла черница, лежали Княжескія украшенія, мечъ, бумага и нѣсколько свершковъ и книгъ. У стѣны, за споломъ, на мягкихъ пюфяхъ, сидѣлъ дряхлый старикъ, въ тепломъ калпакѣ, и легкомъ мѣховомъ тулупѣ — это былъ *Юрій Димитріевичъ*, дядя и соперникъ Великаго Князя Московскаго. По сторонамъ сидѣли и стояли трое сыновей его: *Василій Косой*, *Димитрій Шемяка*, и *Димитрій Красный*; Бояринъ *Юаннъ Димитріевичъ*, Бояринъ *Морозовъ*, любимецъ *Юрія*, и еще нѣсколько Князей и Бояръ.

Впереди Московскихъ Пословъ шелъ Воевода *Юрія*, и остановился передъ споломъ, сказавъ: »Князь Великій *Юрій Димитріевичъ*! молишь тебя племянникъ твой, Князь Московскій, *Василій Васильевичъ*, и при-

слалъ къ тебѣ, Государю, пословъ своихъ, бишь челомъ.»

При сихъ словахъ Басенокъ сдѣлалъ выразительное движеніе, какъ будто хотѣлъ остано­вить Воеводу Юрія; но — удержался, и только приспально взглянулъ на Ощеру. Взоръ его, казалось, спрашивалъ: должно-ли допускать споль уни­зительныя для Государя ихъ рѣчи? Ощера далъ знакъ, что необходимость велитъ сносить мѣлкую обиду. Басенокъ, съ досадою, опворопился и замолчалъ.

Юрій благосклонно наклонилъ голову, на низкій поклонъ Московскихъ Пословъ.

— Желаю знать: кто сія духовная особа, въ числѣ Пословъ моего племянника? — сказалъ онъ.

»Это Архимандритъ Исидоръ, присланный въ Москву изъ Царяграда,« отвѣчалъ Воевода.

Юрій вспаль, и почпипельно по-
дошелъ къ благословенію Исидора.

»Князь Георгій Димипріевичъ!«
сказалъ Исидоръ, благословляя Кня-
зя, »Святѣйшій Владыка, милостію
Божіею Архіепископъ Великаго Кон-
станпинополя, Новаго Рима, и Все-
ленскій Папріархъ, прислалъ къ те-
бѣ со мною паспырское свое благо-
словеніе, и естѣ къ тебѣ опъ нго,
Владыки пвого духовнаго, грамапа.«

Юрій низко поклонился, и спро-
силъ: »Для чего - же ты, опецъ
Архимандритъ, являешься ко мнѣ вмѣ-
стѣ съ посланниками Московскими,
пришедшими опъ моего племянника?«

— Князь Георгій Димипріевичъ! —
опвѣчалъ Исидоръ — благодарю Гос-
пода, что Онъ даетъ мнѣ средства ис-
полнишь вмѣстѣ Христіанскую обя-
занность мою — быть посредникомъ
мира, исполняя и препорученіе моего

Владыки, Папріарха и опца всѣхъ Христіанъ. —

Юрій молча указалъ Исидору на мѣсто подлѣ себя, сѣлъ самъ, и не обращалъ, казалось, вниманія на Пословъ Московскихъ.

Величественно обвелъ глазами все собраніе Исидоръ, и началъ говорить Юрію :

»Блаженни миротворцы, яко тѣи сынове Божіи нарекутся — сіи слова Спасителя внемля, припекаю къ тебѣ, Князь Георгій, съ сими словами, яко съ вѣпвію масличною, исходя, яко Давидъ предъ Ківошъ Господень, во срѣщеніе мира, вождельнаго, поля упучняющаго, села богапящаго и Князи красящаго, еже повелѣлъ храниши намъ Богъ, единый, премудрый, спрашный и превеликій, превыше небесъ пребывающій, во свѣтѣ неприсупномъ, на Херувимскомъ престолѣ сѣдящій, и немолч-

ными Ангельскими гласами хвалимый, поемый, превозносимый, въ трехъ лицахъ прославляемый, и въ единствѣ познаваемый.»

Шопопъ одобренія пронесся въ собраніи. Одушевленный симъ, Исидоръ продолжалъ:

»Прешедшій волненія Понша Эвксинскаго, мнилъ я поставишь стопу мою на твердой землѣ Московской, и обрѣтаю преволнующуюся войну, гремющую, какъ праведно изрекъ Омиръ, паче нежели десятью тысячами гласовъ человѣческихъ, зрю раздоръ, съ кровавыми очами, готовый возжечь села и грады, кущи и веси. Мира законно и праведно есть желаніе человѣку, а наипаче Князю, ибо всякое враждебное общеніе неподобно ему, есть-бо начало и вина бѣдъ, чего ради явленно показуется миръ имѣти за нѣкое основаніе нерасперзанное. Всѣ люди послушливо послѣдуютъ сему

обычаю, подражають по силѣ и дѣйствію оному, благому, и опселѣ твердослѣ являється, и царства и земли крѣпиль.»

Исидоръ снова остановился. Снова шопотъ одобренія раздался между всѣми. Бояринъ Іоаннъ, съ досадою, проворчалъ: »Краснобай!« Юрій казался внимающимъ и задумчивымъ.

»Вижу тебя, окруженнаго дослѣхами брани и сильными спрашпигами; видѣлъ я Москву, оглашаемую звукомъ трубъ бранныхъ; зрѣлъ я селянъ, бѣгущихъ отъ пламени, губящаго избытки ихъ, и — о горе велие и тяжкое! вѣспникъ благословенія духовнаго Владыки — узрю смерть, пирующую среди крови и слезъ! О! никогда! Отверзи слову мира ухо твое, Князь Георгій. Говоришь-ли мнѣ о гибели, слѣдующей за войною? Ты вѣдаешь сіе. Изображаютъ-ли щету бранная славы? Тебѣ сіе

извѣстно. Излагаишь-ли, сколь гибельна вражда? Умолкаю предъ разумніемъ твоимъ! — Грядешь война — и царства увлажжаются кровію; грядешь война — и жилища бѣдствуютъ; грядешь, говорю, война — и миръ исчезаетъ!

»Съ сими словами припекаю къ тебѣ, яко съ масличною вѣтвію. Отверзи ухо твое слову мира, Княже Георгіе! не оприни его, и возвесели меня, убогаго, посланнаго отъ Владыки духовнаго всѣхъ Христіанъ, да возглашу: *Блаженни миротворцы, сколько же блаженни и внимлющіе слову ихъ!*«

Исидоръ вспалъ, сложилъ руки, и низко поклонился Юрію. »Какое краснорѣчіе, какая сила слова!« говорили Князья и Бояре; у многихъ показались на глазахъ слезы; Ощера сдѣлалъ самую жалостливую рожу, съ униженіемъ глядя на Юрія; Басенокъ

пошупилъ глаза, и оперся на мечъ свой. Юрій спѣшилъ посадить по прежнему Исидора.

— Сладостны рѣчи твои, опець Архимандритъ — отвѣчалъ потомъ Юрій — и не умѣю я отвѣтствовать тебѣ по красному смыслу рѣчей твоихъ. Но просто, по малому разумѣнію моему говоря, я не начинаю войны, но иду только требовать должнаго мнѣ, и не виновать я буду, если дѣло дойдетъ до войны.

»Вспомни, Князь Георгій, слова Писанія, повелѣвающаго прощать обиды, и любить враги своя.»

— Я и готовъ прощать и любить — сказалъ Юрій, въ замѣшательствѣ.

»Если такъ, то остано́ви пламень войны и опустошеній, удержи мстящую руку, благоволи выслушать Пословъ Князя Московскаго, и — примири́сь съ нимъ.»

Юрій, въ недоумѣніи, молчалъ, не зная, что возразить хипрорѣчивому Исидору. Косой нахмурилъ черныя свои брови. Шемяка изъяснилъ движеніемъ руки негодованіе; глаза Боярина Іоанна злобно устремились на Исидора. Димитрій Красный, прелестный юноша, съ русыми, кудрявыми волосами, голубыми глазами, и — говоря Русскимъ выраженіемъ, румяный, какъ красная дѣвица, подступилъ тогда къ опцу своему.

»Родитель!« сказалъ онъ, »отецъ Исидоръ говоритъ тебѣ то, что осмѣливался говорить я, и что внушало тебѣ собственное твое сердце. Не упущай благодати; изъ искры ея возгнѣши огонь, который-бы попалилъ вражду, древнее чадо діавола! Избери миръ на честныхъ условіяхъ, прости обидящихъ, возвесели сердца уповающихъ на радость блаженныя тишины!«

Тупъ Ощера осмѣлился начать ,
самымъ просительнымъ голосомъ :

»Мой Господинъ , Князь Василій
Васильевичъ , кланяется тебѣ , Госу-
дарю , дядѣ своему , и готовъ онъ ис-
правитъ всѣ вины , возникшія неволь-
но ко враждѣ . Приглашаетъ онъ те-
бя на общій съѣздъ , гдѣ соберутся
всѣ Князья Русскіе — если тебѣ это
угодно . Онъ не взыскиваетъ , что ты
первый поднялъ оружіе , и строго на-
кажетъ зачинщиковъ вражды .«

Тогда Косой поспѣшно вспалъ съ
своего мѣста , желая сказать что-то ;
но Бояринъ Іоаннъ предупредилъ его ,
подошелъ къ Юрію , и сказалъ : »Если
Князь Василій изъявляетъ такую
покорность , чего-же болѣе и желать
тебѣ , Князь Юрій Димитріевичъ ? Со-
гласись ; пусть объявятъ условія !«

— Мы согласны — отвѣчалъ Още-
ра — скажите : чего вы требуете ? —

»И благодать Божія явно видна въ семъ начинаніи, благомъ и праведномъ!« сказалъ Исидоръ, радостно.

— О! укрѣпи его Богъ въ мысли святой и великой! — воскликнулъ Димитрій Красный.

»Меня оскорблялъ племянникъ« сказалъ наконецъ Юрій. — »Онъ обижалъ меня и дѣтей моихъ. Димитровъ, законный удѣлъ мой, онъ занялъ воинствомъ.«

— Его возвращаю тебѣ, Государь! — отвѣчалъ Ощера.

»На старости лѣтъ моихъ терпѣлъ я униженіе отъ послѣдняго раба его« — продолжалъ Юрій.

— Наименуй оскорбителей твоихъ, и будешь удовлетворенъ — отвѣчалъ Ощера.

»Я наименую ихъ тебѣ!« воскликнулъ Косой, поспѣшно прибли-

жась къ Ощерѣ — »слушай: ругательница Князей, Княгиня Софья, Виповповна по бапюшкѣ, Князь Василій Васильевичъ, называющій себя *Великимъ Княземъ* — вопѣ имена первыхъ оскорбителей — слышишь-ли ты ихъ, кто ты такой, Бояринъ что-ли?»

Слова Косаго заставили всѣхъ безмолвствовать. Красный обратился къ брату, съ умоляющимъ взоромъ. Юрій, казалось, оскорбился дерзкою смѣлостью сына. Бояринъ Морозовъ подошелъ въ это время къ Юрію, и началъ что-то шептать ему.

— Князь Василій Юрьевичъ — сказалъ Ощера, оправляясь отъ перваго замѣшательства — если ты напоминаешь о бѣдственной ссорѣ твоей съ петушкою, то мы затѣмъ и пришли, чтобы утешить всѣ ссоры. —

»Какъ : *ссора* ?« воскликнулъ Косой — »не о ссорѣ, но о позорѣ, о безчестіи моемъ, говорю я — о мечахъ убійцъ, поднятыхъ на грудь мою среди дружескаго пира — и чѣмъ-же думаетъ Князь твой заплащать мнѣ за этотъ позоръ и оскорбленіе ?«

— Василій! — сказалъ Князь Юрій — ты перебиваешь рѣчи мои, а я тебѣ еще не приказывалъ говорить. — Сядь на свое мѣсто, и молчи! — прибавилъ Юрій сурово.

»Государь, родителъ !« возразилъ Косой.

— Молчи, повпоряю тебѣ ! — Косой хопѣлъ отвѣчать ; но Бояринъ Іоаннъ вдругъ обратился къ Посламъ. — Опъ кого присланы вы, господа Послы? спросилъ онъ. — Чпото я не разслушалъ хорошо ; Бояринъ Ощера такъ умѣлъ говорить, что разслушать было трудно. —

»Мы присланы отъ Великаго Князя Московскаго ,« сказалъ Басенокъ.

— Слѣдовательно, отъ старшаго изъ Князей? — Но чѣмъ-же почитаетъ вашъ Князь дядю своего : не уже-ли младшимъ ? —

»Если ты этого не знаешь еще,« отвѣчалъ Басенокъ, едва удерживая гнѣвъ свой — »такъ узнай ; да припомъ и еще узнай , что выдачи тебя головою поручилъ намъ прежде всего требовать Князь нашъ!«

— На что ему понадобилась она ? — сказалъ Іоаннъ , усмѣхаясь. — Но, я вижу теперь, что не только уступать , но и требовать кое - чего пришли вы отъ моего Государя , Великаго и старшаго Князя Юрія Дмитріевича, вы, возмущившіеся рабы его ! —

Басенокъ невольно схватился за мечъ. Іоаннъ презрительно погля-

дѣлъ на него, и громко провозгласилъ: »Преклонитесь предъ Великимъ Княземъ, Юріемъ Димитріевичемъ, рабы его непокорные! — Князь Великій!« продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію »подтверди имъ слова мои, и то, что уже объявилъ ты другимъ Князьямъ. А послѣ того, можно будетъ говорить и о мирѣ съ Послами племянника твоего, положишь, какой удѣлъ благоволишь ты дать ему, и благоволишь-ли, простишь-ли ему возмущеніе пропавъ тебя, отнятіе городовъ твоихъ, несправедливое лишеніе правъ твоихъ, покушеніе на жизнь дѣтей твоихъ, умыселъ на собственную жизнь твою, когда съ оружіемъ посланы были отъ него дружины, на тебя, твоихъ дѣтей, и твоихъ союзниковъ. . .«

Видно было, что Іоаннъ съ намѣреніемъ высказывалъ все, желая

взаимнымъ оскорбленіемъ воспалилъ ненависть, и усмирить всѣ предлоги къ миру. Онъ зналъ слабый характеръ Юрія, гордость Басенка, малодушіе другихъ Пословъ, и — не ошибся въ расчетъ.

— Князь Юрій Димитріевичъ! — воскликнулъ Басенокъ, приближаясь къ сполу — не уже-ли съ твоего позволенія эшопъ измѣнникъ держать говорить при насъ споль не-потребныя рѣчи?

»Великій Князь Юрій Димитріевичъ!« сказалъ Іоаннъ, обращаясь къ Юрію, »теперь видно: какъ просятъ мира Послы твоего крамольнаго племянника! Когда, наконецъ, правое дѣло твое торжествуетъ; когда самъ Богъ передаетъ въ руки твои прародительскій престолъ, копорымъ несправедливо, уже восьмой годъ владѣешь твой племянникъ; когда отъ слова твоего зависитъ не поль-

ко *удѣлъ*, но и самая *жизнь* его — онъ смиряется, обольщаетъ тебя — и что-же? Послы его буйствуютъ предъ тобою; дружины его идутъ на тебя, на Ярославль, на Рязань: это-ли миръ? Это-ли смиреніе и умирненіе? Я умолкаю, Государь — я, рабъ твой худомысленный, и если для мира дѣйствительно надобна голова моя — возьми ее, пошли къ Князю Василью, и дѣйствуй, какъ Богъ внушитъ тебѣ: сердца Князей и владыкъ въ руцѣ Божіей!»

Іоаннъ смиренно преклонился. Рѣчи его заволновали всѣхъ; шумный говоръ раздался между Боярами Юрія; недоумѣніе стараго Князя, казалось было рѣшено. Еще разъ осмѣлился было обратиться къ нему Димитрій Красный, съ умоляющимъ видомъ; но Юрій, какъ будто стыдился встрѣтиться со взоромъ его, и — отворопился.

Всего тяжелѣе мгновеніе рѣшимости. Какъ часто предпріятія, копорымъ посвящены были годы прудовъ, уничтожились опъ того, что въ рѣшительную минуту — недоставало силы, духа сказать объ нихъ! Но и тяжело бываетъ это роковое слово, за копорымъ уже нѣтъ возврата, выговоривъ копорое, не лѣзя уже обратиться вспять, и должно — или погибнуть, или исполнить сказанное!

»Послы Московскіе!« воскликнулъ Юрій, »если хопите вымолить миръ, то не буйствуйте, не держите оскорблять сановниковъ моихъ, смиритесь, и ждите моего отвѣта!«

Юрій созналъ сими словами, что Бояринъ Іоаннъ говорилъ съ его согласія.

»Если Князь вашъ желаетъ мира и пощады,« продолжалъ онъ, »то,

да преклонитъ оружіе, и встрѣ-
титъ меня близъ отчины моей, Мо-
сквы, какъ подобаетъ встрѣтитъ
своего владыку, а вы всѣ, рабы мои,
цѣлуйте мнѣ крестъ, и присягайте
въ вѣрности мнѣ, Великому Князю
Московскому.»

Всѣ сіи слова проговорилъ спа-
рикъ съ такимъ усиліемъ, какъ буд-
то-бы они были огненные, задуша-
ли его, и изсушали горланъ его,
произносимыя вслухъ. »Дайте мнѣ
пить« — сказалъ онъ, обращаясь
къ своимъ, и громко кашляя. Нѣ-
сколько глотковъ поднесеннаго ему
питья, остановили кашель.

»Государь!« скромно началъ пог-
да говоритъ Басенокъ — »рѣчи твои
изумляютъ насъ. Не уже-ли не на-
учился ты, изъ предшествовавшихъ
событій, суепности подобныхъ за-
мысловъ и предпріятій? Не уже-ли
еще разъ, въ преклонныхъ лѣтахъ

старости, ты забылъ клятвы твои, договоры и крестоцѣловальныя грамоты? Не уже-ли снова хочешь начать то, что давно уже кончено и предано забвенію?»

— Я беру то, что Богъ и уставы предковъ нашихъ передаютъ мнѣ, сыну Великаго Князя Московскаго Димитрія Іоанновича, и старшему изъ всѣхъ Князей Русскихъ, Мономахова рода. —

»Государь!« продолжалъ Басенокъ, тихо, но съ чувствомъ собственнаго достоинства — »прискорбно мнѣ было услышать, что Ивашку Боярина, изменника и предателя моего Князя, называешь ты своимъ *сановникомъ*, и подтверждаешь его злыя рѣчи. Но слышать опъ тебя самого о нарушеніи клятвъ, грамотъ и договоровъ. . .«

— О какихъ кляпвахъ и догово-
рахъ напоминаешь ты мнѣ? — съ
негодованіемъ воскликнулъ Юрій.

»Позволь исчислишь ихъ,« оп-
вѣчалъ Басенокъ, и далъ знакъ Бѣдѣ.
Спокойно выступилъ впередъ Бѣда,
и началъ говорить:

— При блаженной кончинѣ Ве-
ликаго Князя Василія Димитрієви-
ча, Духовною граматою передалъ
онъ Великое Княженіе, чѣмъ благо-
словилъ его опецъ, сыну своему Ва-
силію Васильевичу, что утвердили
дяди его, и покойный Владыка, Ми-
трополитъ Фопій, лѣта 6931 - го.
И когда Князь Звенигородскій и Га-
лицкій, дядя Василія Васильевича,
Юрій Димитріевичъ, не соглашался
на таковое устанавленіе, былъ у
него Князя Юрія Владыка Фопій, и
пастырскимъ своимъ словомъ уми-
рилъ Князей, и условилъ: быть Юрію

младшему, а Василию старшему. Въ семъ и заключена была кляшвенная грамата, лѣта отъ созданія міра шесть - тысячное, девять - сотное, придесять шестое, Индикта шестого, Марта въ единонадесятый день. И прешедшимъ премъ лѣтамъ, снова воздвигъ пребываніе Князь Юрій. И положено было, въ отвращеніе пролипіа христіанскія крови, и въ пресѣченіе крамолы и смуты, иди Князьямъ въ Орду, къ Великому Царю всея Руси, и многихъ Ордъ повелителю, Махмету, и какъ рѣшишь онъ Царь, такъ дѣлу и бытъ. И бывшимъ Князьямъ предъ Царемъ, разприся о Великомъ Княженіи, и рѣшилъ Царь Махметъ: бытъ Великимъ Княземъ Василию Васильевичу, а дядѣ его, Князю Юрію Димитріевичу бытъ подъ нимъ младшимъ....

Все сіе было произнесено безстрастнымъ, однозвучнымъ голо-

сомъ. Казалось, что совѣсть читаетъ подробную записъ прошедшаго Князю Юрію, и никто не смѣетъ прервать спрашнаго ея отчета. Бѣда продолжалъ :

»И повелѣлъ Царь Махметъ передъ собою ѣхать на конѣ Князю Великому, а Князю Юрію вести за поводъ коня его. Но Великій Князь милосердовалъ, подарилъ Князю Юрію городъ Дмитровъ, а чести не восхотѣлъ. И былъ посаженъ Князь Великій на споль опчій и дѣдній, въ Москвѣ, Уланомъ Царевичемъ, у Пречистыя, у Золотыхъ воротъ. И клялся ему Князь Юрій, какъ старшему, и въ духовной Митрополиша Фотія написанъ былъ Князь Юрій *благороднымъ и благовѣрнымъ*, а Князь Василій Васильевичъ *благороднымъ, благовѣрнымъ, и Великимъ*. . . .

—Князь Великій! прости моей ревности — воскликнулъ тогда Бояринъ

Іоаннѣ, поспѣшно подходя къ сполу, — но если ты, смиренія ради, терпишь клеветы и лжи, мы терпѣть ихъ не будемъ, мы, рабы твои! Позволь мнѣ запечатлѣть уста сего клеветника словами святой истины. — Юрій, не говоря ни слова, наклонилъ голову, а Іоаннѣ поклонился всему собранію, и началъ :

»Издравле, Богъ, испышующій гнѣвомъ Своимъ владыкъ земли, наравнѣ съ нисшими и малыми, да вѣдаютъ, что и они чловѣки суть, и не забываютъ дѣла, на которое призваны, насылаютъ казни, смуты, и превращеніи жребія Князьямъ и владыкамъ.

»Такъ было и въ то время, когда Великому Князю Юрію Димитріевичу, по судьбамъ Бога, долженствовало наследовать Великое Княженіе, послѣ старшаго брата своего, Великаго Князя Василія Димитріевича,

его-же да сопричтешъ Всемогущій
Господь къ лику праведныхъ!

»Говоришь-ли мнѣ о святыхъ и
непреложныхъ правахъ Князя Юрія
Димитріевича? Кто не вѣдаетъ, что съ
незапамятуемыхъ временъ *старшій*
въ родѣ Князей Русскихъ наследуетъ
престоль Великокняжескій. Благо-
родная вѣщъ добраго корени Вели-
каго Владиміра Всеволодовича Мо-
номаха, правнукъ Князя Всеволода
Георгіевича, *Великаго Гнѣзда*, Іоаннъ
Даніиловичъ возспавилъ въ величїи и
славѣ Великое Княженіе Русское, по-
гибавшее, порабощенное, униженное.
Онъ перенесъ его въ древній градъ,
новую Византію, Москву, благосло-
венный десницею Свяшителя Пепра,
перваго Митрополита Московскаго и
всея Руссіи. Се начало, се дѣло су-
дебъ Божїихъ! И когда Господь при-
звалъ Іоанна къ себѣ, утвердился ве-
ликій родъ его въ сынѣ, Князѣ Симе-

онѣ, ему-же наслѣдовалъ братъ его, Князь Іоаннъ, и передалъ сыну своему, Великому Князю Димитрію Іоанновичу. Старшіе въ родѣ Князей Русскихъ, по кончинѣ Великаго Князя Димитрія Іоанновича, остались сыны его: *Василій*, бывшій по немъ, Великій и славный Князь, и — здѣсь зримъ мы другаго, *старшаго по немъ* Князя нашего Юрія Димитріевича.

»Древній уставъ опцовъ, и грамата духовная Димитрія, утверждали право на Великокняженіе нашему Князю, въ случаѣ кончины Василія, если Господу угодно будетъ продлить дни нашего Князя Юрія. И совершилось: прешель къ опцамъ Василій, и продлилъ Господь дни нашего Князя.

»Но, о горе великое! Когда, скорбный о кончинѣ брата, его-же чпилъ въ опца мѣсто, Князь нашъ хотѣлъ принять бразды великаго дѣла госу-

дарственнаго — открылись хищеніе, умыселъ и суешное людское помышленіе!

»Братья юнѣйшіе возспали, Владыка духовный прегрѣшилъ, Бояре сковали крамолу. Духовная грамата, въ нарушеніе всѣхъ правъ Божескихъ и человѣческихъ, была составлена Василиемъ, по которой лишался Великокняженія Юрій, и племянникъ, сынъ Василія возспавлялся пропивъ него. Воинство явилось на зашипулжи; Князь Липовскій, объявленный опекуномъ юнаго Василія, какъ хищный вранъ, готовилъ уже кровожадныя дружины свои, да воспользуется раздоромъ. И щадя кровь христіанскую, что долженъ былъ дѣлать Князь нашъ?.. Онъ — уступилъ, Князья и Бояре, уступилъ... Оцѣните великодушіе его, познайте славу его смиренія!»

Шумъ раздался послѣ этихъ словъ въ собраніи; Бояринъ Іоаннъ торжественно, горделиво посматрѣлъ на всѣхъ, и продолжалъ :

»Но мысля о спасеніи души племянника, брашневъ, и даже самыхъ рабовъ своихъ, не преспавалъ онъ убѣждать ихъ. Вскорѣ смерть прекратила дни Вишовта! Владыка Фотій скорѣ опдалъ не-земной опчепъ въ дѣлахъ, и — язва смертельная поразила Москву, гдѣ пали жертвою гибельной смерти многіе Князи и Бояре. И все сіе совершилось въ пять лѣтъ! Богъ являлъ судъ и гнѣвъ Свой, но — не слушали Его глаголовъ! И когда Князь нашъ, не прибѣгая еще къ оружію, предложилъ опдаться на судъ Царю Ордынскому... Князья и Бояре! не спрашивайте у меня: какія крамолы употреблены были заимишь правду и истину! Горе намъ, горе царству, неправ-

дою зиждемому! Такъ! Царь Махметъ осудилъ нашего Князя; но тогда рѣшился уже Князь нашъ защищать дѣло свое оружіемъ. Мѣра неправдъ исполнилась. . . «

— Бояринъ! — воскликнулъ Басенокъ — ты-ли смѣешь говорить о судѣ Ордынскомъ? Не нуженъ былъ судъ сей нашему Князю Василію Васильевичу; но онъ шелъ на него, ибо хотѣлъ доказать правду свою и симъ образомъ. Но кто стоялъ тогда за нашего Князя? — Не ты-ли, не такъ-ли, какъ нынѣ разглагольсповалъ ты, и убѣждалъ Царя Ордынскаго въ пользу нашего Князя — двоедушный, двуязычный спарецъ! вспомни и успыдись! . . . —

Казалось, сіи слова должны были смутить Іоанна. Всѣ знали, что онъ былъ причиною благопріятнаго для Василія Ханскаго рѣшенія. Краснорѣчиво утверждалъ онъ передъ

Ханомъ — именно пропивное тому, что говорилъ теперь. »Повелитель Русскихъ земель!« восклицалъ тогда Бояринъ Іоаннъ — »твоей воля предспавляетъ сирота, сынъ славнаго Князя Московскаго, судьбу свою! Оставишь-ли его, забудешь-ли славу твою, и слово твое, копорымъ укрѣпилъ ты волю отца его? Князь Юрій утверждается на вѣпхихъ хартіяхъ и мерпвыхъ успавахъ, никогда не исполняемыхъ на Руси — мы ссылаемся на твое живое слово, утверждаемся на твоей всемогущей воля!« Подробно исчислялъ потомъ Іоаннъ всѣ отспупленія отъ права старѣйшинства, и возвышалъ волю Хана. — Но Бояринъ Іоаннъ не смутился теперь отъ словъ и напонианій Басенка.

— Оспановись, дерзкій юноша! — воскликнулъ онъ. — Кто ты, ничпожный судія совѣспи другаго!

Если и былъ я тогда виновенъ, то, не видишь-ли теперь явный знакъ благодати Божіей, доказывающій несомнѣнную побѣду Князя Юрія Димитріевича — знакъ ея во мнѣ, человекѣ, который былъ врагомъ его, и отвергъ вражду, внявъ угрызенію совѣсти и гласу истины! Такъ: я споялъ тогда за крамольнаго племянника, думая, что спою за правое дѣло. Привыкнувъ повиноваться великому родителю его, повиновался я и юному Князю Василію. Но не я руководствовалъ коварными, злобными, вѣроломными дѣлами Москвы: Юрій Паприкеевичъ былъ первенствующимъ въ Княжеской Думѣ; мать Василія, поругательница Князей, дяди его, люди коварные и хитрые, сонмъ, Бояръ продажный и корыстолюбивый — вотъ кто руководилъ Москву! И я не могъ сносить далѣе тяготы душевной, оставилъ Москву, и перешелъ къ правой сторонѣ.

— Князья и Бояре! я могу пересказать вамъ даже и то, сколько золота и серебра дано было копорому Ордынскому вельможѣ, чптобы преклонить рѣшеніе Хана Ордынскаго; могу объяснить, какіе умыслы таились послѣ того на гибель нашего Князя и сыновъ его; какіе ковы соплетались на другихъ Русскихъ Князей, для опнятія ихъ удѣловъ. Но — теперь и безъ меня уже все раскрыто. Въ безумномъ ослѣпленіи, Москва послала дружины свои на Ярославль и Рязань, наложила руки убійцы на двухъ сыновъ нашего Князя, и гдѣ-же? Когда? Среди веселія родспвеннаго! Князь Конспанпинъ хочеть прикрыть грѣхи монашескимъ клобукомъ; другихъ братьевъ уже призывалъ судъ Божій, и — долготѣіемъ благословенный, грядеть мстителъ неправды. Се наступилъ часъ побѣды его! Кто пропивоства-

нептъ? Да здравствуетъ Великій Князь Московскій Юрій Димитріевичъ! —

Громко повторено было сіе восклицаніе; Бояре и воины, бывшіе внѣ избы, гдѣ происходилъ пріемъ Пословъ, также повторили его, и оно разлилось по всей дружинѣ Юрія, соединенное съ звукомъ бубновъ и трубъ.

»Ты слышалъ-ли, Воевода Московскій, и вы, Бояре Московскіе, слышали-ль рѣчи моего Боярина?» сказалъ Юрій. »Чего-же ждете вы еще? Вы хошите знать права мои: я-ли изложилъ ихъ? Я молчалъ, когда говорили вы противъ меня клеветы свои, и когда въ отвѣтъ вамъ изрекли истинны святыя и непреложныя. . . .«

— Мы слышали исповѣдь преступника и измѣнника — сказалъ Басенокъ — но не знаемъ еще твоей воли. —

»Остановишься-ли ты въ своихъ дерзкихъ словахъ, рабъ, бунтовщика?« стремительно вскричалъ Косой. »Еще одно слово — и ты погибнешь, презрѣнный оскорбитель Князей!«

Басенокъ угрюмо взглянулъ на него. »Пословъ ни сѣкупъ, ни рубящъ, Князь Василій Юрьевичъ!«

— Но какой-же Посоль присылается для того, чѣобы оскорблять тѣхъ, къ кому онъ присланъ, и безумно пропировѣчить правдѣ! — вскричалъ Шемяка.

Басенокъ оборотился къ Ощерѣ. »Бояринъ! чѣо-же ты молчишь? Такъ-ли долженъ поступать Посоль Великаго Князя?«

Ощера, хранившій глубокое молчаніе, вдругъ ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, преклонилъ колѣно предъ Юріемъ, и воскликнулъ: »Государь Князь Великій! прими раба

твоего, и смилуйся надъ нимъ. Да здравствуетъ Великій Князь Юрій Димитріевичъ, и да погибнутъ враги его!»

Сей неожиданный поступокъ старшаго Московскаго Посла изумилъ всѣхъ. Подлостъ, низость поступка Ощеры, какъ говорится, повернула сердца, и — его восклицаніе умерло въ совершенной тишинѣ.

Басенокъ задрожалъ отъ негодованія. «Боже великій!» воскликнулъ онъ, «могу-ли пережить сей позоръ, сіе безславіе!» Казалось, онъ не зналъ: взялся-ли ему за мечъ свой и умертвить измѣнника Ощеру на мѣстѣ, или удержатъ свое негодованіе!

— Встань, Бояринъ! — сказалъ Юрій Ощерѣ. — Принимаю твою покорность, и жалую тебѣ мѣсто въ нашей Великокняжеской Думѣ.

«И тако покорялся тебѣ всѣ!» воскликнулъ Бояринъ Іоаннъ, между

пѣмъ, какъ Ощера подползъ на колѣнѣ къ Юрію, и цѣловаль ему руку.

— Живи, — пресмыкайся — сказалъ тогда Басенокъ, съ отвращеніемъ глядя на Ощеру. — Но теперь я старшій Посолъ Великаго Князя, и засуплю мѣсто измѣнника. Князь Звенигородскій! отвѣчай Великому Князю Московскому, въ лицѣ Пословъ его: полагаешь-ли ты оружіе? Принимаешь-ли миръ? Отказываешься-ли отъ твоихъ несбыточныхъ помысловъ? —

»Дерзновенный!« вскричали въ одинъ голосъ Косой, Шемяка и Бояринъ Іоаннъ. »Умолкни, или за оскорбленіе Великокняжескаго величія, тебя не спасетъ званіе твое!«

Какъ будто не внимая симъ угрозамъ, Басенокъ продолжалъ — Выдаешь-ли мнѣ измѣнника Иванку Боярина, и другаго вора, Боярина Ощеру? —

»Удались немедленно, бѣги, скажи своему Князю, что между нами нѣтъ никакихъ условій!« воскликнулъ Юрій, вставая съ своего мѣста. »Покорность, или горе и гибель!«

— И такъ, да падетъ на тебя кровь Христіанская, нарушитель клятвъ! — оповѣчалъ Басенокъ. — Брось передъ нимъ его граматы крестоцѣловальныя — сказалъ онъ, обращаясь къ Бѣдѣ. Крикъ негодованія и ярости раздался въ собраніи. »Мы не потерпимъ такого наругательства — сковать его — цѣпи — пюрма!« закричали съ разныхъ сторонъ.

— Торжествуй — сказалъ Басенокъ, обращаясь къ Боярину Іоанну — но знай, что торжество зла крапковременно! Угліе горящіе сыплешь ты на главу свою, неправедно собирая богатства и почести. Плаха — рано или поздно — будетъ твоя удѣль! —

Въ это время Бѣда, съ обыкновеннымъ своимъ равнодушіемъ и неизмѣняющимся лицомъ, вынулъ изъ бархатнаго мѣшка, и кинулъ къ ногамъ Юрія свертокъ бумагъ.

Яросль овладѣла Юріемъ, дѣшми его и Боярами. Юрій хотѣлъ что-то сказать, но, задыхаясь, не могъ ничего выговорить, и только кашлялъ. Бояре его, одни кинулись къ Боярамъ Московскимъ, сопутникамъ Басенка, въ намѣреніи вытолкать ихъ вонъ; другіе хотѣли обезоружить Басенка. Шемяка, дрожа отъ гнѣва, схватилъ одной рукою бумаги, которыя бросилъ Бѣда, другою ухватилъ онъ его за бороду, закричавъ: »Я заспавлю тебя проглотить ихъ, изчадіе нечистое!«

Басенокъ отступилъ къ дверямъ, заслоняя собою товарищей, и громко воскликнулъ: »Кто ко мнѣ подступитъ, тотъ расплатится жизнью!«

Онъ стремительно ухватился за мечъ свой.

Шемяка первый почувствовалъ все неприличіе ярости и необдуманнаго гнѣва. Онъ оставилъ Бѣду, и остановилъ бросившихся на Басенка, какъ будто желая загладить свое собственное, излишнее безразсудство.

»Остановитесь, братъ, Князя, Бояре! Спыдъ, грѣхъ — не посраимъ себя!»

— Князь Георгій Димитріевичъ, — сказалъ тогда Исидоръ, хранившій глубокое молчаніе, во все время споровъ и буйнаго волненія — позволь мнѣ молить тебя: если уже безъ плода оказалась принесенная мною тебе вѣтвь маслины, то, да не произраститъ она, по крайней мѣрѣ, плода гибели. Посланникъ мира — да не буду я зрителемъ кровопролитія! —

Всѣ остановились. Юрій усшы-
дился буйспва своихъ дѣпей и вель-
можъ. »Оппустите ихъ безопасно, и
горе тому, кто оскорбитъ ихъ хопъ
словомъ!« — сказалъ онъ. »Съ побою,
опецъ Архимандритъ, мы увидимся—
въ Москвѣ. Бояринъ Іоаннъ, Бояринъ
Ощера — идите за мною!« — Онъ при-
нялъ благословеніе Исидора, и пос-
пѣшно удалился.

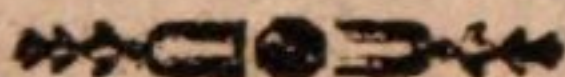
Басенокъ также спѣшилъ идти.
За нимъ пошли двое поварищей его.
Бѣда все еще оставался на своемъ мѣ-
стѣ, блѣдный, неподвижный, дрожа-
щій, съ той самой минутой, какъ
Шемяка споль жестоко опозорилъ
его. Уже Басенокъ и Бояре были за
дверьми, когда онъ опомнился, мол-
ча поднялъ съ земли клочъ волосовъ,
вырванный изъ бороды его Шемя-
кою, и, не говоря ни слова, пошелъ
за товарищами. Онъ казался обезу-

мѣвшимъ; казалось, онъ самъ не понималъ, что дѣлаетъ.

Шемяка, сложивъ руки, погруженный въ мрачную, глубокую думу, стоялъ подлѣ спѣны, и долго не могъ дать самому себѣ отчета, во всемъ вокругъ него происходившемъ. Онъ опомнился наконецъ, когда уже никого не было въ избѣ. Только Димитрій Красный сидѣлъ въ углу, и — горестно плакалъ. . . .

— Плачь, Ангелъ-Хранитель нашъ, плачь! — сказалъ Шемяка мрачнымъ голосомъ, — Не такъ совершаются дѣла, Богомъ благословляемая! Предчувствую, въ какую бездну грѣха и гибели повернули мы себя, тебя, родителя.... Но — кто проливоспа-нетъ судьбамъ своимъ? Да будетъ-же то, что будетъ. . . . Въ Москву, въ Москву! . . .

Димитрій Красный не отвѣчалъ
ни слова, закрывая рукою глаза, и
слезы обильно текли изъ глазъ его.

Г Л А В А II.

О Боже мой! кто будешь нами править!
О горе намъ! . . .

А. Пушкинъ.

Въ Кремлевскихъ , Великокняжескихъ хоромахъ были покон для жишья , залы для пированья , палаты для государственныхъ совѣщаній , церкви и часовни для молитвы , кладовыя для золота и серебра , погреба для винъ и меда. Но кто прошелъ-бы всѣ эти отдѣленія хоромъ Великокняжескихъ , почти не узналъ-бы , что въ нихъ были еще уголки , назначенные не для веселья , не для пировъ , не для храненія Великокняжескаго богатства , уголки темные , мрачные , лишенные всякаго убранства. Это были — *Боярскія тюрь-*

мы, темницы, и *Княжескія казенки*. Въ то время, когда въ палатахъ раздавались веселые клики радости, въ этихъ уголкахъ уныніе и горестъ бесѣдовали съ обитателями, не рѣдко переходившими въ нихъ съ великолѣпнаго пира Великокняжескаго. — *Близъ Царя близъ чести, близъ Царя близъ смерти* — эта пословица дошла изъ старины до нашихъ временъ. Съ удивительнымъ равнодушіемъ повторяли и забывали всегда эту пословицу Царедворцы, не боясь *близки*, и все шѣсаясь *ближе и ближе* къ Великому Князю! И всегда весело пировали они, никогда не помня, что товарищи ихъ, недавно подлѣ нихъ сидѣвшіе, горюютъ въ Боярской пюрѣ, или Княжеской казенкѣ.

Такъ забыты были въ это время два молодые Боярина, Симеонъ и Иванъ Ряполовскіе. Укора другимъ, недостойнымъ Боярамъ и Царедвор-

цамъ, жертва смѣлой правды, и женской, необдуманной вспыльчивости, со дня самой свадьбы Великаго Князя брошены были они въ пюрму, и разлучены съ родными. У опеченства опняшы были умы и руки ихъ въ минуты величайшей опасности. Мы видѣли, что злые враги готовили имъ даже люшую казнь. Но Василій велѣлъ умолкнуть требовавшимъ головъ ихъ, не смѣлъ освободить Ряполовскихъ, но не велѣлъ и умножать тягости ихъ заключенія. Ряполовскіе оставались, какъ будто не важное дѣло, рѣшеніе котораго откладываютъ впредь, до времени болѣе свободнаго. Нерѣшительный Князь не умѣлъ оцѣнить достойно окружавшихъ его людей, не умѣлъ и сознать прямо достоинства Ряполовскихъ. Но неужели не понимали опасности опчизны Бояре и Царедворцы его? Не уже-ли злоба зашмѣвала въ глазахъ ихъ невинность Ряполовскихъ, и

не хотѣла сознаться, что *теперь* они были необходимы для общаго спасенія? Можно обольщать себя надмѣнностью, ослѣпляться гордостью, пока нѣтъ еще опасности. Но когда гибель надъ головою, кто не сознаетъ своего безсилія, не пожертвуетъ всѣмъ?

Опасность, гибель! Но какая опасность, какая гибель грозила *Боярамъ Василія*? Гибель его развѣ губила ихъ? Опасность его развѣ и имъ была равно ужасна?

Симеонъ Ряполовскій сидѣлъ за вѣпхимъ споломъ въ своей темницѣ; передъ нимъ развернута была духовная книга. Братъ его, Иванъ, ходилъ по темницѣ. Заходящее солнце освѣщало, сквозь желѣзныя рѣшетки, бѣдную комнапу, гдѣ заключены были Ряполовскіе.

»Послушай, братъ: какъ утѣшительны, усладительны слова Апо-

спола,» сказалъ Симеонъ — *»Желаете и не имате; убиваете и завидите, и не можете улутити. Сваряетесь и борете и не имѣете, зане не просите; просите-же и не приѣмлете, зане злѣ просите, да въ сласныхъ вашихъ иждивете. . . Не вѣсте-ли, яко любви міра сего вражда Богу есть — иже-бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ. . . .«*

— Другъ міра, врагъ Богу, другъ Бога, врагъ міру Да, свящыя слова, любезный братъ! Но горе намъ, вѣдущимъ ихъ, и не внемлющимъ, слышащимъ ихъ, и не исполняющимъ! *Врагъ міра. . . .* Но могу-ли быти врагомъ самаго себя, ибо что міръ, если не мы? —

»Нѣтъ! Міръ — владѣніе Князя міра сего — не есть тотъ міръ, въ копоромъ живеть человекъ, исполняющій обязанность свою къ Богу,

поспавленной опъ него власпи, ближ-
нему, и самому себѣ.»

— Ахъ! обязанность-ли наша
мечпы власполубія, суепы и гор-
доспи, копорья не переспаютъ шер-
затъ насъ — даже и на жеспкомъ
одрѣ темницы. . . .

»Ты сегодня особенно груспенъ
и печаленъ, братъ. Чпо съ тобою?»

— Меня убиваетъ мысль, чпо
теперь, когда, можетъ быть, доб-
рые поварици умираютъ на полѣ
брани, и кровью искупаютъ грѣхи
свои, мы бездѣйствуемъ, мы ничего
не слышимъ даже! . . . Грѣшу, но со-
знаюсь: уже не польза Княжая —
но кровь, кипящая въ жилахъ, за-
спавляетъ меня груспить, чпо и
я не памъ - же. . .

»А спрадающій за Князя своего
въ темницѣ, развѣ не воуетъ за не-
го? И чпо-же ты хочешь слышатъ?
Вѣспи о позорѣ и безславіи опмизны,

о гибели Москвы, когда ты не въ силахъ отвратить сей гибели?» Симеонъ, отвернувшись, желая скрыть слезы помрачившія глаза его. Иванъ безмолвно сѣлъ на одръ свой.

Въ это время загремѣлъ замокъ на дверяхъ темницы, и явился надзирашеть пюремъ и темницъ дворцовыхъ, Дьякъ Щепило, возведенный въ чины покровительствомъ Юрія Паприкеевича, ничтожный угодникъ Софіи. Жестокосердіе и глупость ясно изображались на лицѣ его. Къ этому присоединялось еще у него пьянство. Всякій вечеръ, Щепило сильно напивался, окончивши обзоръ заключенныхъ. Обыкновенно утрюмый и молчаливый, вечеромъ онъ дѣлался словоохотнымъ и веселымъ, когда хмѣлина попадала въ его голову. Видно было, что на сей разъ Щепило началъ гулянку до-вечерняго своего обхода. Онъ затворилъ за

собою дверь темницы Ряполовскихъ, и важно сѣлъ на скамейку, спояв-шую подлѣ двери. Симеонъ взглянулъ на него, и снова началъ читать. Иванъ глядѣлъ на Щепилу, и ожидалъ, что начнеть онъ говорить.

Нѣсколько разъ потеръ лобъ свой Щепило, опдувался нѣсколько разъ, и рожа его такъ была смѣш-на, что Иванъ улыбнулся, смотря на него. Щепило самъ засмѣялся.

— Ну, что-же, Бояре? А, ну, что-же? — сказалъ онъ.

»Да, ничего!« отвѣчалъ Ряполовскій. »Мы ждемъ, что ты скажешь.«

— Я что скажу? Да также — ничего! —

»Спало бытъ разговоръ у насъ будетъ короткій. Намъ теперь ничего не надобно, и мы еще не

ушли изъ пюрьмы, какъ ты видишь. — Прощай!»

— Не ушли изъ пюрьмы?.. Да, вѣдь этого не лзя: вѣдь она зашкупна моею головою. Ничего не надобно? Спало вы не пожалуетесь на меня, бѣдняка, чпобы у васъ чего нибудь недоспавало? Спало вы мною довольны? —

»Очень довольны, пошому, чпо намъ ничего не надобно, и мы ничего не просимъ. . .«

— Ну, такъ вы меня проспите.... Чпо-жъ дѣлашь? Немного выпидь — да такъ, съ радости, съ веселья. . .

»Что у тебя сегодня за веселье?«

— Не у меня, а въ Москвѣ. И еспь о чемъ повеселишься. Великій Князь, правда, плакаль — ну, чпо дѣлашь! Разспанься съ молодою женою, да

съ мягкой постели ѣхашъ на крова-
вую бишву. . . Хе, хе, хе! —

Симеонъ пересталъ чистить, и
сдѣлалъ знакъ брату, чтобы онъ
разговорился съ Щепилою. Иванъ рѣ-
шился поддерживать разговоръ. »Раз-
вѣ Великій Князь отправился куда?«
спросилъ онъ.

— Вы люди умные, Бояре, и боль-
ше меня знаете! Хе! Гдѣ же намъ
знать съ ваше! —

»Положимъ и такъ, хоть по-
хвальба мужу пагуба, почтенный го-
сподинъ Щепило; но ты забылъ, что
мы уже недѣли съ двѣ сидимъ въ за-
перти, и кромѣ того, что опъ те-
бя слышали въ это время, совер-
шенно ничего не знаемъ.«

— Опъ меня слышали — сирѣчь
я вамъ, Бояре, не врагъ, а пріятель,
и все пріятельски рассказываю. А
вы сору за порогъ не выносите. Ей

Богу , Бояре , бывало вы меня словомъ не удоспоивали , когда были вы въ чеспи , а воптъ я васъ , шакъ всегда чеспвоваль низкимъ поклономъ. Топо-же: съ шюръмой , да съ сумой никогда не бранись! А я, право слово, васъ полюбилъ , полюбилъ за то, что вы такіе добрые, смирные , ничего не запѣваете , сидите себѣ тихо , и ничего не пребуете. Я ужъ и Юрію Паприкеевичу объ этомъ говорилъ. А онъ, право слово, васъ любитъ, очень любитъ, Бояре! —

»Мы никогда ему зла не дѣлали. За что-же ему зла намъ желать?»

— А что онъ не пропивился , когда васъ рѣшили въ шюрьму заключить — не лзя-же было ему , Бояре! Я вѣрю, что вы честные люди — да пало на васъ подозрѣніе , будто вы старому Юрью пошакаете — нельзя-же было васъ защищать. Вѣдь подумали-бы и о моемъ

покровитель, Князь Юрьъ Паприкеевичъ, что онъ съ вами за одно! Ну, ужъ лучше-же вы пропадайте, нежели споятъ ему за васъ, да погубить себя! Но Юрій Паприкеевичъ нѣсколько разъ спасалъ васъ послѣ того опъ явной смерти. Еще вчера, какъ было поднялись пропивъ васъ! Кричатъ: *«Давай намъ Ряполовскихъ!»* А особливо эпомъ Князь Туголукій: собралъ толпу всякаго сброднаго народа, наговорилъ на васъ, что вы злодѣи, измѣнники, и заспавилъ подлѣ Дворца кричатъ: *«Давай Ряполовскихъ!»* Я самъ тупъ-же кричалъ. Да, право слово, нечаянно попался; шелъ мимо, народъ бѣжитъ, и меня съ собой утащилъ. Я было хотѣлъ молчать, такъ — куда тебѣ — меня чуть самага не прибили! »Что ты не кричишь?» спали мнѣ говорятъ. »Видно ты Юрьевскій? Видно покаешь измѣнникамъ Ряполовскимъ?»

Дѣлашь нѣчего! Заораль и я: *Давай
Ряполовскихъ!* —

»Что-же сдѣлалъ Великій Князь?»

— Ничего! Велѣлъ только разо-
гнать насъ палками: кто куда бро-
сился, и я радъ радехонекъ былъ,
что по-здорову уплелся. Хорошо еще,
что народъ палки боится. Чтобы
ты съ нимъ спалъ дѣлашь, если-бы
палка его не пугала? —

»Мы видимъ, что ты не хо-
пѣлъ намъ зла« — сказалъ Ряполов-
скій, улыбаясь — »а въ честномъ об-
ществе, дѣлашь нѣчего — надобно
подпакивать. Говоряшь, что однаж-
ды, смотря на примѣръ другихъ, Жидъ
женился, а Грекъ удавился. — Но ты
не кончилъ своего разсказа о томъ,
какъ поѣхалъ съ Великимъ Княземъ
изъ Москвы Юрій Паприкеевичъ« —
продолжалъ Ряполовскій, нарочно спа-
рался запутать Щепилу въ словахъ,
и вывѣдалъ опъ него.

— Да, какъ поѣхалъ онъ — сказалъ Щепило, забывшись, и полагая, что онъ уже рассказалъ все предшествовавшее. — Но, онъ поѣхалъ, да не доѣхалъ. — Охъ! умная голова благодѣтель мой, Князь Юрій Паприкеевичъ! Что-же ему дѣлать, когда Господь не назначилъ его опъ рожденія бытъ воиномъ? Онъ великъ въ Совѣтъ. — Ну, овому талантъ, овому два . . .

»Овому ничего,« пробормоталъ Иванъ, усмѣхаясь.

— Да, овому два. А кабы еще къ совѣтному, великому уму, да Господь далъ храбростъ Юрію Паприкеевичу — вошь, какъ далъ онъ ее Басенку, примѣромъ сказаць, или Андрею Ѳедоровичу Голпяеву. . .

»Голпяеву!« невольно воскликнулъ Симеонъ, и хлопнулъ книгу — но опомнился, развернулъ снова, и

безъ мыслей перебиралъ листы въ ней.

— Такъ кто-бы тогда съ Юрьемъ Паприкеевичемъ сравнялся? — продолжалъ Щепило, ничего не замѣчая. — А впрочемъ, теперь Басенокъ узналъ, какъ его бабушку зовутъ...

»Басенокъ? Какъ-же это?»

— Да, такъ: харабѣръ онъ, больно харабѣръ, да наскочилъ на лихаго. Нѣтъ! видно съ Шемякой — то не съ своимъ брапомъ — такъ его распрепали, что едва ноги унесъ. —

»Добрый другъ!« промолвилъ тихо Симеонъ, »но, и себя я не узнаю: ты пережилъ проигранную побою битву!« — Симеонъ погрузился въ мрачную задумчивость.

— И то сказаць: видима — невидимая сила идетъ ихъ! Опъ однихъ пожаровъ такъ свѣтло бываетъ по

ночамъ, что въ самомъ дворѣ Княжескомъ хоть деньги счидай. —

»И меня нѣтъ тамъ!« невольно воскликнулъ Иванъ.

— Нѣтъ? — сказалъ Щепило — чего нѣтъ — все есть! Не только дружина пошла, не только самъ Великій Князь поѣхалъ, но и меды, и брагу повезли — шель, шель обозъ изъ Москвы — конца не было видно. . .

Долго еще рассказывалъ и говорилъ Щепило. Ряполовскіе узнали отъ него множество подробностей, о томъ, что послѣ нечаяннаго разгона дружинъ Московскихъ, Гудочникомъ, посланы были Послы къ Юрію, а ночной разгонъ войска приписали колдовству; что съ безчестіемъ прогнаны были отъ него послы; что всѣ Князья удѣльные опспупились, и не вмѣшивались въ дѣло, не шли противъ Москвы, но и не помогали Юрію,

который быспрымъ напискомъ разбилъ Басенка. Послѣ сего, въ буйной, пьяной Думѣ Великаго Князя рѣшено было защищать *Москву*, и самъ Великій Князь отправился, съ многочисленною, но нестройною толпою, на встрѣчу дядѣ, приближавшемуся отъ береговъ Клязьмы, въ грозномъ ополченіи. Между тѣмъ Москва волновалась; улицы въ трепи Юрія закинули рогатками; всякій Москвичъ вооружался; спража, усиленная десятиpero, безпрестанно ловила вооруженныхъ и разводила драки. —

— Да гдѣ имъ! — воскликнулъ наконецъ Щепило — только-бы измѣнниковъ у насъ не было, а то Великій Князь развѣстѣ, яко прахъ размещаетъ въпрѣ, всѣ тмы враговъ. Юрій Паприкеевичъ спорожитъ Москву, и велѣлъ ужъ приготовить хлѣбъ-соль для возвращенія Великаго Князя. Вѣдь завтра онъ, конечно, воро-

пились съ побѣдою, и съ плѣннымъ
дядюшкою своимъ, и запоемъ мы
всѣ: *Твоя побѣдительная десница!*
А послѣ завтра — чего мѣшкашь...
покапывая по площади головушки
Юрья, и Шемяки, и Косаго, и еще
кое-чьи... — Щепило лукаво взгля-
нуль на Ряполовскихъ.

»Умолкни, мерзостная шварь!«
вскричалъ Симеонъ внѣ себя. Сердце
его переполнилось. »Ты - ли смѣешь
говорить о священныхъ головахъ дя-
ди и братьевъ Великокняжескихъ!«

Хмѣль вдругъ выскочилъ изъ го-
ловы Щепилы, опъ испуга, въ какой
привели его слова Симеона, и не-
ожиданный переходъ изъ глубокаго,
неподвижнаго молчанія въ ярост-
ный гнѣвъ. — Что я разоврался
шупъ! — забормоталъ Щепило. —
Говорю о головѣ Юрья передъ его
сообщниками! Какъ - бы убраться?
Ихъ двое, а я вѣдь одинъ — правда,

спража подлѣ, но пока прибѣжишь она, то меня уходяшь эти бѣсовы дѣши . . . Онъ робко взглянулъ на дверь, и расчищывалъ, какъ можешь онъ въ одинъ прыжокъ бышь за дверьми. Но къ неопisanному ужасу его, Симеонъ быспро вскочилъ, ухватилъ его за грудь, прежде нежели онъ успѣлъ опомниться.

— Князья, Бояре! оппустише душу на покаянѣе — ради Христа! Тупъ вѣдъ спража — зареву — всѣ прибѣгущъ, и искрошашъ васъ въ мѣлкіе кусочки. . .

»Слушай!« сказалъ ему Симеонъ.

Щепило опъ спраху не могъ промолвити ни одного слова. Какой подлецъ не робокъ? Щепило указывалъ только на дверь пальцемъ, давая разумѣшь, что тупъ, за дверью, находится спража.

»Слушай, Щепило!« продолжалъ пылкій Симеонъ, не внимая знакамъ

его — »выпусти насъ! Чего ты хочешь? Золопа — бери я тебѣ дамъ — я тебя осыплю золопомъ — выпусти только насъ — дай намъ уйдти — выпусти одного изъ насъ, а другой останется у тебя въ залогъ. . .«

— Братъ, любезный братъ! — сказалъ Иванъ, опнивая руку Симеона опъ груди Щепилы — опомнись! Чпо ты дѣлаешь? —

»Да, я въ самомъ дѣлѣ забылся — взялся за эшаго мерзавца!« Симеонъ опряхнулъ руку, какъ будто - бы держалъ въ ней нечистую жабу.

Пользуясь эшимъ, въ одинъ мигъ, съ спрашнымъ крикомъ, опворилъ дверь и бросился вонъ Щепило. Спража, испуганная крикомъ его, кинулась въ темницу Ряполовскихъ. Щепило сполкнулся съ воинами, и полетѣлъ со всѣхъ ногъ. »Башюшки! спасайте: измѣнники бьютъ и бѣгутъ!« заревѣлъ онъ, во все горло.

Но войны остановились, видя, что Рязановскіе неподвижно сидятъ вмѣстѣ, обнявшись, и что Симеонъ плачетъ.

— Кто кого бьетъ? — сказалъ одинъ изъ воиновъ.

»Измѣнники, злодѣи! Они подговаривали меня выпустить ихъ« — отвѣчалъ Щепило, оправясь, и поднявшись на ноги. »Пойдемъ, пойдемъ,« продолжалъ онъ, толкая вонъ спражей — »сей часъ пойдемъ къ Юрью Паприкеевичу; кандалы на нихъ, цѣпи — казни ихъ!« говорилъ онъ, замыкая дверь снаружи замкомъ, и стараясь вспомнить, что говорилъ онъ Рязановскимъ, и боясь не навралъ-ли имъ чего нибудь лишняго.

— Спасаютъ Москву, не заботясь уже о спасеніи Великаго Княжества! — говорилъ Симеонъ брату. — Внукъ Димитрія не могъ опразить толпы бродягъ, набранныхъ

крамольнымъ дядею , когда дѣдъ его полпораспа тысячъ воиновъ выво-
дилъ въ поле , и впрахъ разсыпалъ
съ ними оподченія Орды! Горе намъ!
Семьдесятъ лѣтъ крамола не гу-
била Русскихъ земель , но теперъ
возродилась она , какъ неукропимая
злоба древняго змія , діавола. . .

»На что раздражилъ ты неумѣ-
стнымъ гнѣвомъ своимъ нашего пю-
ремщика? — Мы можемъ погибнуть...«

— Силь моихъ недоспало болѣе,
и лучше, лучше погибнуть , нежели
пережить бѣдственное наше время!
Горе намъ, братья! О! если-бы я могъ
теперь спастъ, хотя простымъ вои-
номъ , въ ряды братьевъ! Владычице
Богородице! лукъ мѣдянь содѣлай лю-
дей твоихъ вѣрныя , избранныя мыш-
цы , и препояши ихъ силою и крѣпо-
стію, Пренепорочная , съ небесъ пода-
й имъ силу! —

Шумъ и спукъ подлѣ дверей темницы развлекъ вниманіе Ивана Ряполовскаго. Окошечко въ двери, забиное желѣзною рѣшеткою, опворилось. Видна была голова Щепилы, и еще какое-то другое звѣробразное лицо. Какъ будто боясь самъ войдши въ темницу, Щепило говорилъ своему товарищу, указывая на Ряполовскихъ: »Вопъ эти самыя молодцы — ихъ первыхъ придепся — первыхъ, говорю тебѣ: это самыя злыя сообщники окаяннаго Юрки, чптобы ему ни вспапъ, ни сѣспъ!«

Окошечко снова захлопнулось. Возведя очи къ небу, сжавъ руки, погруженный въ молитву, Симеонъ не слыхалъ ничего, даже и увѣщаній брата. — »Благопремънительный Господи, долгоперпѣливый и многомилостивый,« — говорилъ онъ. — »Податель всякія швари, словесныя и умныя, еже быти опъ не сущихъ всѣмъ да-

руай, и еже добрѣ быти, всемудрѣ
намъ даровавый. . .»

— Онъ молился — слава Богу!
думалъ Иванъ, смопрѣ на брата.
— Молишва вышѣсняешъ опчаяніе изъ
души человѣка. Враги мои и брата
моего! если-бы вы могли видѣть его
въ сіи мгновенія! Какъ онъ выше
васъ, онъ, въ темницѣ молящійся за
Князя своего, скорбящій, что не мо-
жешъ пролить крови своей за его
спасеніе — васъ, которые на золо-
тыхъ одрахъ своихъ согрѣваете въ
сердцѣ своемъ измѣну. . .

Взволнованная душа Симеона
упихала по немногу. — »Братъ!« ска-
залъ онъ — »ты видишь на мнѣ пше-
пу мудроспи и разума человѣческа-
го! Я уговаривалъ тебя, юнѣйшаго,
быть мужеспвеннымъ и пвердымъ,
и—первый поддался скорби, и смерт-
ному грѣху опчаянія! Забылъ я, что
судьба Князей и Царей не судьба лю-

дей, и если волосъ съ головы человѣческой не падеть безъ воли Божіей — царству-ли пастъ безъ судебъ Его?»

Еще бесѣдовали нѣсколько времени братья, и, спокойные совѣстію, предались сну. Уже свѣтло было, когда вдругъ громкій звонъ набапа поразилъ слухъ ихъ. Мимо оконъ скакали, какъ слышно было, всадники, и въ самыхъ переходахъ, мимо темницы замѣтны были бѣготня, шумъ и попопъ. »Слышишь-ли, братья?» сказалъ Симеонъ, поднимаясь съ бѣднаго одра своего. — Я уже давно слышу, но не хотѣлъ будить тебя. — »Что-же это значить? Смерть-ли нашу, или гибель Москвы? Но во всякомъ случаѣ Князю шло, Богу душу... Спокойный предъ судомъ человѣческимъ, суда-ли Божія успрашуся? *Возстани, возстани, душе моя! что спиши?*» Но грусть снова омрачила просвѣплѣвшій на мгновенье

взоръ Симеона. Со слезами на глазахъ взглянулъ онъ на брата, и сказалъ : »Жаль матери — останется спарушка сиротою. . .«

Они замолчали и прислушивались. Набашъ гудѣлъ въ Кремль, медленно и уныло ; скоро и въ другихъ мѣстахъ повпорился звонъ его. Подлѣ окна пюрѣмы слышенъ былъ въ тоже время шумъ и крикъ толпы... Вдругъ замокъ на дверяхъ темницы Ряполовскихъ зашевелился, пихо, пихо — дверь отворилась , и — Щепило вошелъ къ нимъ. Робко, вѣжливѣе спалъ онъ у двери , и низко поклонился заключенникамъ.

—Князья-Бояре—сказалъ Щепило, видя, что Ряполовскіе не начинаютъ съ нимъ говорить — будьте милоспивы , жалоспивы — простиите грѣшнаго меня , если я чѣмъ изобидѣлъ вашу Боярскую честь! Прости-

те, ради самаго Создашеля! — Онъ еще разъ поклонился.

»Не опяшь-ли вышилъ ты лишнее?« сказалъ Иванъ Ряполовскій, »или просишь у насъ прощенія, какъ просятъ его у мершвыхъ?«

— Избави насъ, Господи! Не тѣмъ будь помянуто — что намъ до мершвыхъ, когда ваша честь и слава теперь — то и начинаются! Даруйте мнѣ такую милость, дозвольте мнѣ услужить вамъ: вы мнѣ говорили вчера, чшобы выпустить васъ, и сулили даже . . Но, Господи избави меня опъ грѣха! А теперь, Бояре — угодно только будь вамъ — я немедля выведу васъ изъ пюръмы . . . Не забудьте только моей посильной послуги. — Онъ снова низко поклонился. Недовѣрчиво взглянули другъ на друга Ряполовскіе. — О! не бойтесь никакого злаго умысла — воскликнулъ Щепило, замѣшивъ недо-

вѣрчивые взоры Ряполовскихъ. —
Нѣтъ, Бояре! Царство нечестивыхъ
прешло, и Москва скоро возрадуется
подъ властію законнаго Великаго
Князя! —

»Что ты говоришь?« восклик-
нулъ Симеонъ.

— Набать лучше меня говорить
вамъ, Бояре, что царство Василя
кончилось. —

»Какъ? Онъ убитъ?« — хладно-
кровно спросилъ Симеонъ. Великостъ
бѣдствія, послѣ всего испытаннаго
имъ, не только не воспламенила души
его, но, казалось, подавила ее, какъ тя-
желый, надгробный камень, постав-
ленный на горестяхъ и радостяхъ
человѣка, подавляетъ ихъ, и заспа-
вляетъ безмолвствовать холодный
трупъ его.

— Если-бы убитъ, такъ все хотъ
съ честною смертію можно-бы его

поздравить — отвѣчалъ улыбаясь Щепило — а то и этого нѣтъ! Онъ, и вся его пьяная сволочь бѣжали, бѣжали безъ оглядки опъ мечей Великаго Князя Юрія Димитріевича! Охъ! въ эту ночь такія чудеса надѣлались, Бояре, что кажется и во вѣкъ не слыхано! —

»Что-же такое сдѣлалось?» спросилъ Симеонъ, тихо вставъ съ одра своего, и начавъ ходить по темницѣ медленными шагами.

— Вчера былъ въ Думѣ Василья такой шумъ и споръ, какой бываетъ у бабъ порговокъ на блинномъ базарѣ. Хвапились за умъ народы православные — вздумали идти навспрѣчу Великаго Князя Юрія Димитріевича... Явная милость Божія: ослѣпило умы ихъ! Да, и кому было умничать-то? Не этому-ли Юрью Паприкеевичу, съ его Липовскою, чепырехъ - угольною головою? Не самому-ли Князю Василію? Сказали

ему, что онъ долженъ предводителемъ сповождать ратью, такъ онъ едва не распаялъ опъ слезъ, прощаясь съ молодою Княгинею. Толпа сволочи поплелась за нимъ, да только что дорогою грабила, да буянила. А между тѣмъ въ Кремль, тайно, уклали все на возы, и въ самую полночь Василій прискакалъ назадъ верхомъ, запрягли лошадокъ, и покапились возики изъ Москвы, съ Княземъ и съ Княгинею. Хорошъ воинъ: на врага идетъ, а живошны въ запасъ убираетъ!... За ними кое-какъ убрались еще кое-кто. . . .

»Что-же Москва?»

— Господи! какъ узнали къ упру въ Москвѣ, да какъ зашумишь народъ — своя воля — дружинъ воинскихъ нѣтъ! Слышите, какъ презвоняетъ въ набатъ? Въдь это простой народъ разгуливаетъ — бѣжитъ его въ Кремль столько, что и счету

нѣшъ! Спража оспалась только чпо у Дворца Великокняжескаго — спережешъ Софью Вишовповнѹ — будпо для почести, а въ самомъ-то дѣлѣ для того, чпо когда не успѣла спарушка убратъся, такъ теперь ее и не выпускашъ, а съ рукъ на руки передадутъ Великому Князю Юрію Димитріевичу. Только-бы успѣла она дожитъ; вѣдь она на одрѣ смерпи, совсѣмъ не встаетъ, и видно ей придется встрѣчать добрыхъ госпей, или опправляться въ госпи самой! —

»Бѣдная мать!« прошепталъ Симеонъ, »понимаю твою скорбь. . .«

— Бояре и Князья, одни сошлись въ Думу, другіе опправились съ повинною головою къ Великому Князю Юрію Димитріевичу. А Туголукій смышленѣе всѣхъ — бросился готовить хлѣбъ-соль, и хочетъ у самыхъ Флоровскихъ воротъ встрѣпить Князя; другіе не знаютъ, куда дѣваться...

»Чего-же ты хочешь отъ насъ?«
спросилъ Симеонъ.

— Вѣдомо, что вы были всегдашніе радушники правой спороны, и спояли за нашего, законнаго Великаго Князя, Юрія Димитріевича, за него терпѣли, въ пюрѣмъ насидѣлись, чуть головы не сложили. Велика честь будетъ вамъ отъ него. Теперь въ суматохѣ никто и не вспомнитъ объ васъ — всякому до себя! Я послѣшилъ сюда, чтобы освободить васъ. Идите, добрые, милоспивые Бояре, примите спаршую власть, пока пожалуетъ къ намъ самъ Великій Князь. Спѣшитъ вамъ появиться, такъ все замолчитъ передъ вами. Всѣ теперь головы потеряли! Въ народѣ сумятица, крикъ, шумъ. Иные изъ простонародья поговариваютъ поднятъ на щипъ Дворецъ; другіе грозятъ Боярской думѣ; третьи кричатъ, что надобно

выместить зло на сообщникахъ Василія , ограбить дома Бояръ его , а между тѣмъ завариваютъ въ набатъ , пьютъ , разбили Княжескій погребъ — мелькаютъ и огоньки кое у кого — спасибо, что еще кто поумнѣе изъ народа , такъ уговариваетъ другихъ не буянить, а то давно подняли-бы дымъ коромысломъ! —

»Спало бытъ , народъ признаетъ Юрія ? Чего же вамъ всѣмъ бояться ?«

— Да , оно такъ , что не лѣзя не признатъ законнаго владыку — но , правду сказать , Бояре, народъ-то вѣдь глупъ: и не разберешь, что онъ шумитъ. Пока Юрій Димитріевичъ пожалуетъ , такъ надъ Кремлемъ паннихиду успѣютъ опслужить. Вѣдь у всякаго изъ насъ есть свои животишки , малы, велики — ну, и женишки, дѣтишки. Смилуйтесь, Бояре! Васъ народъ любитъ — выйди-

те , гаркните о Великомъ Князѣ Юріи , сладьте думу ! —

»Но Юрій Паприкеевичъ, но Спарковъ, но Василій Ярославичъ! Гдѣ-же дѣвались всѣ они?»

— Василій Ярославичъ уплелся съ Василіемъ, а другіе — коли правду вамъ истинную сказапъ — всѣ прислали меня къ вамъ, какъ радунникамъ, любовникамъ Великаго Князя: примите все подъ начало, и уладьте миръ и согласіе. —

Жаръ вспунилъ снова въ лицо Симеона. Чувствуя это, онъ скрѣпилъ сердце, и сказалъ Щепилъ:

»Если точно присланъ ты опъ Князей и Бояръ, то поди и скажи имъ, что Ряполовскіе изъ шюрмы своей нейдутъ. Если-же все налгалъ ты на Князей и Бояръ, то вспомни, что ты давалъ кляпву и цѣловалъ Святой Крестъ Великому

Князю Василю Васильевичу; что мужъ, ломающій клятву, попребится опъ земли, какъ червь непопребный, а на помъ свѣтъ будешъ висѣть надъ огнемъ неугасимымъ, повѣщенный за орудіе преступленія своего — языкъ, который, по гражданскому правилу, должно у каждого клятвопреступника ископать и выпянуть съ запылка. Вотъ тебѣ мое слово, и не смѣй оспаваться здѣсь болѣе, или произносишь еще что-либо предо мною!»

— Онъ помѣшался опъ радости — шепшаль Щепило, паясь задомъ къ двери, и выпучивъ глаза на Симеона. — Но все таки не должно оскорблять его. Даромъ что онъ съ ума сошелъ — бытъ ему въ великой чести у Великаго Князя Юрія Димитріевича! И теперь я не понимаю уже, что онъ говоритъ — каково же заговоритъ онъ, когда на умъ —

по взойдетъ — тогда нашъ брашъ не пойметъ его рѣчей, хощь при дня слушати будетъ. —

»Суеша суешствій всяческая суеша!« воскликнулъ Симеонъ, оставшись наединѣ съ брапомъ. »Я предвидѣлъ твои бѣдствія, юное чадо, отрасль добраго корени, но плодъ еще незрѣлый! Съ добрымъ совѣшникомъ и великаго спола додумаешся Князь, а съ злымъ совѣшникомъ и малый споль утратишь. Сбылись слова Пророка: »И устави Господь слово Свое, еже глагола на насъ, и на Судей нашихъ, судившихъ во Израили, и на Цари наши, и на Князи наши, и на всякаго чловѣка Израилева и Іудина — навеспи на ны зловеліе, иже не сотворися подъ всѣмъ небесемъ, яко-же сотворися во Іерусалимѣ!«

— Но я еще не опомнюсь отъ всего слышаннаго, — сказалъ Иванъ Ря-

половскій. — Какъ? Двѣ недѣли тому, сильный Князь Московскій повелѣвалъ Русью; всѣ Князья Русскіе, какъ данники добрые, собирались къ нему, и веселыми госпями пировали на его свашьбѣ, и враги его были его друзьями... Двѣ недѣли — и гдѣ власпъ? Гдѣ друзья? Гдѣ дружины воинскія? Онъ — бѣглець изъ родительскаго наслѣдія; мапъ его въ плѣну; подданные ослушники, вельможи измѣнники, друзья враги, или предатели!... О моя опчизна, свашая Москва! —

»Щепило приходишь къ намъ потому, что насъ почищаютъ въ Москвѣ главными предателями своего Князя!« сказалъ Симеонъ. »Ищущъ средствъ, какъ измѣну свою и клепвопреступленіе сдѣлать еще болѣе опврапительными! А совѣспъ, судъ Божій, правопа? Свашипель Іоаннъ! право и мудро говорилъ ты Пско-

вичамъ: *Отдайте нелюбіе ваше, дѣти, зане-же видите, уже послѣднее время наступившее...* Нѣтъ, нѣтъ! никогда предки наши, и опцы наши, не знали этого безстыдства, этой наглости порока, съ какою всюду выспавляетъ онъ нынѣ главу свою, и все заражаетъ своимъ смраднымъ дыханіемъ. . .»

Симеонъ остановился, замолчалъ, и, казалось, въ звонѣ набата, не переставшаго гремѣть во многихъ мѣстахъ Москвы, слышалъ подтвержденіе словъ своихъ. Онъ поднималъ руку, и какъ будто самъ съ собою говорилъ: »А Князи наши? У меня крѣпко врѣзались въ душу слова стараго лѣтописца, слова, великой мудрости исполненныя: »Сбывается слово Евангельское, яко-же самъ Спасъ во Евангеліи рече: въ послѣдніе дни будутъ знаменія великія на небеси, и гладове, и пагубы, и

трусы, и возстанетъ языкъ на языкъ!
И се нынѣ, брашѣ, не зримъ-ли воз-
ставшихъ? Се-бо вспаша рапующе,
ово Тапарове, ово - же Туркове, и
индѣ-же Фрязове — и правовѣрный
Князь на брата своего, или на дя-
дю, куешъ копѣе свое, и спрѣлами
своими спрѣляетъ ближніе своя, по-
неже послѣднее время приходишъ!...»

Онѣ умолкъ. Но набапѣ не
умолкалъ.

Г Л А В А III.

Я съ страхомъ спросилъ гласъ совѣсти моей. . . .

Батюшковъ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ описанныхъ нами событій, въ Архангельскомъ Соборѣ, подлѣ гробницы дѣда своего, стоялъ Димитрій Красный, юнѣйшій, прелестный сынъ Юрія Димитріевича, и молился. Слабо проникали въ мрачное, вѣпхое зданіе Собора лучи солнца, ярко сіявшаго въ небесахъ, какъ будто показывая собою символъ Божеспвеннаго, которое — тамъ, въ далекихъ небесахъ, горитъ несгараемымъ, незаходящимъ солнцемъ, а здѣсь, на землѣ, во мракъ спраспей и суепъ,

только теплился свѣчкою передъ Образомъ Предвѣчнаго! Архангельскій Соборъ не вмѣщалъ еще въ себѣ тогда цѣлыхъ поколѣній владыкъ Россіи; гробъ несчастливца Шуйскаго не стоялъ еще тамъ, рядомъ съ гробами Царей Михаила и Алексія, и грозный Іоаннъ не почивалъ еще на ряду съ юнымъ Петромъ Императоромъ, и двумя Царями Θεодорами. Но уже обширная могила предназначена была въ семъ Соборѣ грядущимъ поколѣніямъ Князей; одинъ ранѣе, другой позднѣе, должны были они успокоивать кости свои здѣсь, въ спѣнахъ храма, тѣсными рядами ожидая гласа трубы судной! Уже тамъ, подлѣ древняго гроба Калиты, почивали Симеонъ Гордый, Дмитрій Донской, Владиміръ Храбрый, Василій Димитріевичъ, и братья его Пётръ и Андрей.

Быстро и неожиданно вступилъ въ Соборъ Шемяка. Взглянувъ на него,

Димитрій Красный изумился выраженію лица, и не зналъ, что волнуешь брата его — гнѣвъ, или опчаяніе? Глаза Шемяки пылали, щеки горѣли, грудь воздымалась опъ тяжелаго дыханія. Небрежно, безъ вниманія перекрестился онъ передъ Святыми Иконами, и утрюмо подалъ какую-то монету соборному дьячку, на свѣчу. Потомъ повернулъ къ западнымъ дверямъ Собора, неровными шагами подошелъ ко гробу Донскаго, и остановился, въ такой мрачной задумчивости, что не замѣпилъ даже юного брата, подлѣ споявшаго.

»Счастливыи Князь! За чѣмъ не твоя участь мнѣ?» сказалъ Шемяка, въ полголоса. »За чѣмъ, если твоей участи не суждено мнѣ, не родился я простымъ Княземъ.... Простымъ воиномъ — смердомъ быть лучше, нежели родиться Княземъ, попомкомъ Великаго, славнаго Князя, и по-

миписья, подобно челоѡку, мучимому жаждою, хопя и по горло въ водѣ стоящему!« Движеніе Краснаго заставило Шемяку опомниться. Онъ увидѣлъ брата, внимательнo успремилъ на него взоры, и сказалъ: „Ты, какъ совѣсть, какъ Ангелъ - обличитель, являешься мнѣ въ минуты самыхъ томительныхъ спраданій души моей!“

— Молю Бога — отвѣчалъ Красный — чптобы Онъ сподобилъ мнѣ, грѣшному и плѣнному челоѡку, уподобиться Ангелу благодѣтельнымъ дѣйствіемъ на душу твою, любезный братъ! —

Шемяка молчалъ.

— Не знаю, любезный братъ — продолжалъ Красный — не знаю, чпто возмутило душу твою; но умоляю тебя не умножать унынія души, чпто есть уже грѣхъ предъ Господомъ, еще большимъ грѣхомъ — ропотомъ

на судьбу Божию. Ты сей часъ укорилъ великаго нашего дѣда, близъ гробницы его, за то, что родился попомкомъ его, и Княземъ; ты желалъ перемѣнить свое высокое званіе на званіе презрѣннаго раба, смерда! Всѣ люди суть равны предъ лицемъ Бога, но если ты завидуешь бѣдному счастію смерда, не уподобляешься-ли ты тому богачу, о которомъ Пророкъ возвѣспилъ въ припчѣ Царю Давиду, богачу, для угощенія гостя, опнявшему послѣднюю овцу убогаго, когда у него самого были спада многочисленныя? —

»Да, я согрѣшилъ моими словами,«
сказалъ Шемяка, задумываясь, »но я-
ли виновенъ? —

— Ты, безъ сомнѣнія. Все исходитъ отъ Бога, все, *кромѣ грѣха*, который пораждаетъ самъ человекъ. *Откуда брани и свары въ васъ? Не от-*

сюду-ли, отъ страстей вашихъ, воюющихъ въ душѣ вашей? —

»Братъ, благодари Бога, что Онъ даровалъ тебѣ душу, къ копорой, какъ къ золоту ржавчина, не можетъ приспастъ порокъ и грѣхъ! Не паковъ я: моя душа — Окіанъ, взрываемый каждымъ мимолетнымъ въпромъ! Такова судьба моя, что самое святое начинаніе обращается у меня во зло — и зло, и грѣхъ приспастъ ко мнѣ, какъ мухи лепящъ къ трупу, котораго не одушевляетъ жизнь! Дай мнѣ жребій дѣда, или дяди Василія, окружи меня тѣми опасностями, какія окружали ихъ, но дай мнѣ и то славное поприще, какое имъ предлежало! Что могу я сдѣлать, тѣмъ болѣе несчастливый, чѣмъ выше другихъ я поставленъ? За чѣмъ было возвышать меня судьбамъ Божіимъ, когда я связанъ по рукамъ и по ногамъ — пулю мечъ въ междоусобіи, и пом-

люсь среди крамоль и низких хипросей, въ копорыя увлечень, копорыхъ не могу отвратить!»

— За чѣмъ-же не удалишься ты отъ нихъ? За чѣмъ не оградишь себя молитвою отъ суешъ, презрѣніемъ отъ крамоль, доброю волею отъ хипросей? . . .

»Братъ! ты не можешь судить о душѣ моей по своей душѣ, кропкой, согрѣваемой одною любовію и желаніемъ въ горній предѣлъ отъ міра. . . Знаешь-ли ты, что раздражило теперь меня? Добродѣтельное, великое самоопроверженіе раба! Какъ выше меня былъ онъ! Какъ низко стоялъ передъ нимъ я — сынъ побѣдительнаго Князя, внукъ Донскаго! Ты слыхалъ о Ряполовскихъ, молодыхъ Боярахъ Василія? Подозрѣніе, ни на чѣмъ не основанное, злоба товарищей, безразсудство тетки Софьи, были причиною, что за

твердую защиту меня и брата, въ совѣтъ Бояръ, ихъ бросили въ пюръму, и едва не лишили жизни. По занятіи Москвы нами, я узналъ всѣ подробности дѣла, узналъ, что Рязполовскіе могли уйдти изъ пюръмы и не пошли, спрашась, что ихъ обвиняютъ въ соумышленіи съ нами. Я спѣшилъ освободитъ ихъ. Но отецъ и дума его сначала пропивились мнѣ, хотѣли сберечь Рязполовскихъ, какъ людей, опасныхъ умомъ и мечемъ, хотѣли увлечь ихъ къ себѣ наградами, или осудитъ на вѣчное започеніе. Подобной боязни я не понимаю; подобныхъ средствъ я не умѣю употреблять. Твердо спалъ я за Рязполовскихъ, выпросилъ имъ свободу, и предложилъ имъ мою дружбу. И они не захотѣли ни благодарить меня, ни дать мнѣ руки, какъ другу! Неизмѣнчиво сказали они мнѣ, что прежде готовы были опдаться за меня жизнь, когда знали, что

я не умышлялъ ничего противъ Василія, и былъ ненавидимъ и гонимъ невинно, но что теперь видятъ они во мнѣ врага своего. Зная, что Князь ихъ въ плѣну, только тогда готовы они будутъ предаться опцу моему, когда Василій самъ откажется отъ Московскаго престола, и разрѣшитъ ихъ отъ присяги, ему данной! Гнѣвъ закипѣлъ въ душѣ моей — я укорилъ ихъ неблагодарностію — они потребовали снова шюремнаго заключенія! Я готовъ былъ обнять, и — задушить ихъ въ одно время! И у Василія такіе люди, и среди Двора, столь ничтожнаго, презрѣннаго, когда все пало и пресмыкается передъ опцомъ моимъ — я долженъ оспаться врагомъ Ряполовскихъ, когда готовы спать передъ ними на колѣни, долженъ гнать ихъ, увлеченный въ бѣдственную крамолу опцовскую, когда въ душѣ моей презираю сію крамолу, готовъ

проклинали несчастную вражду честолюбія и виновниковъ ея. . . .»

— Остановись, братъ! Что говоришь ты? Кто виновникъ? Отецъ нашъ! Его-ли дерзнешь судить? —

»И такъ, что-же я? Ножъ, слѣпое, безчувственное орудіе, которое употребляетъ несправедливая воля другихъ? О, скорѣе, скорѣе на битвы — тамъ, по крайней мѣрѣ, душѣ легче, тамъ, по крайней мѣрѣ, свободнѣе дышу я! . . . Здѣсь — и въ храмѣ Божіемъ нѣтъ оправды душѣ, и молитва не облегчаетъ меня. . . .»

Поспѣшно пошелъ Шемяка изъ Собора. Красный оспался, горестно и печально смотрѣлъ въ слѣдъ его. »Душа Мстислава Храбраго, яросль Романа Галицкаго!« думалъ онъ — »чтобы сдѣлала ты, если-бы одушевила его въ прежнія времена? А теперь, онъ износитъ опъ борьбы, и — да

сохранишь его Господь Богъ! Да не падешь онъ въ беззаконіе, увлекаемый дикою спраспiю, и излишесствомъ душевной силы!

Надобна была молитва праведника Шемякъ: онъ шелъ на совѣтъ нечестивый, въ бесѣду злую, тлящую обычаи благіе!

Въ домѣ Юрья Паприкеевича, занятъ теперь Бояриномъ Іоанномъ Димитріевичемъ, сидѣли и бесѣдовали Косой и Бояринъ Іоаннъ.

Шемяка не любилъ Боярина Іоанна Димитріевича, но взоръ его, какъ взоръ василиска, окаменялъ кипящій духъ Шемяки; умъ Боярина Іоанна смирялъ добрую, пылкую, неопытную его душу. Шемяка видѣлъ, что въ Бояринѣ этомъ заключена была тайна побѣды, и что только онъ одинъ былъ въ состояніи укрѣпить

и упрочить власть Юрія, и успокоить волновавшуюся Русь.

— Добро пожаловать, Князь Дмитрій Юрьевичъ — сказалъ Бояринъ, вставая изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ, рядомъ съ Василиемъ Юрьевичемъ Косымъ. — Просимъ садиться къ намъ, и участвовать въ нашей думѣ. Намъ надобны теперь крѣпкія души, смѣлые умы, твердая воля. Всѣмъ эшимъ обладаешь ты, по милости Божіей. Просимъ садиться! —

Все еще неуспокоенный, Шемяка помѣспился подлѣ Косаго, безмолвно сидѣвшаго за столомъ.

— Мы говорили съ брашцемъ твоимъ о томъ, что намъ должно теперь дѣлать — сказалъ Бояринъ. — Онъ соглашается со мною, что удачная побѣда надъ врагомъ есть только слабое начало всего дѣла. Обстоятельства требуютъ работы, тру-

да, и шеперь не мечемъ, но умомъ должно дѣйствовать всего болѣе. —

»Признаюсь, Бояринъ!« сказалъ Шемяка, »я не имѣю ни опыта, ни способностей къ вашему думному дѣлу. Рука моя всегда готова помогать; скажите: куда мнѣ надобно понести войну!«

— Последнія событія могли увѣрить тебя, Князь, что не всегда мечъ бываетъ нуженъ, и не всегда можно имъ перерубить то, что запутывается умъ людской. Чего лѣпшѣ шестъ, или семь, добивался родителемъ пвой мечемъ, то въ шестъ, или семь дней было кончено, когда у Василія въ думѣ не спало ума. —

»И прибавь — когда мечи у него припупились, Бояринъ,« сказалъ Шемяка, »прибавь это! Посмотрѣлъ-бы я, что сдѣлалъ-бы пвой, и все-свѣшній, умъ, если-бы Василій умѣлъ сразиться на берегахъ Клязьмы,

если-бы Воеводы его были похс-
жи на Басенка, а вельможи на Ряпо-
ловскихъ. . .«

Бояринъ нахмурилъ брови, при-
нужденно улыбнулся, и продолжалъ:
— Спорить объ этомъ, Князь, теперь
нѣкогда, и весьма мнѣ жаль даже, что
ты поздно пришелъ, и я не имѣю уже
времени объяснить тебѣ все, что
объяснялъ своему брату. Онъ и я,
просимъ тебя вѣрить, что мы дума-
емъ не на зло: хотимъ умирить Русь,
всѣмъ учинить добро, и потому на-
дѣемся мы, что ты не откажешься
подкрѣпить насъ своимъ голосомъ. —

»Что-же могу, и что долженъ
я дѣлать?»

— Теперь назначенъ первый Бо-
ярскій совѣтъ у твоего родителя.
Мы всѣ идемъ туда, и должно что-
бы правую рѣчь нашу усилилъ и
подкрѣпилъ твой голосъ, какъ толь-
ко можно. —

»Думайте,« сказалъ Шемяка, »я не опсшану опъ васъ.«

— Эшого и ожидали мы. Надобно тебѣ знать, что родителъ твой, къ горю нашему, весьма ослабѣлъ духомъ на старости лѣтъ. Кромѣ того, онъ управляется умомъ людей, приближенныхъ къ нему, а эти люди . . . не всѣ одарены даромъ совѣща, если и не станемъ подозрѣвать ихъ въ зломъ умыслѣ. Напрасно говорилъ я ему, что и самый совѣщъ Боярскій вовсе не нуженъ, и что дѣло рѣшать надобно Князю не съ толпою, а съ немногими. На большемъ совѣщѣ только спорять по пустому, или соглашаются безъ толку, а дѣло не дѣлается. Но родителъ твой, какъ дитя, любитъ шѣмъ, что почиая себя законнымъ Княземъ, можетъ теперь показатъ все величіе Великокняжеское. Надобно-бы спѣшить управою дѣлъ, а онъ

хочешъ еще разговаривашъ о всякомъ вздорѣ, и занимаешься обрядами. Дѣлъ у насъ на рукахъ необозримая громада: рѣшеніе судьбы Князя Василія Васильевича; договоры съ Тверью, Рязанью и Новгородомъ; посольство къ Хану, а другое въ Липву; устройство чиновначалія въ Великомъ Княжествѣ — дѣла важныя! Я сказалъ брату твоему, что если Морозовъ, любимецъ родителя вашего, получитъ первенство въ думѣ — я не слуга вашъ: хлѣбъ насущный сыщу я вездѣ — и у Хана, и въ Липвѣ. —

»Этому не бывашъ!« воскликнулъ Шемяка. »Морозова я терпѣть не могу: онъ смутникъ, клеветникъ, и я не знаю даже, за что любишь его отецъ мой!«

— Радуюсь, слыша твои добрые отвѣты — сказалъ Бояринъ — и прибавлю еще къ тому, что по-

дозрѣваю Морозова въ тайной измѣнѣ. —

»Онъ двадцать пять лѣтъ служилъ отцу моему,« сказалъ Шемяка, »и никогда не измѣнялъ ему, ни въ бѣдѣ, ни въ счастьѣ.«

— Измѣна измѣнѣ разница — возразилъ Бояринъ — я не обвиняю Морозова, но *подозрѣваю* только. . .

»Долго надобно-бы тебѣ все изъяснять,« сказалъ Косой, неперпѣливо, »а намъ теперѣ всѣмъ нѣкогда. Дѣло въ томъ, любезный братъ, что ты не долженъ опспавать отъ насъ, и вѣрить, что намъ хорошо извѣстны всѣ обстоятельствова. Морозовъ дуракъ, если не злодѣй. Воспитанный съ отцомъ нашимъ, онъ умѣлъ овладѣть душою нашего отца — но ему не быть — или намъ не быть!«

— Согласенъ, потому, что терпѣть его не могу — отвѣчалъ Шемяка.

Тутъ вошелъ къ нимъ Бояринъ, съ извѣстіемъ, что Князь Юрій Димитріевичъ скоро выйдетъ изъ модельни своей, и пойдетъ въ совѣтъ. Оба Князя, и Бояринъ Іоаннъ, поднялись съ мѣстъ своихъ. Присланный Бояринъ удалился.

— Что-же Гудочникъ? Гдѣ-же онъ? — сказалъ Косой.

»Не поспигаю,« отвѣчалъ Бояринъ Іоаннъ. »Ему давно надобно-бы здѣсь быть. Или онъ обмануль меня?«

— Гудочникъ? — спросилъ Шемяка. — Нельзя-ли мнѣ видѣть его? Хотѣлся узнатьъ этого хитраго пролазу, который услужилъ намъ лучше многихъ, и о которомъ слышался я, что онъ свяшой, что онъ колдунъ, и — Богъ знаетъ что еще! —

»Жаль, что онъ не явился теперъ, а то, можетъ быть, скоро его не

лѣзя уже будетъ видѣть. Съ нимъ, именно, пора кончить, Князь Василій Юрьевичъ — такъ сдѣлать, какъ я тебѣ говорилъ.»

— Что - же такое надобно сдѣлать съ нимъ? — спросилъ Шемяка.

»Надобно повѣсить его,« сказалъ Бояринъ, хладнокровно. — Шемяка содрогнулся, а Косой улыбнулся, замѣшивъ его содроганіе. »Ты еще не привыкъ, Князь,« сказалъ Іоаннъ, улыбаясь — »къ государственнымъ дѣломъ, и также боишься подобныхъ пустяковъ, какъ набожная спаруха боится согнать муху съ носа, думая, что она по волѣ судьбы ей наноситъ сѣла. Гудочникъ хитрый соглядатай, и человекъ опасный. Всегда надобно, употребивъ такихъ людей для своей пользы, освобождашься отъ нихъ.«

— А что надобно дѣлать съ измѣнниками? — пробормоталъ Ше-

мяка, невнятно. Онъ молча проспился съ своими совѣтниками, и пошелъ.

— Кажется — сказалъ Іоаннъ ,
— онъ будетъ нашъ ? —

Для чего не поласкалъ ты его ,
Бояринъ , какою нибудь бипвою ?
Скажешь-бы тебѣ, что мы пойдемъ,
хоть за Каменный Поясъ , завоевы-
вать Великую Пермю, или полуноч-
ное Сибирское царство, которое, го-
ворятъ , лежитъ на востокъ , дале-
ко за Булгарами.»

— Въ самомъ дѣлѣ! Но не уже-ли
его , какъ ребенка , убаюкивать на-
добно? — Кажись, Князь, что мы обо
всемъ условились? Помни, что о те-
бѣ идетъ рѣчь и что именно тебѣ, а
не опцу твоему, который, можетъ
быть, скоро преселился къ опцамъ
нашимъ, надобно радѣть о Великомъ
Княжествѣ. —

»Бояринъ! повторяю снова, что
твои пользы неразлучны съ моими.»

— Ради Бога: настоятъ на то, чтобы родителъ твой учредилъ опредѣльный совѣтъ, и прогналъ всю эту вздорливую толпу. —

»Да !«

— Новгороду походъ, Василю тюрьма, Боярамъ его судъ, со всеми другими пока миръ, и ты соправителъ опца. —

»Аминь !« сказалъ Косой, крѣпко обнялъ Іоанна, и поспѣшно удалился.

— Конецъ-ли моимъ заботамъ? — пробормоталъ Іоаннъ, оставшись одинъ. — Теперь, когда всѣ думаютъ, что я превознесенъ честію и славою — мечъ судебъ, можетъ быть, виситъ на волоскѣ надъ моею головою ! Нѣтъ, Іоаннъ ! не успокойсь видно тебѣ до могилы ! Тщепно собираешь ты — кто подкрѣпляетъ тебя ? Только Косой можетъ еще

нѣсколько понимашь твои предпріятія; но его дерзость, гнѣвли-
вость, неопытность... Горе, горе! А
Шемяка? А Красный?.. Они ни къ
чему не годятся: одинъ воинъ, дру-
гой монахъ! Не смотря на младость
Василія, я видѣлъ въ немъ признаки
опцовскаго нрава... Теперь, поздно
возвращаться... О Софія, Софія! для
чего погубила ты себя, и — меня! —

Онъ вздохнулъ, отворилъ малень-
кій поспавецъ, и налилъ въ небольшую
рюмочку, изъ серебряной фляжки,
драгоцѣннаго и рѣдкаго тогда напиш-
ка. Это была: *живая вода*, какъ называ-
ли тогда хлѣбное вино Европейцы, или
ракъ, какъ называли Рускіе. — Голова
у меня кружился — продолжалъ Іоаннъ
— послѣдніе дни въ такихъ заботахъ
провелъ я — прежде, бывало, все ни-
чего — а теперь старость даетъ
себя чувствовать — пора-бы мнѣ на
покой. . . . Но, что за мрачныя мыс-

ли приходящъ мнѣ въ голову сего дня? Если-бы только было время, надобно-бы сходить помолиться. . . . Ну, Богъ милосердъ и долготерпѣливъ! Онъ не то, что мы грѣшныя. . . .

Въ это мгновеніе, по заднимъ дверямъ, вдругъ вошелъ къ Боярину Іоанну Гудочникъ.

— Насилу ты, пріятель, приплелся — сказалъ Бояринъ. — Добрыя-ли вѣсти? Говори скорѣе! —

»Если вѣсть объ измѣнѣ можно названъ доброю,« сказалъ Гудочникъ, съ улыбкою — »да! — Черезъ часъ — письменное свидѣтельство вѣроломства его будетъ въ рукахъ твоихъ.«

— Старикъ! я поспрою монастырь, и ты будешь Игуменомъ въ этомъ монастырѣ, чтобы лучше опомидишь грѣхи. —

»Шутишь, Бояринъ! Ты обѣщаль
мнѣ также сказать добрую вѣсть?»

— Твое дѣло кончено — отвѣчалъ
Бояринъ, немного подумавши — да,
кончено: Князья согласны, и добрый
старикъ Юрій не спорить. Хоть
завтра, можешь ты отправиться
въ Новгородъ, къ своему любимцу
Василью Георгіевичу, и позвать его
на княжество. —

»Ты поспѣшилъ исполнишь« ска-
залъ Гудочникъ, внимательно смо-
тря на Боярина.

— Ты видишь, что теперь и
жить-то спѣшать — отвѣчалъ Бо-
яринъ, отворачиваясь. — Особенно
намъ съ тобой — долго ждать не
должно! Вручи мнѣ письмо Морозо-
ва, и я обмѣняю его грамотою на
Суздальское княжество. — Бояринъ
остановился, какъ будто собираясь
съ силами. Гудочникъ не переста-
валъ смотрѣть на него пристально.

— Вошъ тебѣ Богъ порукою и Пречистая Его Матерь! — сказалъ наконецъ Бояринъ, глухимъ и дрожащимъ голосомъ.

»Богъ спрашно караетъ клятвопреступниковъ!« сказалъ тогда Гудочникъ, твердымъ голосомъ. »Благодарю тебя за вѣсть твою, но, скажи мнѣ, Бояринъ: опъ чего-же Косой, и вчера еще думать не хотѣлъ?«

— Развѣ Косой княжилъ въ Москвѣ? — сказалъ Іоаннъ, угрюмо.

»Развѣ Юрій княжилъ въ Москвѣ?« повторилъ въ свою очередь Гудочникъ, насмѣшливо.

— Я! — воскликнулъ Іоаннъ, съ нетерпѣніемъ.

»А, ты?« отвѣчалъ хладнокровно Гудочникъ. »Полно такъ-ли, Бояринъ? Ты могъ-бы оппилишь голову Морозова и безъ письма его, если-бы ты княжилъ. Бояринъ, Бояринъ! то, что

изрекъ ты мнѣ — дѣло великое, а ты такъ легко все это выговорилъ! Богъ спрашно караетъ кляпворущителя!»

— Я и безъ тебя знаю, что Онъ караетъ — вскричалъ съ досадою Іоаннъ — и сдержу кляпву свою — слово свое, хопѣлъ я сказать. . . .

— Нѣтъ! *клятву*, Бояринъ! Ты призывалъ Господа Бога, и Пречистую Его Матерь во свидѣтели, а по слову Евангельскому, человекъ можетъ называть словомъ только: *ей, ей, или ни, ни* — всякое другое слово есть уже клятва. . . .»

— Письмо Морозова! —

»Грамапу Василю Георгіевичу — только грамапу — и болѣе ничего намъ не надобно, ни людей, ни денегъ!»

— Дерзкій спарикъ! —

»Гордый Бояринъ! ты долженъ былъ напередъ знать, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло! Не бываешь плѣшивому волосатымъ, не взойдши песку хлѣбомъ, и не проведши тебѣ меня! Поди, узнай, чего ты еще не знаешь — спроси: въ чьихъ рукахъ будетъ печать Великокняжеская, и кто засѣдетъ первымъ въ думѣ Юрія? Товаръ у меня на лицо — я готовъ продать его — опъ тебя все это зависитъ — и черезъ часъ письмо Морозова будетъ въ рукахъ твоихъ!»

Онъ началъ тихо отступать къ двери, оглядывая Боярина съ головы до ногъ. Свирѣпо оглядывалъ его также Бояринъ Іоаннъ. Видно было, что это два опасные соперника, и что равно спрашились они другъ друга.

Спройно и величаво открылось засѣданіе Великокняжеской думы въ Кремлевскомъ Дворцѣ. Не смотря на

быстрое завладѣніе Москвою, похотившее на набѣгъ, никогда, со временъ Василія Димитріевича, по есѣ, болѣе семи лѣтъ, не видано было такой сановитости въ совѣтъ, и во всѣхъ подробностяхъ обрядовъ и учрежденія. На Великокняжескомъ престолѣ воссѣдалъ теперь убѣленный съдинами спарецъ; подлѣ него, съ одной стороны, сидѣли трое сыновей его, мужественные, смѣлые, величественные Князья. Въ длинныхъ рядахъ, по обѣимъ сторонамъ около стѣнъ, сѣли Бояре, Князья окупные, и сановники. Блещащіе воины окружали комнату, и сперегли входъ, стоя у дверей. Лучшіе ковры, дорогія подушки, рѣдкіе подзоры, вынуты были изъ Великокняжескихъ кладовыхъ. Великолѣпіе это, многочисленность и величавость собранія, и взглядъ на самаго Юрія, и дѣшей его, внушали невольное почтеніе. Никогда юный Василій, сухощавый, не-

видный собою, не могъ передать сердцамъ присуществовавшихъ столь сильного чувства благоговѣнія. Софья Вишовповна, присуществовавшая въ совѣтъ Великокняжескомъ, всегда казалась въ немъ какимъ-то небывалымъ видѣніемъ, и никогда не могли приучиться къ ея виду, никогда и не умѣла она поддерживать важности своего сана.

Впрочемъ, кто могъ-бы проникнуть въ души собравшихся на совѣтъ Великокняжескій, кто, не ослѣпляясь блескомъ и наружнымъ видомъ, умѣлъ-бы смотрѣть безпристрастно, тогда увидѣлъ-бы и узналъ съ перваго мгновенія, какъ неспроивно, несогласно, наскоро составлено было все это собраніе. Ковры, паволоки, подзоры, взяты изъ кладовой, и положены, развѣсены близъ престола было и легко и не долго. Но тутъ являлось странное смѣшеніе

людей, лицъ, мнѣній, отношеній, характеровъ. Кто не покраснѣлъ-бы отъ стыда, не поперявшій еще способности краснѣть, если-бы произнесены были въ собраніи слова: *измѣнникъ, вѣроломецъ, клятвопреступникъ*? Впрочемъ, этой бѣды опасаться было нѣчего. Кромѣ того, что гдѣ всѣ виноваты, тамъ никто не правъ, и, слѣдственно, всѣ правы, спрашиваемъ: кто осмѣлился-бы сказать всѣ сіи слова, заставляющія краснѣть? — Наконецъ, удивительно гибкая совѣсть царедворцевъ умѣла уладить всѣ слова и лица такъ-же хорошо, какъ уложены были уборы, ковры, оружіе, одежда. Всѣ глядѣли благоговѣйно внизъ, пошупивъ глаза, сложа руки; сѣдые бороды стариковъ были гладко разчесаны; русые и черныя кудри молодыхъ примаслены и разглажены. Уже найдены были приличныя слова и выраженія, для того, чтобы говорить о

воцареніи Юрія, паденіи Василія, переходъ Бояръ, войска и народа къ новому Князю, и завладѣніи Москвою. И надобно было пріискашь эти слова и выраженія: всѣ, кто засѣдалъ въ совѣтъ Василія, были теперь въ совѣтъ Юрія, всѣ — кромѣ *Басенка, Ряполовскихъ* и *Князя Василія Ярославича*. Тупъ видны были Юрій Паприкеевичъ, Спарковъ, Ощера, Туголукій, и съ ними — Іоаннъ Димитріевичъ, и Бояринъ Морозовъ, всегдашній наперсникъ Юрія. Страшное сомнѣніе возникло было о томъ, гдѣ кому сѣсть; но Юрій прекратилъ его, объявля, что до его Великокняжескаго разсмотрѣнія, всѣ должны быть безъ мѣстъ, то есть, не должны считаться мѣстами. И что-же? Чеслолюбіе умѣло и тупъ опдѣлить себѣ уголокъ! Всѣ старые, почешные Бояре сѣли ниже, и оправдали пословицу: *униженіе паге гордости*. Въ то же время разныя партіи и отноше-

ніа размежевали все собраніе на разныя часті. Въ одной споронѣ особенно собрались Бояре Московскіе, покорившіеся Юрію, и думавшіе бытъ опличенными за гибкость совѣспи; въ другой Бояре Звенигородскіе, гордые побѣдою своего Князя, и думавшіе торжеспвовати надъ Московскими своею случайною вѣрностью; въ прешемъ мѣспъ молодые честплюбцы, надежные на то, что ими, при перемѣнѣ власпипеля, замѣнятъ спарыхъ Бояръ; въ чепверпомъ люди, желавшіе только того, чтобы ихъ не прогали, и дали имъ средспво, какъ медвѣдямъ въ зиму, лежатъ спокпйно въ берлогѣ, и сосатъ лапу.

— Прежде всего, мои вѣрные, добрые сановники, Князья, Бояре и думные люди — сказалъ Юрій — воздадимъ единодушно хвалу Единому Побѣдодавцу Богу, Имъ-же царіе царствуютъ, и сильные творятъ правду.

Буди Имя Его благословенно, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ! —

Онъ спалъ медленно крестившись. Руки всѣхъ зашевелились, и съ глубокимъ, набожнымъ вздохомъ, многіе вслухъ повторили слова Юрія. »Поспой, поспой,« говорилъ Туголукій сосѣду, »дай-же и мнѣ руку-то вытащить, да перекрестившись. О дай, Господи! такое-же долготѣіе и благоденствіе Великому нашему Князю, Юрію Димитріевичу, какъ пѣсно теперъ въ собраніи нашемъ опъ великаго множества людей, приверженныхъ къ нему душою и тѣломъ!« проговаривалъ онъ вслухъ.

Туголукій не былъ выгнанъ изъ собранія; онъ исполнилъ свое намѣреніе — поднесъ у Флоровскихъ воропъ хлѣбъ-соль Юрію, поклонился ему, при всемъ народѣ, въ ноги, и теперъ спокойно сидѣлъ на ряду съ другими.

— Хочу означити побѣду пра-
ваго дѣла, и возвращеніе мнѣ закон-
наго моего, опшняго и дѣдняго спо-
ла — продолжалъ Юрій — жертвою
новому Преподобному Чудотворцу
Сергію, его - же святыя мощи уже
десять лѣтъ явленны міру пре-
бывають. Духовный отецъ мой,
Игуменъ Савва, молилъ меня, да
прейдесть въ основанный имъ Звени-
городскій монастырь, что на Спо-
рожахъ. Исполняю его желаніе, и
вдаю богатый вкладъ въ сію милую
для меня обитель, которую почи-
таю моею, особенною, Великокняже-
скою обителью. Но, да вознаградитъ
обитель Преподобнаго Сергія потерю
сего святаго мужа, умолилъ я старца
Зиновія, гробоваго монаха, при мо-
щахъ Преподобнаго Сергія находивша-
гося, принять званіе Настоятеля
Троицкой обители. Начатый строені-
емъ надъ мощами Преподобнаго Троиц-
кій Соборъ повелѣлъ я, моею Велико-

княжескою казною, выстроитъ велѣпно, весь изъ бѣлаго камня, и повелѣлъ расписать его Корсунскимъ писаніемъ, изографу Даніилу, и сопоснику его Андрею. Вдаю въ обитель Святаго Сергія 5 сель, 6 приселковъ, и 12 деревень. Подчиняю ей на вѣки вѣковъ: монастырь на Москвѣ, что Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа; да еще монастырь Николай Чудотворецъ, въ Дерязинѣ, что въ Переяславлѣ; да еще Дѣвичъ монастырь, церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, на Хашковѣ, и по всемъ тѣмъ обителямъ, Игуменъ Зиновій избираетъ, управляетъ, и вѣдаетъ въ церковныхъ чинахъ, въ монастырскихъ строеніяхъ, и во всемъ, духовнѣ и тѣлеснѣ. Всѣ сущіе и сущія въ обителяхъ сихъ, да чшутъ его, и да повинуются ему во всемъ, по Богу, безъ всякаго прекословія; имѣють-же его честна, во всякомъ опаса-

ніи и порадованіи, яко приснаго своего господина, опца, паспыря, и учителя, зане обрѣли мы его во всемъ благоговѣніи и чистотѣ, боголюбива, болящагося Господа, сокрушенна сердцемъ, и приводяща себя во вся благая и спасительная дѣла. — И опнынѣ на вѣки, вошчины, села, деревни, починки, и весь бысть Святыя Троицкія обители Сергія Чудотворца, тарханною грамотою, освобождаю я, опѣ всякія посохи, ямскаго, пѣглаго, осьмичнаго, коспокъ, поженнаго. И всѣ люди, кои сущѣ обители сея, на яму съ подводами да не спояшѣ, ни лѣсу, ни камня не возяшѣ, ни конскихъ и проѣзжихъ кормовъ не даюшѣ, положничныхъ денегъ не плащяшѣ, проводниковъ Таттарскихъ и Нѣмецкихъ не спавяшѣ, и въ своры, на волки, лисицы, медвѣди и лоси, не ходяшѣ, и ловчіе, и охотники, и псари, къ нимъ не вѣзжаюшѣ, спановъ у нихъ

не чиняшъ, и собакъ у нихъ не кормяшъ. А куда кто поѣдетъ по дѣлу обителѣ, чернецъ или бѣлецъ, водою и землею, пѣшь будетъ, или на конѣ, или въ ладѣ — тамги и мыта, головщины и вѣснаго, медоваго и солянаго, серебрянаго, и мѣднаго, и оловяннаго, никогда, ни съ чего и никому не даетъ, безтаможно, безмытно, безпошлинно, безъ опвозу, безъ опворота, повороша, подъема и явки. И люди монастырскіе пошлинъ и подапей ни коихъ не даютъ, и городовъ не дѣлаютъ, пюремъ не ставятъ и не сперегуютъ, и цѣловальниковъ къ нашему Государеву дѣлу не опправляютъ, и никакого намъ пятла не тянутъ, и къ ямчужному анбару сору и дровъ не возятъ. И судъ даю обителѣ безсудный, какъ только имъ Богъ по сердцу положишъ, и въ смѣсномъ судѣ, не съ монастырскими людьми, судитъ Настоятель съ братіею, а

намѣспники наши, и волоспели, и піуны, и судъ нашъ опъ всего опспупаються. Кто съ дерева-ли убъешся, въ водѣ-ли упонешъ, или водою кого мерпваго принесешъ, или кого возомъ сопрешъ, или мерпваго подкинушъ, или звѣрь съѣспъ, лошадь убъешъ, или кусомъ кто подавишся, громомъ кого ушибешъ, или кто опъ своихъ рукъ уперяешся — все то судишъ Богъ, да по Немъ Наспояпель, а не я грѣшный, Великій Князь Московскій, Божіею милоспію. —

Нѣсколько разъ оспанавливался, и опдыхалъ по нѣскольку мгновеній Юрій, произнося свою длинную рѣчь, въ коей надобно было удивляться его знанію всѣхъ подробностей и мѣлочей погдашняго законовѣднія. —

»Слава и честь Великому Князю Юрію Димитріевичу!« воскликнули всѣ Бояре и Князья.

Тутъ , по данному знаку, введены были Послы Князей Тверскаго, Рязанскаго, Ярославскаго, Можайскаго, Верейскаго, Тарузскаго, Новосильскаго, и другихъ. Они успѣли уже пріѣхать въ Москву, и какъ за нѣсколько недѣль Василію, такъ теперь Юрію говорили о дружбѣ, мирѣ, спокойствіи, тишинѣ, съ клятвами на того, кто порушитъ первый крестное цѣлованіе.

— Да не возносится никто-же — началъ снова Юрій, когда Послы Князей вышли изъ мѣста засѣданія — да смирился всякъ, и да помнитъ всякъ власть свою преходящую, и пребываетъ въ миролюбіи, и тишинѣ, и братолюбіи, яко-же заповѣдалъ намъ Богъ — хочу устроить я жребій моего племянника, и судьбу церкви православныя всея Руси. —

Сии слова произвели сильное движеніе во всѣхъ присутствовавшихъ.

— Задушевный совѣтникъ мой, Бояринъ Морозовъ, объявишь вамъ, добрые мои совѣтники, Князья и Бояре, волю мою — продолжалъ Юрій.

Взоры всѣхъ мгновенно обратились на Боярина Іоанна.

Молча сидѣлъ онъ до того времени, и безмолвно и неподвижно перенесъ онъ и сей общій взоръ, и радостный шопотъ, раздавшійся въ собраніи, когда Юрій опоздался такъ горячо о Морозовѣ, назвалъ его своимъ душеприкащикомъ, ни слова не сказавъ о Бояринѣ Іоаннѣ. Іоаннъ зналъ, какое чувство произвело эту, убійственную для него радость: »Никто изъ насъ, да и не онъ!« такъ была мысль, мгновенно пролетѣвшая между всѣми. Іоаннъ не показавъ никакого знака оскорбленія, когда послѣ сего, мгновенно, лица всѣхъ обратились на Морозова, какъ

будпо на величественно восходящее свѣпило. Замѣпно было, какъ на губахъ каждаго верпишся уже привѣспвіе новому временщику.

Торжествуюя поднялся съ мѣста своего Морозовъ, низко поклонился Юрію, и, обрапясь къ собранію, началъ говоришь :

»Волею Господа, и молитвами Святаго чудотворца Сергія, дароваль Господь побѣду на враги Великому Князю нашему, Юрію Димитріевичу, покориль ему подъ ноги вся враги и сопоспашы. Племянникъ его Василій, сынъ брата Василія, и жена его Васильева Марья, и маперъ его Васильева Софья, преданы волею Божіею ему Великому нашему Князю, и бьютъ челомъ ему, просятъ о его Княжеской милоспи. И онъ Великій Государь, милосердуя о племянникъ своемъ, вся вины его проспиль, и пожаловаль его : дароваль

ему удѣль , городъ Коломну , со всѣми волостями , сборами и пошлины . И оппускаетъ онъ его , Василія , въ сей городъ , съ женою его Марьею , и съ матерью его Софьею , и о семъ , да цѣлуешъ Василій крестъ честный : »быть ему всегда въ удѣль Великаго Князя.«

Изумленіе изобразилось на всѣхъ лицахъ . Никто не говорилъ однакожъ ни слова . Морозовъ продолжалъ :

»А всѣмъ его Василія людямъ , кто захочетъ къ нему , Василью , ѣхать , и при немъ быть , свобода ѣхать и при немъ быть , и пожитки свои , и помѣстья , и вошчины сбыть и перевезти , до Петрова дня . А всѣмъ , кто не захочетъ у него , Василія , быть , и къ нему ѣхать , прощеніе и оставленіе всего , что было , и почиать все минувшее такъ , яко-же и не бысть.«

— Слава и честь Великому Князю! — воскликнуло нѣсколько голосовъ, но Морозовъ махнулъ рукою, всѣ умолкли, и онъ продолжалъ:

»И да будетъ всѣмъ вѣдомо, что болѣзнуя объ участи православныя нашея Церкви, сиротспвующей безъ духовнаго пастыря и главы, уже прешіе лѣто, Святѣйшій киръ-Пап-ріархъ, Вселенскій и Царяграда, новаго Рима, благосоизволилъ избрать Москвѣ, и всея Руси, духовнаго пастыря и опца. Сей пастырь, будущій Митрополишь Руси, есть святой человекъ, мужъ вѣры, и добродѣтелей, и златословія великій, Архимандритъ Исидоръ, присланный съ граматами къ Великому Князю. И сіе избраніе, внушенное Великому Свяпипелю духомъ Божіимъ, Князь Великій пріемлетъ, и благословляетъ.»

Глубокое молчаніе слѣдовало за сими словами. Неудовольствіе изобразилось на лицѣ Юрія, когда онъ увидѣлъ, что рѣшеніе его о Васи́лѣи не возбудило никакого воспора, а рѣшенія объ участи Бояръ его, и о будущемъ Митрополи́тѣ, вспрѣпили даже холодный пріемъ. Онъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ потомъ черезъ одно мгновеніе; взоры свои робко обвелъ онъ по всему собранію, и потомъ обрапилъ ихъ на Морозова.

»Такъ хочешъ Великій Князь, и да вѣдаешъ всякъ его велѣніе и волю, и да повинуется всякъ его велѣнію и волѣ!« сказалъ Морозовъ, пвердымъ и грознымъ голосомъ.

Это привело еще въ большее смятеніе всѣхъ, бывшихъ въ собраніи, и самага Юрія. Онъ поднялся, благословилъ всѣхъ, и сказалъ: »Да будетъ надъ всѣми вами благослове-

ніе Божіе, и да идесть всякъ во свояси, въ мирѣ и тишинѣ. Волю мою обо всемъ другомъ, возвѣщу я въ грядущіе дни.»

Всѣ преклонились предъ Юріемъ, кромѣ дѣшей его, стоявшихъ подлѣ него, и чинно пошли вонъ изъ палаты.

— Онъ благословилъ насъ, какъ Митрополишь. — »Да, по бородѣ онъ и походитъ на него.« — Съ нимъ житье будетъ хорошо. — »Чпо за Князь Великій: какой благочеспивый, испинный хриспїанинъ, кропкій, милоспивый !« — Чпо-же это было: совѣтъ, или проспой приказъ? — »Молчи только, и слушай.« — Богъ знаеть, лучше - ли это будетъ ! — Такъ перешептывались, и попихоньку переговаривали между собою Князья и Бояре, расходясь изъ дворца.

Мрачно сидѣлъ во все время собранія Косой; яростно смотрѣлъ на

Морозова Шемяка, когда Морозовъ говорилъ опть лица Юрія, и безпокойно озиралъ лица всѣхъ Красный. Бояринъ Іоаннъ упорно безмолствовалъ до конца засѣданія. Онъ подошелъ къ Юрію, когда поплъ поднялся идти.

— Позволишь-ли мнѣ, Князь Великій, поговорить съ тобою? — спросилъ онъ хладнокровно.

»Ты мой всегдашній собесѣдникъ, и опора моего совѣта,« возразилъ Юрію, съ замѣпнымъ смяпеніемъ.

— Мы о томъ-же холѣли просить тебя, Государь родишель — сказалъ Косой, едва скрывая свое бѣшенство.

»Идите со мною,« отвѣчалъ тихо Юрій.

Въ ближней комнапѣ, подлѣ большаго спола, сѣлъ Юрій, упомленный продолжительнымъ засѣданіемъ, и

указалъ мѣста Іоанну, Морозову, слѣдовавшему за нимъ неоплучно, Косому и Шемякѣ. Никто изъ нихъ не сѣлъ, и всѣ только поклонились.

— Я, признаюсь, успалъ, добрый мой Бояринъ — сказалъ Юрій, спараясь казаться веселымъ — наше спариковское здоровье не позволяешъ того, что бывало дѣлаешъ въ молодости, да и не думаешъ устывать.

»Всему время, Государь,« отвѣчалъ Іоаннъ, не зная, какъ начать разговоръ послѣ сихъ словъ Юрія.

— Топто-же и естъ — продолжалъ Юрій. — Премудро сказалъ Пророкъ вѣнчанный: время естъ всему, и время всякой вещи подъ небесемъ: время рождасть и время умирасть, убивать и цѣлить, плакать и смѣяться, рыдать и ликовать, любить и ненавидѣть. . .

»Милоспивыя слова твои,« сказалъ Іоаннъ, »показываютъ, что я

еще не вовсе лишился твоей милости, Государь.»

— Ты лишился? Опомнись, Бояринъ! Всегда будешь ты опасаешься въ любви моей. —

»Позволишь-ли и мнѣ съ брапомъ того-же надѣяться?» спросилъ Косой.

— Можете-ли вы сомнѣваться въ любви вашего родителя? — отвѣчалъ ему Юрій. — Дѣпи мои, дѣпи мои! для кого-же я и забочусь? Для кого-же спараюсь о мірскомъ дѣлѣ? Истинно, мнѣ самому ничего не надобно — для васъ, други мои любезные, все это дѣлаю я для васъ! —

Косой казался распроганнымъ словами опца, въ которыхъ видна была открытая душа его. Онъ не зналъ, какъ продолжитъ разговоръ, но Іоаннъ предупредилъ его.

— Дѣпи твои, и я рабъ твой, Государь — сказалъ онъ — могли усо-

мнитъся, послѣ всего, что недавно видѣли и слышали мы въ совѣтѣ. —

»А что-же я сдѣлалъ богопропивнаго, или такого, чѣмъ могъ оскорбить васъ?« спросилъ Юрій, съ явнымъ замѣшательствомъ. »Дѣла мира, дѣла пишины, даръ святой общины, прощеніе вины. . .«

— По чему-же, Государь, не угодно было тебѣ сказать все это предварительно — не говорю мнѣ, котораго однакожъ удостоивалъ ты своей довѣренности, который имѣлъ счастье оказать тебѣ нѣкоторыя услуги, и полагаетъ за тебя жизнь и голову свою — но, даже и дѣшамъ твоимъ? Думая быть призванными на совѣтъ, съ изумленіемъ услышали они уже окончательное твое рѣшеніе! —

»Я совѣтовалъ объ этомъ, и рѣшилъ все это съ совѣстью моею,«

опвѣчалъ Юрій, краснѣя — »по слову Евангелія, что о такихъ дѣлахъ не должна вѣдать шуйца, что творить десница.«

— Позволь мнѣ сомнѣваться, Государь, и думать, что къ совѣсти твоей присоединялись таки и людскіе совѣты, и что внушенія людскія способствовали твоей рѣшительности. —

»Я никому не обязанъ давать опчета въ дѣлахъ моихъ. Господь, увѣнчавшій меня побѣдою, внушаетъ мнѣ думу, и я поступаю такъ, какъ хочу!« сказалъ Юрій, спараясь показаться суровымъ, когда увидѣлъ, что ласковость его не помогаетъ.

— Но ты сей часъ говорилъ, что прудишься и мыслишь только для сыновъ своихъ, Государь? Если такъ, то неприлично было тебѣ поступать съ достояніемъ твоимъ,

и съ ними, какъ будто только о самомъ себѣ, и ни о комъ другомъ, ты не помышляешь. —

»Я повторяю тебѣ, Бояринъ, что въ моей волѣ никому опчеша не даю!«

— Ты не такъ говорилъ прежде, Государь — возразилъ Іоаннъ, едва удерживаясь отъ гнѣва — я, прости мнѣ — не узнаю тебя! Молю Бога, да сохранишь Онъ тебя отъ гордоспи и ослѣпленія. Конечно, Богъ даруетъ побѣду, но — вижу, что я болѣе не Бояринъ, и не со-вѣтникъ твой. —

»Воля твоя, Бояринъ,« сказалъ Юрій, раздраженный словами Іоанна. — Что-же? Не въ первый разъ тебѣ перемѣнять власпишелей — Русь велика!«

Морозовъ улыбнулся, съ видомъ самодовольства. »Ты чему смѣешь

осклабляться?» воскликнулъ Косой, замѣшивъ его коварную улыбку.

— Я не осклабляюсь — отвѣчалъ спокойно Морозовъ — но дивлюсь, какъ мудрость моего Князя умѣетъ проникать души и сердца. —

»А я тебѣ объявляю, что если еще осмѣлишься ты удивляться этому, то я удивлю тебя гораздо сильнѣе!» воскликнулъ Косой.

— Василій! ты опять забылъ мои слова; опять дерзаешь ты, въ моемъ присутствіи, своевольствовать! Долго-ли мнѣ прощать твою дерзкую буйность? Долго-ли извинять добропою сердца твоей дерзкій языкъ? — сказалъ Юрій.

»Государь!» отвѣчалъ Морозовъ, съ оскорбленнымъ видомъ, »я не смѣю быть причиною гнѣва твоего на Князя Василія Юрьевича. Знаю, что я давно заслужилъ его негодо-

ваніе, хопя и не понимаю чѣмъ. Уже давно просилъ я уволить меня опъ дѣлъ, и усранилъ опъ твоей довѣренности — прошу тебя еще разъ. . .»

—Государь!—сказалъ Косой—гнѣвайся на меня, какъ тебѣ угодно, но я дерзаю опкрыто сказать передъ тобою, что съ эгимъ лицемѣромъ я не могу быть вмѣстѣ. Пока дѣло шло о небольшомъ твоемъ удѣлѣ, онъ могъ еще быть при тебѣ; но теперь, когда судьба всей Руси возлегла на рамена твои — не такихъ совѣтниковъ тебѣ надобно! —

»Ты, кажется, хочешь мнѣ самому указывать?» воскликнулъ Юрій.

— Избави меня Богъ! Но ты сказалъ, что заботишься о дѣлахъ своихъ, и я, какъ старѣйшій сынъ твой, думалъ, что имѣю право совѣтовать и говорить. Прости-же меня — я удаляюсь — твори, какъ

тебѣ скажутъ твои совѣтники, или —
внушитъ Богъ. . . Косой насмѣшливо
улыбнулся.

»И мнѣ, Государь! позволь так-
же удалиться,« сказалъ Шемяка.

— Прости мнѣ, Государь! — вскри-
чалъ Морозовъ — опусти лучше
меня, да не разлучатся съ побою
дѣти твои! — Онъ упалъ на колѣ-
ни, и поцѣловалъ руку Юрія.

»Съ меня, Государь! начатъ те-
бѣ должно«, сказалъ Іоаннъ. »Послѣ
слышаннаго мною опъ тебя, безче-
стно было-бы тебѣ держать меня!«

Слабый Юрій рѣшительно смѣ-
шался. Онъ совсѣмъ не воображалъ,
что долженъ вытерпѣть нападеніе,
столь дружное и сильное. »Встанъ
Бояринъ, и молчи!« сказалъ онъ Мо-
розову. »Бояринъ Іоаннъ! право, я не
помню, что сказалъ тебѣ. Прости
меня, старика, если оскорбилъ я те-

бя неосторожнымъ словомъ. Испинно, это безъ умысла! Онъ пропнулся къ нему руку. Іоаннъ почтительно поцѣловалъ ее. »Государь!« сказалъ онъ, »жизнь и кровь моя тебѣ посвящены на вѣки!«

— Ты самъ началъ мнѣ говорить что-то — не по праву. —

»Берегись тѣхъ людей, Государь, которые только *по праву* говорятъ тебѣ, и береги тѣхъ, кто говоритъ смѣло *противъ тебя*.«

— Дѣти мои! — сказалъ Юрій — обнимите меня — забудемъ все, что было! — Холодно подошли къ нему оба сына. — Ты, Василій, удерживай однакожъ свой языкъ, ради Бога! Ей, ей! хоть и не отъ сердца идутъ рѣчи твои — это я очень хорошо знаю — но часто оскорбляютъ меня. Ну! да благословишь васъ Богъ! Скажите, друзья мои! что васъ такъ оскорбило? Правое слово, что любовь

и довѣренность моя къ вамъ ни сколько неизмѣнны! —

Видно было, что онъ говоритъ это отъ чистаго сердца. На этотъ разъ очередь торжеспвовавъ перешла на сторону Іоанна. Морозовъ, скрывая досаду, кусалъ губы. Онъ видѣлъ, что тайная работа нѣсколькихъ дней могла уничтожиться въ нѣскольکو мгновеній, видѣлъ, что пылкость Шемяки, свирѣпость Василя, хитрый умъ Іоанна, соединенные вмѣстѣ, составляли такое препятствіе его уму, и власпи надъ душею Юрія, кошорое едва-ли можно будетъ ему преоборошъ,

— Скажите, что оскорбило васъ? — продолжалъ Юрій. — При помощи Божіей, все дѣло устроилось: Москва наша, враги разсѣяны, все покорно! —

»Скажи, Государь,« началъ Іоаннъ, »кто присовѣтовалъ тебѣ

скрыть ошъ насъ твои распоряженія объ участи Василія, Боярь его, и избраніи Митрополиша?»

Юрій не зналъ, что отвѣчать. «Признайся, Государь, родитель мой.» сказалъ Косой, «что ты напередъ не ожидалъ одобренія нашего на всѣ сіи распоряженія, и пошому скрывалъ ихъ?»

Какъ дитя, пойманное въ шалости, Юрій оробѣлъ, и полу-шутливо отвѣчалъ: «Что-же? Признаюсь! Я чувствовалъ въ совѣсти моей правоту всѣхъ сихъ распоряженій; но зналъ, что вы не одобрите ихъ, и рѣшился, не говоря вамъ, исполнить ихъ, чтобы нельзя уже было возражать. . . .»

— Государь! — сказалъ Іоаннъ — и не кончивъ рѣчи, захватилъ рукою голову и плапкомъ ропъ. Косой боязливо обратился къ нему. Всѣ бы-

ли встревожены внезапною переменою его лица.

— Ничего, ничего! — сказалъ Іоаннъ. — Труды и заботы обременили меня въ последнее время. Это пройдетъ! Позволь мнѣ съспать, Государь! —

»За чѣмъ-же запускаешь ты свою болѣзнь?« сказалъ Юрій. »Береги здоровье, послѣ души, всего болѣе на свѣтъ! Не пойдти-ли тебѣ успокоиться?«

— Ничего, ничего, Государь! Не безпокойся обо мнѣ — это пройдетъ. У меня голова немного кружишся. — Іоаннъ не смѣлъ сказать, что кровь идетъ у него горломъ, и скрывалъ свою тяжелую боль, одного боясь, чѣлобы Морозовъ не порадовался его спрѣданію, и чѣлобы не упустилъ благопріятнаго случая, когда можно было разрушить всѣ

предпріятія сего опаснаго соперника.

»Признаюсь, что первую мысль о прощеніи Василія, и о дачѣ ему Коломны« — продолжалъ Юрій — »внушилъ мнѣ одинъ мой доброжелатель. И какъ-же было мнѣ поступить иначе, опнявши у него опцовское наслѣдіе? Не уже-ли не дасть ему и куска хлѣба?»

— Но, развѣ онъ давалъ его тебѣ и намъ? — сказалъ Косой. — И намъ, и тебѣ не было опъ него нигдѣ жишья, и вновь грозило намъ даже гибельное умышленіе на жизнь! —

»Послушай, любезный мой сынъ, Василій, вѣдь все это такъ говорится, для людей — между нами будь сказано. А собспвенно, враждовали мы всѣ, опнимали другъ у друга, что могли. И теперь, когда рѣшительно Богъ далъ намъ побѣду, когда власть наша такъ крѣпка, все

намъ такъ послушно, все такъ хорошо уладилось — стыдно и грѣшно было - бы намъ не оказать побѣдительнаго великодушія!»

— Первое правило для Государя — сказать тогда Іоаннъ, собравшись съ силами — должно быть правило Государя, а не простаго человека. Величайшее различіе должно полагать между тѣмъ и другимъ. Высокая доброта и великодушіе твое, Государь Князь Великій, видны изъ твоихъ дѣлъ и рѣчей. Но позволь мнѣ сказать, что, какъ Государь — ты поступилъ весьма неосторожно, готовишь себѣ гибель, и смотришь на настоящія обстоятельства несправедливо! —

»Воптъ видишь, Бояринъ,« сказалъ Юрій, добродушно обращаясь къ Морозову, »я тебѣ тоже говорилъ, что мы запѣяли не совсѣмъ ладно!«

Морозовъ покраснѣлъ, видя, что простодушный Юрій, совсѣмъ не думая объ этомъ, выдаетъ его на жертву врагамъ. Взоры Іоанна, Косаго и Шемяки устремились на него, и онъ невольно содрогнулся, замѣчая ненависть и подозрительное презрѣніе, какое выражали сіи взоры. • —

»Государь!« сказалъ Морозовъ, закрывая вѣками глаза, покачивая головою, и смиренно преклоняясь, какъ всегда онъ дѣлывалъ, говоря съ значными, »когда тебѣ угодно было спросить моего совѣта, я представилъ отъ искренней души причины, сильныя, которыя убѣдили тебя поступать такъ, какъ поступилъ ты. Во первыхъ, если теперь разбираешь вину, и казнишь виновныхъ, то кто окажется правъ? Не лучше-ли усвоить себѣ сердца всѣхъ полнымъ, неизъемлемымъ всепрощеніемъ? Такое милосердіе важно будетъ и въ глазахъ

народа, ибо народъ, упомленный сварами, неперпѣливо ожидаетъ правленія мирнаго и кропкаго, жаждетъ спокойствія и тишины. Благодѣяніе твое привяжетъ къ тебѣ самого Василія неразрывными узами благодарности, когда онъ ясно видитъ уже, что борешься съ побою у него нѣтъ силъ, и когда онъ будешь лишенъ дружинъ и совѣтниковъ. Кроме того, бывши въ Коломнѣ, онъ всегда въ глазахъ, и если-бы у него возникла какая нибудь тайная, злая дума, то не успеешь онъ ввѣрить ее своей подушкѣ, не только другому человеку, какъ ты будешь уже имѣть средства предупредить его! И чего бояться тебѣ, побѣдителю, обожаемому народомъ, почитаемому Князьями?»

— Мерзость предъ Господемъ устальстивы, а Князю пагуба! — воскликнулъ Іоаннъ, перебивая слова Моро-

зова. — Въ такомъ-ли видѣ долженъ ты представлять положеніе государственныхъ дѣлъ въ настоящее время, совѣтникъ близорукій и ко-сой, если не... — Іоаннъ остановился.

»Но что - же находишь ты несправедливаго въ совѣтѣ Морозова, Бояринъ?« спросилъ Юрій, недовѣрчиво и робко. »Развѣ народъ не любитъ меня въ самомъ дѣлѣ?«

— Ни то, ни сѣ, и объ этомъ я ничего не скажу, Государь! —

»Какъ? Развѣ не кричалъ онъ радостно при моемъ появленіи, не бѣжалъ мнѣ на встрѣчу, не привѣтствовалъ меня повсюду, гдѣ только являлся я?«

— А за двѣ недѣли также кричалъ онъ Василю, Государь; также побѣжитъ онъ и за тѣмъ, кто испорченъ у тебя власть! Крикъ и шумъ толпы ничего не значатъ, но важно,

Государь, то, что въ тебѣ нравишся народу твоя величественная старость, близость твоя къ Димитрію, котораго всегда любишь онъ за Куликовскую битву, забывая все его ошибки, и оспальное несчастное княженіе. Это, Государь, должно тебѣ укрѣплять, испоргнувъ изъ памяти народа все, что раздѣляетъ твое княженіе отъ княженія отца твоего. Надобно припомъ ослѣпить глаза народа новостью, блескомъ; надобно самому тебѣ явиться въ какомънибудь судѣ, передъ воинскою дружиною, срубить двѣ, при головы у какихънибудь судей-взяпочниковъ, и высѣчь кнутомъ нѣскольکو сборщиковъ подапей. Все это легко тебѣ сдѣлать можно: взять первыхъ, какіе попадутся, и всего лучше нелюбимыхъ народомъ. Народъ закричитъ тогда о твоемъ правосудіи. Кромѣ того, сложи какуюнибудь подасть, раза два, три

сзови къ себѣ почетныхъ людей изъ простаго народа, и уговори ихъ согласиться на то, что ты имъ прикажешь. Они заважничаютъ, и прокричатъ на всю Москву о твоей благоспи, и о своей значительности. Можно еще раза два покоримъ и попоймъ толпу народную. Послѣ всего этого, ты будешь крепко со стороны народа, и видя жезлъ въ рукахъ твоихъ, онъ спанетъ кричатъ повсюду о любви къ тебѣ. Но, все это бездѣлица, Государь! Приобрѣтаемое столь легкое, ничего и не стоитъ. Опасность твоя не здѣсь. Что хочешь ты дѣлать съ Князьями самовластными? Вотъ важный вопросъ.»

— Избави меня Богъ покушаться на ихъ добро! Кто чѣмъ владѣетъ, тотъ тѣмъ и владѣй, съ Богомъ! —

»Это никуда не годится, Государь, и потому-то напрасно ты

согласился на ихъ дружескія посланія, и велѣлъ заготовлять мирныя граматы. Надобно было отвѣчать имъ ни миромъ, ни войною, спарашься унизить ихъ передъ власнью Москвы, перессорить ихъ, и потомъ оппнимать попеременно, все, что тебѣ нужно.»

— Могу ли — воскликнулъ Юрій, — когда они такъ дружески предаются мнѣ! —

»Здѣсь я буду говорить совсѣмъ не то, что говорилъ тебѣ о народѣ. Народъ уподобляется смирной коровѣ, которая иногда бодаешь, а удѣльные Князья — волкамъ, которыхъ сколько ни корми, а они все въ лѣсъ глядятъ. Ихъ надобно править собаками, собакъ-же эшѣхъ кормишь волчьимъ мясомъ. Видя, что ты хорошо понимаешь ихъ, и будешь держать въ рукахъ, они всѣ сами прибѣжали-бы къ тебѣ опро-

мешью, купили-бы у тебя миръ, а теперь — ты уступилъ имъ миръ, не выгадавъ себѣ ничего. Неразсчитливое дѣло, Государь!»

— То естъ — осмѣлился сказать Морозовъ — надобно было ожесточить ихъ, заставить ихъ передаться къ Василию. . .

«Какое невѣгласное разсужденіе, Государь!» воскликнулъ Іоаннъ. — «Можно-ли ожидать общаго союза между Тверью и Новгородомъ, Рязанью и Ярославлемъ, когда ты будешь умѣть накормить Ярославцевъ Рязанцами, а Тверилянъ Новгородцами! Василій, правда, такая болячка, на которую всегда слепятся мухи; но потому-то я и не одобряю поступка твоего съ Василиемъ, Государь! Эту болячку надобно было *вырѣзать и выжечь*, а не согрѣвать подъ удѣльною шубою.»

— Какъ? — вскричалъ Юрій, содрогнувшись.

»Такъ, Государь! Пока живъ Василій, ты не твердь на престолъ.«

— Ты думаешь, что ему не надобно было отдавать Княжества и свободы? —

»Болѣе, Государь! —

— Не уже-ли ты думаешь, что надобно было... Юрій не смѣлъ договорить.

»О такихъ дѣлахъ не говорятъ, Государь — ихъ только дѣлаютъ...«

— А его мать? Его жена? —

»Для нихъ есть монастыри, гдѣ за временное Княжество приобретутъ они Царство небесное...«
Іоаннъ хотѣлъ улыбнуться, но жестокая боль заставила его остановиться. Юрій со вздохомъ обратился тогда къ сыновьямъ своимъ.

— И вы, дѣти мои, и вы также думаете? — сказалъ онъ, прискорбно смотря на нихъ.

»И мы, Государь родитель, также думаемъ« сказалъ ему Косой, твердымъ голосомъ.

Казалось, что Юрій искалъ оправданнаго голоса. Онъ обратился къ Шемякѣ.

»А ты, Димитрій?« спросилъ онъ.

— Государь родитель! или не должно было прислупать къ чашѣ, или надобно пить ее до дна. . . опивчалъ Шемяка, въ замѣшательствѣ.

Юрій уныло опустилъ голову. Но вдругъ онъ снова обратилъ глаза на Іоанна. »Ну, а поступокъ мой съ Боярами Василія, Іоаннъ Димитріевичъ?« спросилъ Юрій быстро.

— Внушень тебѣ добрымъ, незнающимъ людей сердцемъ твоимъ,

Государь! Ты могъ даровать имъ жизнь, только жизнь, но даже не долженъ былъ давать свободы. Москву надобно было вымести опъ этого сора, опъ этихъ пусныхъ головъ, глупыхъ бородъ, которыя теперь сѣли тебѣ на шею. Спрогоспъ къ Боярамъ порадовала-бы народъ. И чего ждешь ты опъ нихъ? Если надобны тебѣ толстые пузаны и длинныя бороды, то развѣ мало ихъ у тебя своихъ? И почему не кликнулъ ты кличи изъ Твери, изъ Новгорода, изъ Рязани? Лучшій народъ поняль-бы тебя, и перешель-бы къ тебѣ. Черезъ это, ты еще ослабилъ-бы власть Князей. Теперь-же, ты связалъ себѣ руки въ Совѣтъ, посадивъ Васильевыхъ Бояръ. Попышайся: вели имъ теперь молчать, и они оскорбляшся, и будутъ недовольны, когда просидѣвъ года по два въ шюрмѣ, на хлѣбѣ и водѣ, они кланялись-бы тебѣ въ ноги за жизнь свою, а

ты имѣлъ-бы время устроить все по своему. —

»Но почему не одобряешь ты, Бояринъ, выбора Исидора въ Митрополи ты?»

— Кромѣ того, Государь, что о немъ идетъ въ народъ молва, будто онъ тайный сообщникъ Римскаго Папежа. . .

»Клевета!»

— Но народъ должно уважить въ подобныхъ клеветахъ, и лучше тебѣ свалить десять головъ, любимыхъ народомъ, нежели пославить надъ нимъ одну, имъ нелюбимую. Кромѣ того, Государь, ты оттолкнулъ отъ Митрополиства добраго Іону, копорому давно голосъ народа присуждалъ сей высокій санъ, когда еще былъ онъ просвирникомъ въ Симоновской обители. Подобныя повѣрья

народныя всегда надобно уважать
тебѣ, Государь! —

»Бояринъ!« сказалъ Юрій, задумавшись, »не эпо - ли все Греки называли *Политикою*, и не объ эпой - ли спрашной наукѣ правленія, основанія которой ты высказалъ теперь намъ, сказано: *Эллины премудрости ищутъ*?»

— Не знаю, Государь, какъ эпо называется по Гречески, но я передаю тебѣ плодъ опытности, десятиковъ лѣтъ, проведенныхъ въ дѣлахъ государственныхъ, слова усердія, дѣла ума, который, смѣло говорю, признали во мнѣ самые враги мои! Я не прошу тебя вѣрить моей добродѣтели, но только тому, что вѣрность къ тебѣ есть моя *необходимость*. Да! — продолжалъ Іоаннъ, разгорячаясь — съ паденіемъ твоимъ — я погибъ, между тѣмъ, какъ всякой другой, твой совѣтникъ най-

дешъ милость и у Василя! Этой милости я не возьму — первый по Князѣ, или ничто! Но мнѣ нѣтъ уже спасенія у Василя, и я не могу у него быть, не только первымъ, но и послѣднимъ — ссора моя съ нимъ кончится только гробомъ. . .

«Но, почему знаешь ты, Бояринъ, что гробъ уже недалеко отъ тебя! Намъ-ли старикамъ. . .»

— Князь и совѣтникъ его вѣчно юны! Ты знаешь, Государь, что у Князей *цвѣтное платье не носится, добрые кони не ѣздятся, и вѣрные слуги не старѣются.* Или о мѣрѣ думать, или о гробѣ. . .

«Нѣтъ!» сказалъ Юрій, обративъ глаза на Образъ — «нѣтъ! я искалъ вѣнца Великокняжескаго потому, что онъ принадлежалъ мнѣ по праву. Я грѣшилъ предъ Богомъ, употребляя иногда человѣческую помощь, суеп-

ную ; но , ни тогда , какъ покойный Владыка Фотій убѣждалъ меня , ни тогда , какъ несправедливый Ханъ присудилъ первенство племяннику , душа моя не переставала скорбѣть предъ Господемъ ! И Онъ услышалъ меня , и я княжу въ Москвѣ. Если для власпи моей необходимы подобныя твоимъ совѣты , Бояринъ , я — оппрекаюсь опъ власпи , и царство мое нѣсть отъ міра сего !»

— Чпо-же гоповишь ты дѣшамъ своимъ ? — спросилъ нетерпѣливо Косой.

»Не говоря еще объ томъ , я прорекъ тебѣ , Князь Юрій Димитріевичъ , чпо ожидаетъ здѣсь самага тебѣ» — сказалъ Іоаннъ. »Ты презираешь моими совѣтами , ты хочешь княжить , и не знаешь науки княженія — горе тебѣ ! Знай-же , чпо ты увидишь новыя крамолы Василія , чпо ты узришь новыя смуты Князей , долженъ

будешь, или уступить имъ все, или
возспавить ихъ на себя. Москва,
обманутая ожиданіемъ новаго по-
рядка, вознегодуешь, перейдешь сно-
ва къ Василию. Боярская дума твоя,
волнуемая взаимною ненавистью,
первая предастъ тебя. Какъ змѣи
хищныя, обовьютъ тебя спраспи и
измѣны, крамолы и смуты людскія,
и ты, съ позоромъ, увидишь свое
изгнаніе, и... я не смѣю договорить!...»
Онъ снова захватилъ плащкомъ ротъ.

— Что-же готовишь ты дѣтямъ
своимъ? — снова спросилъ отца сво-
его Косой.

»Миръ и благословеніе, сильные,
крѣпкіе удѣлы, тишину опчизны,
благоденствіе подваспныхъ,« отвѣ-
чалъ Юрій, задумчиво.

— А Великое Княжество кому? —
воскликнулъ Косой, блѣднѣя.

»Слушай, сынъ мой. Былъ одинъ
предокъ твой — можешь быть, ты

слыхалъ объ немъ — благочестивый Константинъ, и у него былъ братъ Георгій, возведенный на Великое Княженіе волею опца, но беззаконно. Скоро утрапилъ Георгій свое достояніе, и очутился плѣнникомъ своего старшаго брата. Что-же Константинъ? Онъ не хотѣлъ мстить брату, бывшему его врагомъ, и незаконно овладѣвшему престоламъ. Онъ простилъ его, призвалъ его къ себѣ, благоудѣяніемъ привязалъ его сердце, и, умирая съ чистою совѣстью, препоручилъ ему Великое Княжество, съ тѣмъ, чобы два племянника Георгія, сыновья Константина, были сильнѣйшими по немъ Князьями. Георгію принадлежалъ престолъ послѣ Константина — Константинъ свято соблюлъ завѣтъ опцовъ. Константинъ могъ лишить его хлѣба, не только престола — Георгій помнилъ благодушіе брата, и свято хранилъ завѣты братніе.

И благословилъ Господь сихъ Князей, и потомки Константина черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ владѣють донынѣ родными землями. И самого Георгія сподобилъ Господь вѣнца мученическаго... Вотъ, что я готовлю вамъ!»

— О родитель мой! такія-то думы скрываешь ты опъ насъ во глубинѣ души своей! — возопилъ Косой. Онъ обратился къ Морозову, съ пылающими опъ гнѣва взорами: — Такіе-то совѣты дерзаешь ты подавать опцу моему? — воскликнулъ онъ, дико смотря на Морозова.

»Измѣнникъ!» возопилъ Іоаннъ, удушаемымъ голосомъ, какъ будто собирая послѣднія силы, и съ яростію опнялъ онъ опъ успъ своихъ окровавленный плашокъ.

— Что это? Ты весь въ крови? — вскричалъ испуганный Юрій.

»Да, горестъ и гнѣвъ мой пере-
шли всѣ предѣлы!« сказалъ Іоаннъ.
»Кровь печетъ изъ меня, и, можетъ
быть, предвѣщаетъ мнѣ близкую —
близкую кончину... Государь! Боя-
ринъ Морозовъ измѣнникъ — онъ
имѣетъ тайныя сношенія съ Васи-
ліемъ! Спѣшу сказать тебѣ...«

— И ты еще дерзаешь изрыгать
хулы и клеветы, когда нечислая
совѣсть твоя исходитъ вмѣстѣ съ
твоею кровью? — воскликнулъ Моро-
зовъ. — Государь! видишь-ли, какъ
близокъ къ человѣку Судія Правосуд-
ный! — продолжалъ онъ, указывая
на Боярина Іоанна.

Іоаннъ не могъ уже болѣе гово-
рить. Ослабѣвшій, чувствуя, что
кровь задушаетъ его, онъ хотѣлъ
выйдти, и упалъ безъ чувствъ на
лавку — кровь хлынула изъ него
ручьемъ...

»Іоаннъ! Іоаннъ!« закричалъ съ ужасомъ Косой, бросаясь помогать ему. Іоаннъ пришелъ въ чувство.

— Вели опнести меня домой — или куда нибудь... О Боже Господи!.. сказалъ Іоаннъ, и снова обезпамятѣлъ. Косой поспѣшно кликнулъ спражу; прибѣжали воины, и взяли Іоанна. »Несите его прямо ко мнѣ, въ мои палаты!« говорилъ Косой, и остановился по срединѣ комнаты, какъ будто громомъ оглушенный; когда поспѣшно унесли Боярина Іоанна.

Юрій и Шемяка оцѣпенѣли, и не могли во все это время ни пошевелишься, ни вымолвить слова. Особенно ужасъ и страхъ начертаны были на лицѣ Юрія. Съ торжествомъ смотрѣлъ на гибельное состояніе врага своего Морозовъ. Бремя тяжкое спадало съ груди его — умолкалъ языкъ, спрашившій Морозова,

запмѣвался умъ, передъ которымъ
препечалъ онъ. Взоръ его прояснѣлъ.
Люди! вы не стыдитесь подобныхъ
взоровъ. . . .

— Боже Великій! прости грѣхи
его, и укрѣпи меня въ благихъ мо-
ихъ намѣреніяхъ! — сказалъ на-
онецъ Юрій, перекрестившись.

»Нѣтъ!« воскликнулъ тогда Ко-
сой, съ яростию, »онъ еще не умеръ,
и не умретъ никогда во мнѣ! Госу-
дарь родителъ! прости меня — но
я дерзаю возстасть противъ твоихъ
велѣній — для собственнѣйшей твоей
пользы дерзаю говорить: *Морозовъ*
измѣнникъ — совѣты его пагубны!»

— Умолкни, Василій! если еще не
казнишься ты примѣромъ Іоанна, я
повелѣваю тебѣ. —

»Нѣтъ, Государь! Онъ гибнетъ
отъ вѣрности и усердія къ тебѣ —
онъ не могъ перенести ужаса буду-

щей судьбы твоей, судьбы нашей — онъ, скипалецъ, продавшій тебѣ всю душу, всю кровь, весь умъ! Ты погибнешь, измѣнникъ! Одно уваженіе къ отцу моему спасаетъ тебя въ сію минуту отъ гнѣва моего!»

— Дерзаешь-ли мнѣ пропивитъ-ся? — воскликнулъ Юрій.

»Ты мѣняешь дѣшей своихъ на презрѣннаго раба!» сказалъ тогда вспыльчиво Шемяка, оскорбленный унизительнымъ положеніемъ брата, и поржесствомъ Морозова. — Онъ обратился къ этому любимцу отца своего, и грозно воскликнулъ: «Сенька Морозовъ! прочитай свою отходную: или тебѣ, или мнѣ не жить!»

— Дѣши непокорные! — вскричалъ Юрій — вамъ-ли отдамъ я послѣ себя судьбу земель Русскихъ? Проклятіе на томъ семействѣ, въ которомъ сынъ не препещетъ воли отца! —

»Государь. . .«

— Остановишесь — продолжалъ Юрій, въ запальчивости — если руки ваши прикоснутся къ Морозову, или вы осмѣлишесь пропивишесь моей волѣ, то будьте вы. . .

»О родитель! остановись, остановись! Не предавайся гнѣву, не доканчивай спрашныхъ словъ твоихъ!« сказалъ Димитрій Красный, поспѣшно входя въ комнату, и обнявъ колѣна отца своего.

— Сыиъ мой, сыиъ мой! что ты дѣлаешь, праведная душа! — сказалъ распроганный Юрій, поднимая Димитрія.

Тутъ поспѣшно вошелъ Романъ, и обратился къ Косому. »Бояринъ Іоаннъ зоветь тебя къ себѣ, Князь — просишь идти поскорѣе!«

— Онъ живъ еще! — вскричалъ Косой.

»Живъ, и велѣлъ сказать, что вручить тебѣ важныя бумаги и граматы, что къ нему доставлено сей часъ извѣстное тебѣ письмо отъ Гудочника. Только, ради Христа, просишь поспѣшить. . .«

— Отъ Гудочника! — воскликнулъ Косой, радостно и быстро взглянувъ на Морозова — понимаешь - ли ты, измѣнникъ? —

Онъ поспѣшно вышелъ, не замѣтивъ, что при имени Гудочника смертная блѣдность покрыла лицо Морозова. Шемяка поспѣшилъ за братомъ.

»О Боже Всесильный! не благословилъ Ты меня!« сказалъ Юрій, смотря въ слѣдъ двухъ сыновей своихъ. Онъ закрылъ глаза рукою, и заплакалъ. »Суешные чловѣки! собираемъ, и не вѣдаемъ кому собираемъ...« говорилъ онъ.

— Гдѣ - же теперь Бояринъ Іоаннъ ? — спрашивалъ Косой , поспѣшно идя съ Романомъ.

»Онъ въ большихъ Княжескихъ сѣняхъ ,« отвѣчалъ Романъ. »Далѣе не могли его донести.«

Косой и Шемяка вступили въ эту обширную палату, первую подлѣ Краснаго Крыльца ; на дорогѣ встрѣшилось имъ нѣсколько Бояръ и сановниковъ , бывшихъ въ сомнѣніи и недоумѣніи. Но въ самыхъ сѣняхъ никого не было, кромѣ начальника дружины , находившагося тогда на стражѣ, нѣсколькихъ воиновъ, принесшихъ Іоанна, Лѣкаря Армянина , котораго наскоро позвали къ больному , и Гудочника. Бояринъ Іоаннъ, полураздѣтый, сидѣлъ на широкой скамѣ , поддерживаемый двумя воинами — Боярское , золотое плащье его было окровавлено — лицо блѣдно, какъ полошно — голова

склонилась на плечо. Кое-какъ успѣли прекратить кровотеченіе, но — видно было, что Іоаннъ не жилецъ земли.

Гудочникъ смотрѣлъ на него съ гореспью, помогаль Лѣкарю, приготавливавшему какія-то пособія.

— Чпо? Каковъ онъ? — спросилъ тихо Косой. — Лѣкаръ пожалъ плечами, и отвѣчалъ шопотомъ: »Нѣтъ никакой надежды!« Косой, съ опчаяніемъ, сжалъ кулаки, и возвелъ дикіе взоры къ небу.

Іоаннъ открылъ глаза свои, уже помутившіеся и помертвѣлые. »Скороти Священникъ?« спросилъ онъ тихо. Тупъ вспрѣпился взоръ его со взоромъ Косого. »Ты-ли это, Князь Василій Юрьевичъ?« спросилъ Іоаннъ.

— Я, Бояринъ — отвѣчалъ Косой.

»При дверяхъ гроба, скажу тебѣ, что я желаль вамъ добра. Когда мо-

гила опворена, люди не лгуть — О Боже! прости грѣхи мои! — Князь! у Гудочника письмо Морозова къ Василью. Гудочникъ переносилъ ихъ граматы. Ради Бога — сбереги этого старика — онъ, только онъ одинъ твоя помощь — и никто больше!»

— Но ты мнѣ говорилъ о немъ...

»Я слишкомъ надѣялся на себя — тебѣ этого нельзя — и мнѣ не должно было! Онъ, только онъ спасетъ тебя... я былъ несправедливъ прошивъ него — исполни то, чего онъ пребудетъ, и онъ будетъ вѣренъ... Тамъ, у меня, въ большомъ сундукѣ — вотъ тутъ ключъ — бумаги... возьми ихъ... О Боже!..« — кровь опять хлынула изъ него. »Горе, горе!« бормоталъ Іоаннъ — »Священника, Священника! Миръ, миръ съ Богомъ — помилуй меня, Милосердый Отецъ!...«

Священникъ явился съ запасными Дарами, но не могъ пріобщить Іоанна Св. Тайнъ, потому, что кровь не переставала течь. Прочитали надъ нимъ молишвы покаянія, и глухою исповѣдью Священникъ очистилъ грѣшника отъ тяжести грѣховъ. Еще разъ опамятовался Іоаннъ, глядѣлъ на Косаго, уже неподвижными глазами, и пробормоталъ: »Жена и дочь моя — тебѣ ихъ поручаю — онъ въ Новгородъ . . . Господи! вѣрую — помози моему невѣрію! . . .«

Его не спало. — Безмолвно стояли вокругъ него Косой, Шемяка, Гудочникъ, Романъ, Священникъ. Слезы крупными каплями текли по угрюмому лицу Косаго. Онъ не чувствовалъ ихъ. И эта горестъ человека, никогда не умилявшагося, никогда не плакавшаго, была поразительнѣе всякихъ воплей.

»Чувствую, чего лишился я съ тобою, чувствую, что съ тобою много я потерялъ!« говорилъ Косой.

— Великій умъ государственный, великій мужъ совѣта — сказалъ Гудочникъ, смотря на бездыханный трупъ Іоанна — и горе тебѣ, что ты болѣе вѣрилъ уму людей, а не сердцу, не душѣ ихъ! —

»Велише немедленно отвезти тѣло въ домъ его« — сказалъ Косой. »Честъ праху его будетъ воздана великая.« — Онъ самъ задернулъ тѣло Іоанна его окровавленнымъ Боярскимъ одѣяніемъ, и отвелъ Гудочника въ спорону. »Старикъ!« сказалъ онъ, »забудемъ все, что было. Опнынъ ты видишь во мнѣ своего покровителя. Говори мнѣ смѣло, говори все! Чего тебѣ надобно? Денегъ? Почестей?«

»Ничего, Князь Василій Юрьевичъ! Позволь мнѣ объяснить, сегодня вечеромъ, наединѣ, чего хочу я. И вотъ тебѣ первая моя услуга! Онъ подалъ ему свертокъ: это было письмо Морозова къ Василью Васильевичу, въ которомъ Бояринъ обѣщаль быть ему вѣрнымъ и послушнымъ его слугою. — Смотри, братъ! — вскричалъ Косой, пробѣжавъ письмо, и отдавая его Шемякѣ. — Измѣнникъ, клятвонарушитель, предатель! За чѣмъ письмо это не было раньше въ рукахъ моихъ! — Шемяка прочиталъ письмо, и не могъ опомниться отъ изумленія.

Въ это время поспѣшно вошелъ Димитрій Красный, и съ нимъ Морозовъ. Дикій, глухой крикъ вырвался изъ груди Косого, когда онъ увидѣлъ Морозова.

— За чѣмъ явился сюда этотъ клеветникъ, клятвопреступникъ? —

вскричалъ Косой. — Пришель-ли онъ ругаться надъ трупомъ друга моего, и радоваться моей скорби? —

«Братъ любезный!» сказалъ Красный, «я пришелъ молишь тебя, ради имени самого Создателя, умѣришь гнѣвъ твой, и послушаешься велѣній отца! Едва умилосердилъ я его не предавать тебя проклятію — такъ разгнѣванъ онъ на тебя! Послушай словъ моихъ. . .»

— Проклятіе его ничтожно, если изрѣчено несправедливо! — вскричалъ Косой. — Но, чего онъ хочетъ? —

«Въ знакъ смиренія твоего, отдай мечъ твой Боярину Морозову — онъ избранъ отъ родителей нашего первымъ Бояриномъ Великокняжескимъ. Послѣ сего, ты долженъ отправиться во дворъ свой, и ждать опцовскаго рѣшенія.»

— Скажи старику, отцу нашему, что онъ помѣшался на старомъ,

спи лѣтъ! — заревѣлъ Косой, въ совершенномъ неистовствѣ. — Я покорюсь Морозову? Тебѣ? — продолжалъ онъ, подбѣгая къ нему — Тебѣ? —

»Князь Василій Юрьевичъ! повинуйся волѣ отца своего!«

— Несчастный! — вскричалъ Шемяка — удались, удались скорѣе!

»Не заставляйте меня призвать спражу!« сказалъ Морозовъ. »Воля родителея вашего священна.«

— А это что? — возразилъ Косой, показывая ему письмо — а это что? — продолжалъ онъ, ударивъ Морозова по лбу, такъ сильно, что тотъ зашатался.

»Братъ, братъ!« закричалъ Красный, »что ты дѣлаешь!«

— Дружина! — возгласилъ Морозовъ.

»Прежде духъ изъ тебя вышибу я вонъ, нежели ты успѣешь призвать дружину!» вскричалъ Косой, бросаясь на Морозова. Будучи силенъ, Морозовъ ухватилъ его за руку, и Косой едва не споткнулся и не упалъ. Губы его посинѣли отъ ярости. Какъ безумный, онъ схватилъ Морозова за горло, повернулъ изъ всѣхъ силъ, и неистово ударилъ о полъ.

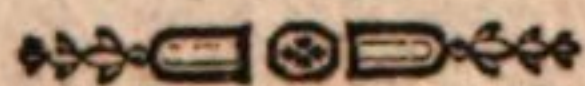
Шемяка бросился къ нимъ. Морозовъ лежалъ неподвиженъ: онъ ударился вискомъ; кровь бѣжала у него изъ лопнувшей жилы; смертныя судороги кривили его тѣло. Косой стоялъ и смотрѣлъ на него, какъ будто въ забвеніи самаго себя, и черезъ минуту лицо Морозова посинѣло и почернѣло.

— Онъ умеръ! — вскричалъ Шемяка, прикладывая къ сердцу его руку — онъ уже холодѣетъ? — и въ

препелѣ опскочилъ Шемяка опъ охолодѣлаго трупѧ.

»Я убилъ его!« сказалъ Косой, глухимъ голосомъ, и мрачно повелъ рукою по лбу. Не говоря болѣе ни слова, онъ пошелъ поспѣшно вонъ. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, поспѣшилъ за нимъ Шемяка.

Здѣсь, въ одной комнаѣ, лежали два взаимные врага, два первые совѣтника Юрія. Димитрій Красный не могъ выговорить ни слова. Съ ужасомъ глядѣлъ онъ на трупы Бояръ, и сжималъ руки въ судорожномъ движеніи. Гудочникъ безмолствовалъ. Другіе также спояли безмолвны и неподвижны. Казалось, каждому раскрылась тогда таинственная книга судебъ будущаго, и каждый, читая кровавыя буквы еѧ, окаменѣлъ, и не могъ промолвить ни одного слова.

Г Л А В А IV.

Мнѣ-ль было управляшь стропшивы-
ми конями,
И круто напругаешь безсильныя браз-
ды?

А. Пушкинъ.

*Скоро сказка сказывается, а не
скоро дѣло дѣлается — говоришь спа-
ринная Русская пословица. Между
тѣмъ, какъ повѣствованіе лепишь
на крыльяхъ, событія влекутся на
свинцовомъ костылѣ. Не всякая пѣс-
ня до конца допѣвается — есть еще
Русская пословица; мы перевернемъ
ее по своему, и скажемъ: не все вы-
сказывается въ были и въ повѣсти,
что въ самомъ дѣлѣ было. Прошло
нѣсколько мѣсяцевъ послѣ гибели
Морозова и смерти Іоанна. Что про-
исходило въ сіи мѣсяцы? Разсказы-*

вапъ-ли? Нѣтъ! лучше снимемъ съ полки нѣсколько Хронографовъ и Лѣтописей, и послушаемъ разсказа нашихъ стариковъ. Можетъ быть, многимъ чипапеламъ нашимъ неизвѣстно даже, какъ и что разсказывали наши предки? Развертываемъ *записки современниковъ*, и читаемъ:

»Лѣта 6941-го, сѣлъ на Великомъ Княженіи, въ Москвѣ, Князь Юрій Димитріевичъ. А бывшій Князь Василій, со слезами и съ плачемъ многимъ, добилъ челомъ дядѣ своему, черезъ любовника его, и Боярина, Семена Морозова, ибо сей Семень былъ въ великой ладѣ, и въ любви у Великаго Князя Юрія Димитріевича. И сей Семень, многомощный у Великаго Князя, испечаловалъ Василію миръ, любовь, и удѣлъ, городъ Коломну. И отселѣ началось Княженіе Великаго Князя Юрія Димитріевича, его-же Господь на благоденствіе людямъ по-

спавиль, и невидимое Своею помощію оградиль. И объ этомъ радовались всѣ Московскіе люди. И Князья окрестные прислали къ нему съ поклономъ, мира и любви прося. И онъ, Великій Князь, далъ всѣмъ миръ и любовь. И въ церкви многіе дары вдалъ, и въ обители Святыя. И въ обитель Преподобнаго Сергія многіе вклады, и селы, и дары вдалъ.

»Въ по-же время, въ Новѣгородѣ былъ большой пожаръ: погорѣли Загородскій конецъ, и Людинъ конецъ, до Лукиной улицы.

»Въ по-же время, въ Смоленскѣ появился волкъ, безшерстный, и людей много поѣлъ; а въ Липвѣ, въ городѣ Трокахъ, озеро, называемое: *Жидовское*, при дня спояло кроваво.

»О томъ-же продолжимъ, какъ мы выше сего сказали, что Семень Морозовъ испечаловалъ Василью Васильевичу удѣлъ Коломну. Бояринъ-

же Иванъ Димитріевичъ сильно вознегодовалъ о семъ, и не любо ему было такое дѣло, что не только Василью простѣню Великій Князь пожаловалъ, но еще и удѣлъ далъ. Но не только сей Иванъ о томъ вознегодовалъ, но и другіе многіе, и два сына Великаго Князя, Василій, да Димитрій средній. И видѣвъ злобу сію, Бояринъ Морозовъ убоялся, и тѣ два сына Князя Великаго, Василій, да Димитрій, воспалились яростію, и побуждаемые издревле чело-вѣконенавидцемъ Діаволомъ, нелюбящимъ брапскія любви, пришли къ опцу своему, и много вопіяли, и негодовали. И Бояринъ Иванъ съ ними былъ. И опполъ вышедъ, убили они Боярина Семена Морозова, въ набережныхъ сѣняхъ, говоря ему: »Ты злодѣй, крамольникъ, и намъ лихо-дѣй!« — Князь-же Великій, свѣдавъ о томъ, печаленъ былъ, и злобѣ сыновей не попустилъ. Но бывъ умо-

ленъ юнѣйшимъ сыномъ своимъ, не облекъ ихъ проклятіемъ, за то кровавое и богомерзкое дѣло, но возложилъ только гнѣвъ на нихъ, старѣйшихъ своихъ сыновъ. И они, Князья Василій и Димитрій, какъ Каинъ братоубійца, боясь гнѣва опцовскаго, изъ Москвы бѣжали. И не хоща покориться волѣ опца, начали собирать войско, думая Василія изъ Коломны изгнать. Боярина-же Морозова повелѣлъ Великій Князь схоронить честно, и со многими слезами гробъ его провожалъ. Послѣ сего сотворилъ Князь пиръ великій, отпуская братанича своего Василья на Коломну. И по семъ пошелъ онъ въ Троицкій монастырь, и много молился у мощей преподобнаго Сергія. За молитвы Князя благоденствуетъ народъ.

»Въ то-же время, въ Новѣгородѣ, Владыка Евфимій поставилъ у себя на дворѣ Владычнюю палату, ка-

менную, весьма изрядную. Дверей въ ней было тридцать, а мастера дѣлали ее Нѣмецкіе, изъ-заморья, вмѣстѣ съ Новгородскими мастерами.

»Тогда-же чудо было во Псковѣ: явились столбы на небѣ, весьма спрашны, сіяющіе, какъ молніи, но мало побыли, и исчезли. Молишвами Святыхъ Твоихъ, Господи! спаси насъ!

»А мѣсяца Іюня 29-го, на праздникъ Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, былъ споль у Великаго Князя. Ёли у него Бояре и духовныя власти, въ его споловой избѣ. У спола споялъ Крайчей Князь Шелешпанскій; въ Большой споль смотрѣлъ Бояринъ Ощера, а въ Кривой споль Бояринъ Запычка-Булаповъ, а вина наряжалъ Хованскій - Сумка.

»Мѣсяца Августа въ 1-й день, на праздникъ Происхожденія древъ Честнаго и Животворящаго Креста Го-

сподня, былъ Государь, Князь Великій, въ Симоновой обитпели, и у Князя Константина Димитріевича былъ, коему Господь благуу мысль вложилъ принятъ иноческій чинъ. И бесѣдовалъ Великій Князь любезно, съ Настоятелемъ, и съ братією, и съ Княземъ Константиномъ. И по семъ былъ у Великаго Князя Посоль Литовскій. Великій Князь принималъ его въ Золотой Палащъ, и Бояре его были въ золотъ, и въ черныхъ шапкахъ.

»Того-же лѣта сотворилъ Богъ чудо великое, и неправедному стяжанію положилъ конецъ, за молишвы православныхъ, и возспавилъ на Великое Княженіе добрую отпрасль добраго корени, Великаго Князя Василья Васильевича. Сей Князь, бывши на Коломнѣ, въ удѣлъ неправеднаго дяди Юрія, началъ звать къ себѣ людей отъвсюду. И всѣ пошли

къ нему, какъ пчелы къ мапкѣ, въ-
дая его благосерда и законна. Ви-
дѣвъ-же Князь Юрій, что непрочно
ему Великое Княженіе, Москву оспа-
вилъ, и ушекъ во свояси, въ Звени-
городъ, пославъ къ Великому Князю,
моля у него любви и мира, и до-
билъ ему челомъ. Милосердовавъ-же
о немъ Великій Князь Василій Ва-
сильевичъ, не погубилъ его до кон-
ца, далъ ему миръ и любовь, и удѣлъ
его Юрія, Звенигородъ, за нимъ оспа-
вилъ. И о семъ было крестное цѣ-
лованіе, чтобы Юрію съ мяшежными
сынами его, Княземъ Васильемъ, да
Княземъ Димитріемъ среднимъ, за од-
но не бысть. На томъ поставили грама-
ту, и городъ Дмитровъ Великій Князь
у дяди своего Юрья, помощію Божі-
ею, взялъ. И опселъ началось Вели-
кое Княженіе Василья Васильевича,
благословеннаго внука Димитрія Дон-
скаго. Порадовались сему всѣ люди
Москвы, и народы другихъ спранъ.

И пиръ великій сотворилъ Великій Князь, и дары многіе вдалъ въ обители Святыя, и въ церкви, и духовный чинъ, и нищую братію кормилъ. Величія своего смиряся, меньшій всѣхъ казался сей благословенный, Великій Князь Василій Васильевичъ.

»Тогда-же былъ мятежъ великій въ Греческой землѣ, а въ Новѣгородѣ начали новую колокольню спроститъ у Спаса Нерукотвореннаго.

»Въ сіе-же время, услышавъ Великій Князь Василій Васильевичъ, что крамольные сыновья дяди его Юрія многую дружину собрали, послалъ на нихъ свои дружины Московскія, и Воеводъ и Князей, съ главнымъ Воеводою Юріемъ Паприкеевичемъ, и повелѣлъ ему тѣхъ Князей, Василья, да Димитрія, изгнать, и самихъ добыть. . . .»

Остановимся здѣсь. — Люблю читать эти обломки вѣковъ, пережи-

вающіе всѣ спраси, всѣ отношенія людскія, эпі лѣтописи и хладныя хартіи, гдѣ сохраняется мгновенно пролетающій, измѣнчивый говоръ современниковъ! Да, также хладнокровный лѣтописатель передастъ память и о *нашихъ* временахъ, теперъ кипящихъ бѣшенствомъ спрасей, и возмущаемыхъ кликами толпы; также совѣстъ онъ событія мѣсяцевъ и лѣтъ въ нѣсколько буквъ, которыя покроетъ пыль, забудутъ попомки, и только пытлиное любопытство дѣписателя будетъ стараться облечь въ живые, свѣтлые образы жизни! Но щепно будетъ его стараніе, когда строгаѧ Истина будетъ спорожить каждое слово его, а вѣка передадутъ *безотчетный* рассказъ давно минувшаго! Только ты, огонь воображенія, только ты, Поэзія, неугасимый свѣтильникъ истины сердца! можешь обновить передъ нами жизнь минувшую, въ полномъ цвѣтѣ еѧ,

можешь облечь силою сухія кости,
вложить спраспи въ исплѣвшія сердца,
заспавишь ихъ биться опъ давно-исплѣвшею крови!

Спраннымъ спеченіемъ обспоя-
пельспвъ, не проведя и полугода въ
Москвѣ, Юрій снова былъ въ своемъ
Звенигородѣ, униженный торжест-
вомъ племянника. Василій снова си-
дѣлъ на Великомъ Княженіи. Дѣла со-
вершились споль быспро, что Васи-
лій пріѣхалъ въ Москву, и заспалъ въ
ней все такъ, какъ будто Юрій ни-
когда и не княжилъ въ ней, и какъ
будто Василій съѣздилъ куда нибудь
въ дальнее богомолье, на Бѣло - озе-
ро, или въ Колязинскій монастырь.
»Здравствуй, добрый мой Бояринъ!
говоришь онъ, встрѣчаясь съ кѣмъ
нибудь изъ Бояръ, не успѣвшихъ вы-
ѣхать къ нему на встрѣчу, когда
онъ возвращался изъ Коломны въ
Москву. — Батюшка, Государь, Князь

Василій! — кричалъ Бояринъ, цѣлуя руку Василія. — »Что давно не видашь тебя, Бояринъ!« продолжалъ Василій, улыбаясь. — Охъ! батюшка, Князь нашъ Великій! да сполько было хлопотъ. . . . »И мнѣ немало« — прибавлялъ Василій. Бояринъ снова цѣловалъ ручку Великаго Князя, и разговоръ прекращался, такъ, какъ будто-бы Бояринъ прідня только не являлся въ Кремль, передъ свѣплыя очи Великокняжескія.

Впрочемъ, такой пріемъ видѣли Бояре, какъ мы сказали, не встрѣпившіе Василія, но ихъ было немного. Почти всѣ приняты были Василіемъ ласковѣе, потому, что почти всѣ отправлялись къ нему на встрѣчу въ Коломну. Удивительное было зрѣлище! За три дня до выѣзда Юрія, Кремлевскій Дворецъ совершенно опустѣлъ. Всѣ дворскіе люди его, какъ будто истреблены бы-

ли какою нибудь поварьною болѣз-
нію. Ни одинъ изъ Пословъ Княже-
скихъ къ нему уже не являлся. Мо-
сква была пиха. Но каждый Моск-
вичъ, встрѣчаясь съ другимъ, спра-
шивалъ: »Кто у насъ *Великій Князь*?« —
Ужасъ гибели Морозова и смерти
Іоанна окаменилъ всѣ сердца. Раз-
сказывали объ этомъ шопопомъ,
попихоньку. Никто не бунтовалъ,
не своевольничалъ. Никто изъ Бояръ
не рѣшался и приступить къ ка-
кимъ нибудь дѣйствіямъ, въ доказа-
тельство ревности своей къ Юрію,
или Василію. Никто еще и не говорилъ
о Василіѣ. Воины не знали, что имъ
дѣлать. Косой и Шемяка уѣхали изъ
Москвы, въ ночь послѣ смерти Іоан-
на. Долго не знали куда отправи-
лись они, гдѣ находятся, и что хо-
тятъ предпринять. Въ то-же время
носились глухіе слухи, что Василій
уѣхалъ изъ Коломны, что съ нимъ
соединились безчисленныя дружины

Русскія и Татарскія, и что онъ, въ грозной силѣ, вскорѣ явился передъ Москвою. Москва уныла. Собраній Княжеской Думы болѣе не было видно. Юрій сидѣлъ въ своемъ Дворцѣ, запершись съ Димитріемъ Краснымъ, и съ духовникомъ.

Въ одно утро Москва была изумлена звономъ колоколовъ въ Кремль. Къ Красному Крыльцу подѣхали возки, верховыя лошади, и собралась Звенигородская дружина. Повѣспки о сборѣ Московской дружины не объявляли. Толпа любопытныхъ сбѣжалась въ Кремль, и увидѣла, что Юрій, съ Димитріемъ Краснымъ, вышли, отправились въ Успенскій Соборъ, со слезами отслужили молебенъ у гроба Свящителя Пепра Митрополита, поклонились попомъ гробамъ отцовъ въ Архангельскомъ Соборѣ, и поѣхали изъ Москвы. Успенскій Протоіерей проводилъ ихъ благословені-

емъ Св. Креста Господня. Юрій Пап-
рикеевичъ взошелъ послѣ того на
Красное Крыльцо, и объявилъ наро-
ду, что *Божіимъ благословеніемъ, Ве-*
ликимъ Княземъ Московскимъ будетъ от-
нынѣ Василій Васильевичъ.

Въ молчаніи разошелся народъ
изъ Кремля. Такое невиданное допо-
лѣ зрѣлище, такое неожиданное слѣд-
ствіе, послѣ смятеній и битвъ, пред-
шествовавшихъ воцаренію Юрія, про-
извели неописанное дѣйствіе на умы
Москвитянъ.

Но къ вечеру, Москва зашевели-
лась. Народъ сполпился на улицахъ
и площадяхъ; слухи о прибытіи Ва-
силія усиливались. »Онъ погубитъ
насъ за вѣроломство!« говорили од-
ни. — За что губитъ насъ? Не мы
бунтовали, а Юрьевцы — говорили
другіе. — »Понесемъ ему повинныя
наши головы!« былъ наконецъ общій
говоръ народа.

На другой день, толпы народа кинулись по Коломенской дорогѣ. Съ утра заблаговѣспили во всей Москвѣ, и Духовенство спало у церквей, въ полномъ облаченіи, для встрѣчи Василія. Онъ появился къ полудню. За нимъ и передъ нимъ, ѣхали Бояре, шелъ народъ толпами. Дружинъ воинскихъ почти не было видно. Юрій Паприкеевичъ встрѣпилъ Василія у Кремля, какъ хозяинъ, съ хлѣбомъ и солью. Народъ ждалъ, что́ будетъ, и ничего новаго не дождался. Прочитаны были только на площадяхъ повѣстки, что Великій Князь учинилъ миръ и исправу съ дядею своимъ, Княземъ Юріемъ, и какіе Юрій, сидя въ Москвѣ, учинилъ суды, пересуда не будетъ, а у кого Князь Юрій бралъ въ займы, тѣ займы выполнитъ Великій Князь. Трепъ Юрія въ Москвѣ оспалась за нимъ.

Но Бояре вскорѣ увидѣли, что Василій во многомъ измѣнился. Крап-

кій, но шяжкій опытъ сдѣлалъ его мрачнѣе, угрюмѣе, недовѣрчивѣе прежняго. Онъ не измѣнялся, ни въ наружной ласкѣ, ни въ привѣтливости. Но совершенно измѣнился онъ въ совѣтѣ и расположеніи душевномъ. Думы Бояръ не собиралъ онъ болѣе, и только Ряполовскіе, Басенокъ, Василій Ярославичъ, и Юрій Паприкеевичъ, составили его тайную Думу. Софья Вишовповна не выходила изъ своихъ теремовъ. Никто не зналъ, ни при Дворѣ, ни въ городѣ, что хочетъ предпринять Василій. Видѣли, что онъ собираетъ сильныя дружины, что Басенокъ и Ряполовскіе устроиваютъ ихъ. Но назначенія ихъ никто не зналъ. Юрій спокойно сидѣлъ въ Звенигородѣ своемъ. О Косомъ и Шемякѣ ничего достовернаго не было слышно. Всѣ окрестныя Князья пребывали мирны, хотя не присылали Пословъ, не являлись и сами въ Москву. О Литвѣ и Ордѣ

слуху не было. »Куда пойдѣмъ мы?« спрашивалъ рапникъ у своего товарища. — Куда веляшъ! — отвѣчалъ попъ.

Наконецъ, въ одинъ воскресный день, вѣрно было собраться всѣмъ дружинамъ на Дѣвичье Поле, и все поле это покрылось толпами вооруженныхъ воиновъ. Давно уже не видала Москва столь блестящаго воинскаго сборища. Оно напомнило спарикамъ времена Куликовской битвы. Казалось, что толпы воиновъ дѣлали Василія величественнѣе и мудрѣе въ глазахъ народа. »Нѣтъ! не таковъ онъ былъ, нашъ бапюшка, пока горя не испытывалъ отъ Юрьевичей!« говорилъ народъ, когда увидѣлъ Василія, верхомъ, передъ дружинами. »Какъ онъ получшѣлъ, какъ онъ подороднѣлъ!« говорили зрители, хотя видѣли передъ собою прежняго, невиднаго, худощаваго Василія.

Опслужили молебень, окропили хоругви и воиновъ Святою водою, и дружины, однѣ заняли Москву крѣпкою стражею, обставя караулами Кремль и весь городъ, другія выступили по Владимірской дорогѣ. Василій возвратился въ Кремль, и велѣлъ готовиться въ дорогу. Дружина, отправленная въ походъ, находилась подъ начальствомъ Басенка, и надъ нимъ Юрія Паприкеевича, какъ будто имя *старого Боярина*, хотя извѣснаго склонностію къ миру, надобно было для послушанія воиновъ и вождей. Блестяща и многочисленна была Московская дружина. Но, кромѣ главныхъ вождей, все еще никто не зналъ, куда идетъ она. Изъ Владиміра вдругъ повернуло войско на Суздаль, на Юрьевецъ-Повольскій. Здѣсь объявили воинамъ, что идутъ на мятежныхъ Князей, Василія Косаго и Димитрія Шемяку; велѣно было сражаться съ дружи-

нами сихъ Князей , гдѣ ихъ встрѣ-
пашъ , били ихъ , спарашся до-
спашъ самихъ Князей-мяпежниковъ ,
живыхъ или мерпвыхъ. Войско Мо-
сковское распянулось на обширное
пространство. Дальній , трудный
походъ упомилъ его , особливо когда
дружины вступили въ лѣсистыя ,
болотистыя мѣста сѣверныя. Тогда
начали появляться опряды Косаго
и Шемяки , малые , легкіе. Ихъ пре-
слѣдовали , били , брали въ полонъ , и
полоняники объявляли Воеводамъ
Московскимъ , что нигдѣ нѣтъ боль-
шаго сборища воиновъ Косаго и Ше-
мяки. Услышавъ , что сіи Князья
укрѣпили Галичъ , Москвичи быстро
кинулись туда , но нашли Галичъ
оставленнымъ. Шемяка , занимавшій
его , бросился къ югу , и , казалось ,
хотѣлъ прибѣгнуться на Волгу. Поспѣш-
но погнались за нимъ. Съ другой
стороны , отъ Костромы , отдѣльные
опряды гнали Василія Косаго , не

дерзавшаго оспановишьяся, и сражающьяся съ ними.

Непонятную войну вели эти Князья. Извѣстно было, что у нихъ только малыя, разсѣянныя дружины, и видно было, что они не смѣли нигдѣ стаать пропивъ Москвичей. Но едва опспаваль опъ другихъ опрядъ Московскій, дружины Косаго и Шемяки брались, Богъ знаетъ опкуда, неиспово нападали, и испребляли сей опрядъ. Попомъ опять все разсыпалось и бѣжало опъ соединенныхъ силъ Московскихъ Воеводъ.

Наконецъ, очиспивъ Галичъ, Коспрому и всѣ сѣверныя обласпи, на берегахъ Куси, собралось войско Московское, и ярко запылали огни въ обширномъ его таборѣ. Воеводы положили дасть опдыхъ своимъ воинамъ.

Въ это время, изъ-за темнаго бора, съ закрышой горы, какъ два

хищные коршуна, смотрѣли на нихъ Косой и Шемяка. »Теперь, или никогда, братъ !« сказалъ Косой Шемякъ, который внимательно обгладывалъ расположеніе Московскаго спана. — Да! теперь или никогда! — отвѣчалъ Шемяка. — Рускому не въ привычку бѣгать. Еще двѣ недѣли медленія, и войны наши сами собою разойдутся? Мы измѣряли довольно областей шагами нашими. Пора помѣряться мечами! —

»И помѣрять ими, или Великое Княжество Московское, или гробъ нашъ !« отвѣчалъ Косой.

— Гробъ вымѣрянъ — при аршина, для самаго взрослого человѣка — сказалъ Шемяка, улыбаясь. — А желаніямъ человѣческимъ мѣры нѣтъ! Не уже-ли, сидя въ Галицкихъ болопахъ, ты все еще видишь отсюда, братъ, золотой престолъ Московскій? —

»Не уже - ли не видя его вдали, ты сражаешься?«

— Да, и буду сражаться. Своей судьбѣ кто владыка? Я не опсшавалъ опъ тебя съ самой Москвы, не опсшану и теперь. —

»Вижу любовь твою ко мнѣ, добрый братъ мой! Ты не оставилъ меня въ горѣ и бѣдѣ!«

— Я не оставилъ-бы и врага моего. Но, признаюсь, не знаю, что хочешь ты предпринять послѣ сего? Если мы падемъ въ бою — спрашивать нѣчего; но если мы выиграемъ бой — чудное дѣло! Я не знаю, куда дѣнемся мы съ нашею побѣдою! —

»Въ Москву, въ Москву!«

— Слушать поученія опца, о томъ, что напрасно побили мы рапъ Василія, и что онъ не хочетъ сѣсть на престолъ Московскомъ? Развѣ кинемъ тогда жеребій: кому, изъ чужихъ;

выпадетъ эта дорогая попѣха, Великокняжескій престоль? —

»Нѣтъ! я не показывалъ еще тебѣ граматы опцовской, по которой онъ готовъ снова сѣсть на Великокняженіе, если только кто нибудь возьмется загрести жаръ не его руками. . . .«

— Грамапа? я не видалъ ее! —

»И нѣкогда было тебѣ видѣть. Пойдемъ! Я покажу тебѣ и другія, опѣ Тверскаго, Можайскаго и Верейскаго Князей.«

Князья сошли съ горы, и пропали въ чащѣ лѣса. — Въ это время, въ Московскомъ станѣ безпечно сидѣли воины, вокругъ кашеварныхъ копловъ, размачивали сухари и ѣли, пока сварится каша, пили не-купленный медъ и даровую брагу, и думали уснуть, такъ, какъ давно не сыпали. Да, въ самомъ дѣлѣ:

многимъ суждено было уснуть на-
вѣки. . . .

Храбрый, смѣлый, но горячій и
неопытный, Басенокъ неспособенъ
былъ къ войнѣ такого рода, какую
принудили Москвичей вести Косой и
Шемяка. Съ чистаго боя, мечъ на
мечъ, или, какъ говаривали наши спа-
рики — око за око и зубъ за зубъ —
Басенокъ былъ непобѣдимъ. Но не
его дѣло было хитрить въ бою, раз-
считывать сто мѣстъ вдругъ, чпо-
бы выгадать одно, и съ этого вы-
гаданнаго — опсупить для вѣр-
ной побѣды на сто первомъ; ку-
паться самому въ болотѣ, чпобы
утопить врага, и подсперегать цѣ-
лые дни непріятеля, какъ охотникъ
спережетъ дикую утку. При томъ-
же, Басенокъ былъ связанъ другими
начальниками, и хоща приказывалъ
имъ дѣлать все, что ему было угод-
но, черезъ Юрія Паприкеевича, ко-

порый данъ былъ ему вмѣсто полномочной граматы, но безпрестанно встрѣчалъ онъ препятствія и неудовольствія, и все дѣлалось не съ доброй воли, но по наказу и приказу, нѣ-хотя.

»Видишь, Воевода: теперъ слава Богу, мы безопасны!» сказалъ Басенку Юрій Паприкеевичъ, когда пошъ прочиталъ увѣдомленіе, полученное отъ Василія, о томъ, что Василій выступилъ наконецъ изъ Москвы, съ новыми дружинами, и пойдетъ съ другой стороны на Косаго и Шемяку, увѣдомясь отъ Басенка, что они, соединясь, опскупають отъ Галича и Коспромы, по направленію къ устью рѣки Унжи.

— Только безопасны? — опвѣчалъ Басенокъ. — Я, признаюсь, и не видалъ донынѣ опасности отъ врага, копорый бѣжитъ, словно, заяць. Чпо это за война, Лукавый побери ее! —

»Наше мѣсто свято!« воскликнулъ Юрій. »Ей Богу! какой чело-вѣкъ — говоритъ и не оплюнется, да еще и нечистаго призываетъ! Нѣтъ, Воевода! я, признаюсь, такъ очень подтрушивалъ. Въ самый день выхода нашего изъ Галича, видѣлъ я сонъ, куда негодящій! Снилось мнѣ, что иду я по моему Московскому саду — а садъ у меня добрый, самы ты знаешь — что за яблоки наливчатые, что за гливы, что за дули чудныя — сопью вспоманешь теперь, какъ сухарикъ надобно размачивать водицею, да охатъ на голой землѣ, вспоминая доволѣе Московское...« Юрій захохалъ, прихлѣбнулъ меду изъ серебряной стопы, и поправилъ лисье одѣяло на своей постели.

— Ну, что-же сонъ твой, Князь? — спросилъ Басенокъ, улыбаясь.

»Сонъ? Да, шуты ты имъ! Вижу я, что золопистое, наливное ябло-

ко падаетъ съ моей любимой яблони. Дай-ка, подумалъ я, чпобы лишняго труда не было, подставлю рошъ, и оно само ввалился ко мнѣ въ рошъ, шакъ, чпо и руками пошевельнуть не будетъ надобно! Вошъ, подскочилъ я, подставилъ рошъ — анъ, вмѣсто яблока — опкуда ни возмись — галка, да прямо мнѣ въ рошъ! Тѣфу, пы, бѣсова дочь! вскричалъ я, и чупъ не подавился! Ну, чпо! Какъ пы располкуешь такую диковинку, Воевода.»

— Не масперъ я полковапъ сны, а пожелаю тебѣ добраго сна, и увѣрю, чпо пы завтра проснешься живъ и здоровъ. — Басенокъ засмѣялся, и ушелъ, а Юрій Паприкеевичъ покачалъ головою въ слѣдъ его, и принялся чишпашъ въ молишвенникѣ своемъ молитвы на сонъ грядущій, крѣпка спуча лбомъ въ землю, и тяжело вздыхая. — Спанъ Московскій зашихъ, огни угасли...

Уже крѣпко спалъ, и давно сильно храпѣлъ Юрій Паприкеевичъ, когда ему показалось, что его будятъ и полкаютъ немилосердо. Съ про- сонковъ, не могъ опомниться онъ, видя страшное зарево, толпу полу- одѣтыхъ рабовъ своихъ, бѣгающихъ въ спавкѣ, слыша въ тоже время ужасный крикъ, шумъ, снопъ, про- клятія, бой въ бубны, и звукъ труб- ный.

»Что такое? Что такое? Не уже-ли преспавленіе свѣта? Гоповъ, Господи, гоповъ!« вскричалъ онъ. — Видно, добрый былъ человекъ!

— Вспавай, Князь, вспавай! — кричали ему. — Въ спанѣ сумашоха, рѣзня — надобно спастись! —

»Да что сдѣлалось?«

— Шемяка напалъ на насъ въ рас- плохъ, все рѣжетъ, бьетъ, гонитъ....

»Да откуда онъ взялся? Да, гдѣ Басенокъ?» спрашивалъ Юрій, въ поропяхъ надѣвая навыворотъ дорожній тулупъ свой. »Ну! либо пьяну, либо бипу бытъ мнѣ сегодня!» сказалъ онъ, замѣпивъ свою ошибку.

Поспѣшно выскочивъ изъ спавки, съ ужасомъ глядѣлъ Юрій Патрикеевичъ на кровавое, страшное зрѣлище.

Темная ночь облежала небо. Сквозь густыя тучи, какъ сквозь сито, съялся дождикъ. Холодный вѣтеръ вѣялъ съ сѣвера, и проникалъ пѣло рѣзкимъ холодомъ. Огонь разспилался по спавкамъ воиновъ, и освѣщаль мрачные окреспные лѣса, отражаясь заревомъ на темныхъ тучахъ. Пищальный огонь сверкалъ изъподъ лѣса, на главный опрядъ. Кони, сорвавшись со споекъ своихъ, ржали, бѣгали, умножали смяпеніе, и по всему спану шель рукопашный,

смертный бой, среди криковъ, воплей и стоновъ. Нельзя было различить: гдѣ враги, и сколько ихъ? Воины, полуодѣтые, полусонные, бѣгали, хватались за оружіе, и падали подъ непощадными мечами и съкирами враговъ.

»Ахъ Ты, Господи! Да, что это такое!« вскричалъ Юрій Паприкеевичъ. — Вѣдь эдакъ пропадешь ни за-что! И никто не прибѣжитъ сюда, защитишь главнаго Воеводу?»

Но упрекъ былъ несправедливъ. Оповсюду сбѣжалось къ спавкѣ его множество воиновъ, хотя ни одинъ не зналъ, что дѣлать, и нѣкоторые пришли совсѣмъ безъ оружія.

— Друзья мои! — говорилъ Воевода, ободренный сборомъ воиновъ — гдѣ Басенокъ? Кто видѣлъ его? Гдѣ наши кони? —

»Да, теперь ужъ трудно разобратъ, Князь Юрій Паприкеевичъ,«

опивчалъ ему спарый урядникъ. »Изволь-ка одѣваться поскорѣе. Мы за себя постоимъ, а другихъ пусть Богъ спасаетъ !«

— Дѣльно, дѣльно, спарикъ! — сказалъ Юрій Паприкеевичъ, и бросился въ свою спавку. Въ пошьямахъ, поропясь, ничего не могли найдти, и пока Воевода одѣлся кое-какъ, умноженное смяпеніе вблизи, звукъ мечей, усиленные крики, возвѣспили приближавшуюся опасность. Опрометью выбѣжалъ снова Юрій Папкрикеевичъ, и увидѣлъ, что непріятель рѣжется съ воинами его, вблизи самой спавки. »Шемяка, Шемяка !« раздавался крикъ сонни людей.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ самъ Шемяка. Съкирою, съ двумя остріями, билъ онъ направо и налѣво. За нимъ шелъ отборный его народъ. Все дрогнуло и побѣжало. Едва успѣли податься лошади Юрію Папри-

кеевичу , и онъ поскакалъ , самъ не зная куда ; бросился-было по Юрьевской дорогѣ , но путь ждалъ бѣгущихъ особый опрядъ Галичанъ. Воевода кинулся сломя голову въ лѣсъ , и деревья , казалось , ожили — явились отовсюду воины , посыпались стрѣлы. »Стой , стой !« закричалъ испуганный Юрій Паприкеевичъ — »бери лучше живаго , чѣмъ бишь !«

Трое подбѣжали къ нему , схватили за узду его лошадь , другіе спасали самага Воеводу. »Не бей меня , народъ православный , а веди къ Князю Василью Юрьевичу , или Князю Димитрію Юрьевичу : я главный Воевода Московскій, *Князь Юрій Патри-кеевъ !*«

При семъ имени остановились взнесенные на него мечи , радостный крикъ раздался между воинами. Одинъ изъ нихъ снялъ шапку , поклонился , и сказалъ : »Добро пожаловать , Князь

Юрій Паприкеевичъ! Зла тебѣ не будетъ. Чинъ чина почидай, а мечъ свой пожалуй намъ.»

— Вотъ: вѣдь хорошо Воеводою и въ полону быть? — сказалъ Юрій Паприкеевичъ, видя вѣжливостъ воиновъ. Его повели черезъ лѣсъ.

Пораженіе Московскихъ дружинъ было совершенное. Немного воиновъ успѣло избѣжать смерти, или плѣна; весь обозъ, всѣ снаряды Москвичей достались побѣдителямъ. Упро освѣпило трупы и пожарище на томъ мѣстѣ, гдѣ вчера еще было многочисленное, сильное воинство.

Слѣдствія сей битвы на берегахъ Куси были весьма важны. Ярославскіе Князья немедленно выслали свои дружины Косому. Изъ Звенигорода поднялись воины Юрія. Василій Васильевичъ спѣшилъ пересѣчь дорогу Косому и Шемякѣ, быстро двинувшимся къ Москвѣ. Въ безсильной

яроспи, опрядъ дружинъ его громилъ Галицкую обласпъ, и сожегъ Галичъ, вновъ оставленный Юрьевичами, когда судьба Василя свершалась въ новой кровопролитной битвѣ, у Нико-лы Нагорнаго, близъ Роспова. Здѣсь, уже не въ распахъ, не ночью, но днемъ, и грудь къ груди, сразились Москвичи и сѣверскіе житпели. Наканунъ пріѣхалъ въ станъ Косаго и Шемяки самъ Юрій, и молился въ спавкѣ своей, между тѣмъ, какъ храбрые сыновья его врѣзывались въ ряды Васильевыхъ дружинъ. Свирѣпо горѣла битва, когда одинъ изъ Бояръ Юрія вошелъ къ нему въ спавку, съ видомъ горести, унынія, и безмолвно остановился у входа.

»Что хочешь ты сказать, Бояринъ?« спросилъ Юрій. Слезы омочали его блѣдное лицо. Бояринъ безмолвствовалъ. »Говори!« продолжалъ Юрій — »я готовъ ко всему! Не

смерть - ли сына возвѣспишь ты
мнѣ ?» Онъ содрогнулся.

— Не смерть , но скорбь тяж-
кую. Князь Димитрій , твое люби-
мое чадо. . .

»Мой Мипюша !« воскликнулъ
Юрій , быспро вскочивъ съ своего
мѣста. »Всемогущій Господи !« про-
должалъ онъ , воздѣвая руки и глаза
къ небу — »Твой гнѣвъ умѣлъ вы-
брати самое чувствительное мѣсто
моего сердца , и явно показываетъ
великость грѣха моего великостью
наказанія !« Спарецъ утеръ послѣ
сего слезы , и спокойно спросилъ у
Боярина : »Что сдѣлалось ?«

— Въ пылу битвы , сражаясь
подлѣ старшаго брата , Князь Ди-
митрій былъ пораженъ обухомъ съ
киры , въ самую грудь , и принесенъ
безъ чувствъ. —

Юрій поспѣшно пошелъ изъ
шагра своего. У входа встрѣпилъ

его присланный опъ Косаго , и воскликнулъ: »Радуйся , Великій Князь ! побѣда — враги бѣгутъ! Самаго Василія Васильевича преслѣдуютъ !«

— Вели оспановишь убійство и преслѣдованіе! Довольно, довольно! — воскликнулъ Юрій, и съ препетомъ взглянулъ на поле , покрытое дымомъ , залитое кровью , заваленное трупами , и усѣянное бѣгущими непріятелями , и преслѣдующими ихъ побѣдителями. Кликъ побѣды сливался съ воплями смерти. — »Они также дѣти мои , подданные мои !« возопилъ Юрій, протягивая руки къ Москвичамъ , безпощадно рубимымъ воинами Юрія, въ слѣдъ и въ догонку.

Онъ заспалъ Димитрія Краснаго уже въ памяти ; но тяжкое , багровое пятно было на груди его , и юноша едва могъ дышать.

— Зачѣмъ отпускалъ я тебя! — сказалъ Юрій, съ горестью смотря на блѣднаго Димитрія.

»Не говори, родителъ!« отвѣчалъ Димитрій. »Оспаться въ обозѣ было безчестно, а безчестіе хуже смерти!«

— Великое Княжество! Чего ты стоишь мнѣ, и на что ты мнѣ! — воскликнулъ Юрій.

Онъ оспался въ Ростовѣ, куда перевезли Димитрія Краснаго. Остатки дружинъ Василія бѣжали въ безпорядкѣ, къ Галичу, Костромѣ, Нижнему. Самъ Василій ускакалъ въ Тверь, но былъ туда не допущенъ, и отправился въ Новгородъ. Косой и Шемяка, черезъ четыре дня, были подъ Москвою, и въ Переяславской слободѣ смиренно встрѣпили ихъ Москвичи, съ хлѣбомъ и солью.

Ласково приняли Москвичей сіи Князья, но вступили въ Москву, какъ въ завоеванный городъ. Всюду разспавили они дозоры, стражу. Князь Василій Ярославичъ заперся

въ Кремль, съ остальными Боярами
Василія. Легко могли взять Кремль
присупомъ. Но Юрій запретишь
строга проливать кровь, и требо-
валъ у Василья Ярославича мирной
сдачи. Черезъ недѣлю открыли во-
рота Кремлевскія, и снова записано
было современникомъ въ лѣтописи :

»Да пого-же лѣша, Князь Великій
Василій Васильевичъ послалъ Воеводу
своего, Князя Юрья Паприкеевича,
а съ нимъ дворъ свой, и многихъ
людей, на Кострому, на Юрьеви-
чей, на Князя Василія и на Князя
Димитрія Шемяку, а съ сими Князь-
ями были Вятчане и Галичане. И
спали на бой, на рѣчкѣ Куси, и сии
Князья рапъ Великаго Князя побии-
ли, а Воеводу Великаго Князя, Юрія
Паприкеевича, поймали. И увѣдавъ
о семъ Князь Юрій Димитріевичъ,
послалъ къ дѣшамъ своимъ, и сово-
купился съ ними. Князь Великій Ва-

силій Васильевичъ, слышавъ о томъ, пошелъ прошивъ него, и встрѣлись въ Ростовской области, у Николы у Святаго, на горѣ, и былъ бой, силенъ и спрашенъ. И одолѣлъ Князь Юрій Димитріевичъ, а Князь Великій бѣжалъ къ Новгороду Великому. Пришедъ - же Князь Юрій Димитріевичъ подъ Москву, стоялъ подъ городомъ недѣлю, и городъ взялъ, и Княгинь Великихъ поймалъ, и послалъ ихъ въ Звенигородъ, а самъ сѣлъ на Великомъ Княженіи.»

Почему Лѣтописецъ такъ умѣренно опзывался о Князѣ Юріи, и о Князѣ Василій? Кому *доброхотствовалъ* онъ? Почему не прибавилъ ни одного благочестиваго разсужденія? Нѣкогда было — думаемъ мы. Видно, не въ наше только время люди спѣшатъ жить, а всегда торопились они на пупи жизни.

Г Л А В А V.

Во прахъ вѣнецъ , во прахъ порфира ,
Міръ ложный , суешный — во прахъ !
И гордый Царь , власпишель міра —
Предъ алпаремъ , свяшой монахъ . . .

Черезъ нѣсколько дней попомъ ,
толпа народа валила въ Симонов-
скій монастырь. Бояре , военачаль-
ники , чернь , все собиралось смо-
трѣть на зрѣлище новое , неслы-
ханное съ незапамятуемыхъ временъ:
братъ Юрія Димитріевича, дядя Ва-
силія Васильевича , Василія Косаго ,
Димитрія Шемяки и Димитрія Кра-
снаго , юнѣйшій изъ сыновъ Донска-
го, Князь Углича, Бѣжецка и Ржева ,
Константинъ Димитріевичъ , долженъ
былъ въ этотъ день принять мо-

нашескій чинъ. Бывали примѣры многіе , что Князья облакались въ клобукъ , и даже схиму , передъ кончиною ; но неслыханное совершалось дѣло , что Князь , старшій послѣ Юрія , еще въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ , мѣнялъ вѣнецъ на клобукъ , міръ на тѣсное житіе монаха , роскошь Двора на стягошу опшельнической жизни ! Уже годъ слишкомъ Константинъ держалъ искусь , жилъ въ обители , ходилъ въ грубой ризѣ , опягчалъ себя веригами , терзалъ тѣло власяницею , и исправлялъ самыя тяжелыя работы для братіи монастырской. Унылый звонъ колокола возвѣщалъ Москвѣ сіе торжество святой Вѣры , торжество духа надъ плотью , и мудрости надъ суепою , ибо не болѣзнь тяжкая , не печали и скорби заставляли Князя Константина прибѣгнуть въ обитель , и проситься съ міромъ , но крѣпкая

воля духа , неутолимая жажда вѣнца небеснаго.

За три дня до того, самъ Юрій Димитріевичъ пріѣзжалъ въ Симоновскую обитель, проспишья съ Констаншиномъ , ибо Констаншинъ хотѣлъ послѣ посприженія уединиться опъ всѣхъ, и постомъ, трудомъ, и молитвою приготовить себя къ великому сану схимника. Казалось, что душа его , боясь , да не увлечетъ ее снова прелестъ міра , спѣшила рвать послѣднія цѣпи, привязывавшія ее къ міру. При обрядѣ посприженія Юрій не могъ бытъ , чувствуя себя весьма нездоровымъ , и припомъ Димитрій Красный , все еще спрадавшій послѣ Роспловской битвы , привлекалъ опца къ болѣзненному одру своему. Дворецъ Кремлевскій былъ домомъ скорби.

Шемяка хотѣлъ присушествовать при посприженіи , и опправился въ

Симоновъ монастырь , верхомъ , на богато-убранной лошади , въ сопровожденіи блестящей свиты молодыхъ придворныхъ и военачальниковъ.

Когда онъ подъѣхалъ къ Крутицамъ , и пустился послѣ сего сосновымъ боромъ къ Симоновской обители, звонъ монастырскаго колокола , мрачный боръ , не колыхавшійся ни опъ малѣйшаго вѣтра, ясное, чистое небо — это опъ вѣчный, однообразно-голубой шаперъ , раскинутый надъ песпрою, суепливою землею — заспавили его погрузиться въ задумчивость. Почтительно умолкалъ говоръ и шумъ , спремившейся по дорогъ въ Симоновъ, толпы народа, при видѣ юнаго Князя ; всякій , снимая шапку, оспанавливался, и ждалъ пока проѣдетъ Шемяка. Свита его не смѣла приблизиться къ нему , и ѣхала поодаль. Шемяка былъ одинъ. И это одиночество, среди многолюд-

спва, звонъ колокола, пропивополож-
ность величїа, какое видѣлъ онъ,
взглядывая на небо, съ мѣлкою
говорливостью земною, умолкавшею
въ его присутствїи, родили мрач-
ныя думы въ душѣ Шемяки. Тихо
ѣхалъ онъ. Въ головѣ его пробѣжала
вся прежняя его жизнь: веселое,
беззаботное дѣтство; лѣта юности,
проведенные въ занятїяхъ мирныхъ,
въ охотѣ, гульбѣ съ товарищами,
изрѣдка перевозимой слухами о со-
бытїяхъ государственныхъ; первый
поѣздъ его съ опцомъ въ Орду, гдѣ
унижены они были рѣшенїемъ Хана;
смуты и волненїя, непрерывно на-
чавшія перзатъ послѣ сего Русь, и
душу Шемяки; буйный поступокъ
Софіи на свадьбѣ Василїа, бѣгство
ихъ, завоеванїе Москвы, смерть Мо-
розова, бѣлвы и походы, новое овла-
дѣнїе Москвою!... »Не уже-ли, учаспъ
и судьба Князей,« думалъ Шемяка,
»уподобляешься вы, небу, которое,

или горипъ безмолвными, уединенными звѣздами во мракъ, удаляя отъ себя все земное, или гремипъ, и блещетъ молніями, спраша родъ человѣческій — не уже-ли только это высокое одиночество звѣдъ, или горящее молніями, гремящее громами величіе, когда земля препещетъ и гибнетъ — участь Князей? Нѣтъ! она не похожа на небо, участь тяжелая, опшельничество вѣнца и престола! Издали только блеспипъ и обольщаетъ оно ложнымъ спокойствіемъ и неприспупнымъ величіемъ. Но вблизи раскрывается въ ней адъ спраспей, гибели, превогъ, волненій! Нѣтъ сердца близкаго, нѣтъ души родной. . . . Теперь дрыхлый опецъ спенаетъ въ Кремль, при одръ больного брата, а мы гоповимся на новыя брани, на новыя опасности, мечемъ удерживая Москву... Дядя Констанпинъ! не пвой-ли слышу я голось, въ звонъ этого коло-

кола , которъй говоришь мнѣ : *все суета ?* Не уже-ли гробомъ, или келіею только умиряешься, счастливишься человекъ? — Нѣтъ! міръ Божій прекрасенъ!» — думалъ Шемяка, глядя окрестъ себя — «есть что нибудь такое въ жизни , чего я не понимаю! Для чего нибудь поставлены и Князья выше народа ! Есть , конечно , и для ихъ жизни въ міръ цѣль великая, и свои радости, и свое счастье , выше радостей и счастья людей нисшихъ !»

Ярче блеснула сія мысль въ душѣ Шемяки , когда онъ взѣхалъ на высокій берегъ Москвы рѣки , подлѣ Симонова , откуда открывалась по обѣимъ сторонамъ рѣки безконечная Москва. « Тысячи ихъ » — думалъ Шемяка, смотря на жилища Москвичей, и на толпы людей, шедшія въ монастырь, »и одинъ надъ ними, одна воля его законъ и счастье ихъ! Нѣтъ!

онъ долженъ быть счастливъ, эптопъ одинъ, безсудная голова надъ пмами другихъ, неподвластный никому изъ ближнихъ, и только Богу отдающій опчепъ! Но моя-ли участь быть эшимъ единымъ изъ многихъ? Нѣптъ!...« и съ новымъ уныніемъ, впѣснившимся въ грудь его, Шемяка подѣхалъ ко врапамъ обители, сошелъ съ коня, опдалъ его провожаемымъ, сопворилъ при низкіе поклона предъ Образомъ, выспавленнымъ на налоѣ у монастырскихъ врапъ, гдѣ споялъ монахъ, собирая подаяніе опъ приходящихъ. Задумчиво пошелъ Шемяка послѣ того по двору монастырскому.

Въ это время, Исидоръ встрѣшилъ его, низко поклонился, и благословилъ Князя. Еще не начиналась литургія, въ продолженіе которой надобно было, безъ всякой пышности, какъ умолялъ о томъ Конспан-

пинъ, совершивъся обряду постриженія. Шемяка вступилъ въ бесѣду съ Исидоромъ, и нечувствительно заговорились они, и пошли по монастырскому погосту.

»Я не имѣлъ еще случая бесѣдовать съ родителемъ твоимъ, Князь Димитрій Юрьевичъ, и видѣлъ его только мелькомъ, послѣ новаго торжества вашего« — сказалъ Исидоръ. — »А тебя, и брата твоего, не имѣлъ даже случая поздравить съ великими побѣдами, и явнымъ благословеніемъ Божиимъ, оказавшимся въ послѣднихъ дѣлахъ.«

— Благодарю тебя, отецъ Архимандритъ — отвѣчалъ Шемяка — и думаю, что твое поздравленіе идетъ отъ сердца. Кому-же и довѣрять, если не такой особѣ, которая предназначена уже къ великому сану Первосвященнаго земли Русской? —

»Сердце мое предъ чловѣками, какъ предъ Богомъ, равно и всегда открыто.«

— Признаюсь тебѣ, святыи опецъ, послѣ сего, что твое поздравленіе съ побѣдою — кажется мнѣ излишнимъ. Гореспна мнѣ эта побѣда, и сердце мое чуждо торжества въ настоящее время! —

Шемяка груспно преклонилъ голову свою; испыпующіе взоры вперилъ въ него тогда Исидоръ. »Что съ тобою, Князь, сдѣлалось? Опъ чего груспъ твоя? Слава Богу! Тебѣ и брату твоему пособилъ Господъ ушвердитъ дивною побѣдою престоль родишеля, и укрѣпилъ его роду своему. Опнынъ только велика будешъ власть ваша, ибо мечемъ брани ушверждена власть сія, и не подвижешся она коварспвомъ и злобою враговъ.«

— Не знаю отъ чего, отецъ Исидоръ, но, напропивъ, тяжкое чувство скорби опягчаетъ мою душу. То, что совершилось передъ вопричнымъ пришествіемъ нашимъ въ Москву, никогда не выходило изъ головы моей, ни въ трудахъ брани, ни въ торжествѣ победы. Повѣришь-ли ты, что когда отецъ мой, старый и дряхлый, въѣзжалъ нынѣ въ Москву, съ скорбящимъ братомъ моимъ, въ закрытомъ возкѣ, безъ плесковъ и ликованій народныхъ, мнѣ казалось, что я провожаю — не на лихое будь сказано — погребальное шествіе отца и брата! И что такое победа наша? Недовѣрчивость и опасеніе существуяють между нами и жишелями Москвы: вижу, что только головы ихъ, а не сердца покорны намъ. Такая-же недоувѣрчивость видна между Князьями другими и нами. Они всѣ явились къ оп-

цу, когда онъ овладѣлъ Москвою въ первый разъ; но теперь ихъ нѣтъ. Какъ будто боясь, что одна побѣда можетъ передать снова престолю Василию, такъ, какъ одна побѣда передала онъ изъ рукъ его намъ, Князья ждуть, пока родной не погубитъ въ конецъ роднаго, и тогда придутъ они, на трупъ одного, поздравлять другаго побѣдителемъ. По неволѣ, изъ-подъ меча, Ярославскій Князь былъ съ нами; недавно прискакали въ Москву буйные Князья Верейскій и Можайскій, задушевные друзья брата, похвастать, попировать, погоняться на охотѣ. Но болѣе нѣтъ никого — всѣ, какъ будто почать мечи на досугъ, и мы живемъ въ Москвѣ, какъ будто на временномъ ночлегѣ. Что за жизнь, если Князь, ложась спать, кладетъ мечъ подъ подушку! Что за власть, если первая удача въ бою застав-

ляешъ его бѣжашъ изъ своей сполн-
цы! —

»Напрасно, Князь, мыслишь ты, что битва не есть высшее рѣшеніе побѣдодавца Бога. Онъ рѣшаетъ судьбы владыкъ въ бояхъ, и возводитъ, и низлагаетъ ихъ мечемъ, да всѣ познаютъ, что Онъ всемогущъ, судьбы Его непреодолимы, и прошивъ ихъ безмогущъ умъ человѣческій, и въ единый часъ мечемъ-рѣшителемъ низвергаются годы мудрованія, по волѣ Господней.»

— Хороша побѣда надъ врагами, добръ бой, когда онъ ведетъ за собою пишину и благоденствіе. Но, съ горестію, думаю я, что благословенія нѣтъ надъ битвами нашими, ибо, кто враги наши? Родные! Кто гибнетъ въ усобицѣ нашей? Люди, Богомъ намъ вѣренныя! И гдѣ конецъ битвѣ? Василій снова пре-

вожипъ теперъ предѣлы Нижняго ;
къ нему снова спекаются дружины,
и завпра мы выспунаемъ снова изъ
Москвы , пойдѣмъ преслѣдовать его,
губипъ , искапъ живота его. . . .

»На немъ и будепъ грѣхъ , если
онъ пропивипся волѣ Бога, и успа-
ву опцовъ.«

— Но попъ , кому онъ пропи-
випся — едва дышетъ опъ дряхло-
сти ! Дай Господь здоровья родише-
лю , но — умри онъ , когда дядя
Конспанпинъ приметъ монашескій
санъ — Василій долженъ наследовать
пресполъ Великокняжескій, и не оспа-
новипъ-ли тогда совѣсть меча , на
него подъятаго ? —

»Пресполъ долженъ опнынъ ук-
рѣпипся въ родѣ вашемъ , Князь...«

— Но тогда, гдѣ-же успавъ оп-
цовъ ? Да, и въ какомъ родѣ ? Братъ
Василій былъ бездѣпенъ въ бракѣ
своемъ. —

»Онъ опянь вступишь въ бракъ, или — ты старшій по немъ. . .«

— Я? Молишва моя, да продлишь Богъ живошь отца и брата. Если же Богъ повелишь мнѣ пережить ихъ, чего я, право, не желаю, и Богомъ клянусь въ этомъ — мнѣ, въ старости лѣтъ, послѣ жизни, проведенной въ смященіяхъ и усобицахъ, мнѣ сѣсть на престолъ... — Шемяка горестно улыбнулся.

»Все отъ Бога, Князь! Вѣрь, что судьбы Его правяшь все на землѣ.«

— Конечно отъ Бога, отецъ Исидоръ — отвѣчалъ Шемяка, задумчиво срывая правку у ногъ своихъ — и это быліе безъ Его власти не произрасло-бы; но кто увѣдаетъ судьбы Его? И отъ Бога-ли наши злыя спраси, наши жишейскіе смущенія и помыслы? Если за грѣхи предка Богъ казнить попомка, даже до седьмага колѣна, то,

можетъ быть , на родъ нашемъ ле-
житъ тяжкое Его наказаніе , и еще
не очистилося оно двухъ - вѣковыми
спраданіемъ Русскихъ земель , и отъ
того кипитъ усобица , и ни одно
доброе произрастѣніе не прозябаетъ
въ душахъ нашихъ ? Не уже-ли ты
думаешь , что я могу безъ скорби
смотрѣть и на униженіе самаго Ва-
силія ! Говорятъ , что онъ хочетъ
бѣжать въ Орду , когда будетъ еще
разъ побѣжденъ. Родной нашъ будетъ
искалъ хлѣба у поганныхъ ; Князь
Великій будетъ унижаться передъ
Ханомъ , когда труды дѣда , кровь
предковъ положены были , да падетъ
наконецъ сіе униженіе ! Жаль , что я
не умѣю высказать всего , что скры-
то въ душѣ моей . . . Знаешь-ли ты ,
отецъ Исидоръ , какъ ничтожно ка-
жется все это величіе , когда по-
разсмотришь его пристальнѣе , вбли-
зи ? . . .

»Оно не ничтожно, если Богъ спавитъ его надъ жребіемъ всѣхъ людей. . .«

— Я не то хотѣлъ сказать. Тогда человекъ благословенъ отъ Бога, когда онъ каждый день говоритъ въ молитвѣ: »благодарю Тебя, Господи! за протекшій день, и молю даровать и наступающій таковъ же, какъ протекшій! . . .«

»Кто-же болѣе Князя имѣетъ право говорить такъ?«

— Я — сказалъ Шемяка, задумываясь — я — признаюсь . . . не говорю этого. . .

»И согрѣшаешь предъ Господемъ!« возразилъ Исидоръ. »Тебѣ-ли, сыну перваго изъ Русскихъ Князей, роптать на жребій свой?«

— Не ропщу, и если-бы мирно пришелъ мнѣ престоль Великокня-

жескій, сколько дѣлъ, сколько думъ великихъ возникло-бы тогда въ душѣ моей! И все это я долженъ задавить теперь въ моихъ помышленіяхъ! *Второй* по Князю, или *тысяча первой*, не все-ли равно? Спупенью выше, спупенью ниже — не велика важность... О! пусть-же пройдетъ моя жизнь, какъ маленькій ручеекъ пропекаетъ между лугами! Мнѣ всегда думается, что благо не дается даромъ, а продается въ міръ, и при томъ за сколько зла, что не стѣбитъ покупать его! Я никогда не женюсь, отецъ Исидоръ: не стѣбитъ хлопотъ навязывать себѣ жену и дѣшей на шею; никогда не пожелаю я и Великаго Княженія — меня не достанетъ на эту долю, тяжелую, одинокую. . .

»Что-же сдѣлаешь ты съ твоею жизнью, Князь?»

— Проживу ее, какъ живутъ другіе . . . какъ проживется. . .

»И ни однажды помыслы, болѣе великіе, не заставляли трепетать твое сердце?»

— Я душѹ ихъ, отецъ Исидоръ! — воскликнулъ Шемяка, схвативъ его за руку — да, я и не умѣю самъ себѣ разсказать ихъ! —

»Позволь-же мнѣ объяснить ихъ тебѣ, Князь добрый, благословенный Богомъ!»

— Ты объяснишь ихъ мнѣ, святой отецъ? Ты? Но, или вижу я сердцеѣдца въ тебѣ, подъ монашескою рясою сокрывшаго спраспи свои? —

»Я, да, я... ибо, прости мнѣ, я опытинѣ тебя, и пока не надѣлъ я монашеской рясы, я былъ воиномъ и сановникомъ при Великомъ Дворѣ Византіи; годы цѣлые прежде того провелъ я въ уединеніи, изучая человѣческую мудрость; много спран-

спивоваль я потомъ — посѣпилъ Египетъ, и искалъ слѣдовъ мудрости въ обломкахъ таинствъ Египетскихъ; видѣлъ Римъ, градъ вѣчный; былъ въ Святой землѣ, скипался между дикими и просвѣщенными народами...»

— И что-же ты нашель? Ты кончилъ шѣмъ, что надѣлъ монашескую рясу! И эшопъ звонъ, копорый слышимъ мы въ сію минушу, не шо-ли говоришь намъ? —

»Судьба моя« — и тяжкій вздохъ вылетѣлъ изъ груди Исидора — »судьба моя спранная, и долго было-бы надобно объясняшь ее тебѣ — эшо послѣ!... Скажи мнѣ лучше, Князь: знаешь-ли ты, что была прежде Русь? Извѣстно-ли тебѣ, что Рускіе, единствєнный народъ, копорому Эллада передала свою свяшую вѣру, и свою мудрость? Знаешь-ли, что за много вѣковъ, нѣкогда, твои предки покрывали кораблями Черное

море, владѣли Кіевомъ и Новгородомъ, ходили по Волгѣ за Хвалынское море, и въ Таврической землѣ владѣли великими царствами?»

— Знаю. —

»И можешь говорить, такъ хладнокровно, что ты знаешь это!»

»Могу, ибо знаю и то, сколько мучениковъ, предковъ моихъ, заплашили попомъ спраданіями, искупая наказаніе Божіе, разрушившее нашу славу и честь Руси! Былое не возвращимо!

»Возвращимо, Князь, возвращимо! Твое уныніе, твоя пламенная душа, возвѣщающъ мнѣ, что година наказанія Божія для Руси миновалась! Подобныхъ твоимъ мыслей, не могли имѣть ни дѣдъ твой, ни пра-дѣдъ. Ты предназначенъ къ подвигамъ великимъ, ты рвешься за предѣлы тѣсныхъ сваръ и междоусобій Княжескихъ. . . .«

Исидоръ замолчалъ. »Говори, говори, продолжай!« воскликнулъ Шемяка. — »Ты угадываешь меня! Ахъ! нѣтъ! Ты высказываешь мнѣ то, что я чувствовалъ, и не умѣлъ сказать!«

— Да, Русь должна возстать, и скоро восстанетъ, въ величіи, силѣ и славѣ! Я предугадалъ это, я оставилъ родину, и назвалъ Русь моимъ отечествомъ, чтобы употребить всѣ силы мои къ ея восстанію, и чести и славѣ. Какъ Первосвященникъ Руси, какъ сановникъ въ числѣ первыхъ Священителей вселенной, съ крестомъ въ рукѣ, пойду я тогда передъ вами. Посмотри, что теперь Орда, что Литва? Будь теперь, явился теперь въ Руси Мстиславъ Галицкій, соедини онъ души и сердца, поставь себя выше смутъ и междоусобій. . . О, Князь Димитрій Юрьевичъ! Мстислава-ли вижу въ тебѣ я, или юно-

шу, которъй, ушомясь въ цвѣтѣ
жизни, уже предвидишь конецъ жиз-
ни своей въ келліи инока? —

Шемяка запрепешаль, какъ буд-
то новое чувство вспыхнуло въ ду-
шѣ его. Съ жаромъ продолжалъ Иси-
доръ: »То-ли былъ Мстиславъ, что
ты теперь, то-ли, когда въ бѣдномъ
удѣлѣ своемъ задумалъ онъ воскре-
ситъ Русь православную? Съ горстью
людей кинулся онъ въ Новгородъ, и
черезъ три года потомъ опдалъ
Великокняжескій престолъ законно-
му наслѣднику, рѣшалъ судьбу Кіе-
ва, Новгорода, Смоленска, Галича. А
ты, Князь, ты, когда Русь крѣпко
возстаетъ всюду, когда все преше-
щеть передъ Москвою, когда ты
можешь передать престолъ Москвы
въ крѣпкія руки своего брата, и
самъ быть Мстиславомъ Руси, смѣ-
ешь-ли ты унывать? —

Шемяка молчалъ. — И можно-ли думать о правѣ какого нибудь Василія Васильевича, о суешѣ міра, о щешѣ престола, когда душа твоя не вмѣститъ думъ высокихъ — такъ обширны онѣ — не обойметъ помысловъ великихъ — такъ велики они! Здѣсь должны умолкнуть всѣ ваши мѣлкіе разсчеты семейные. Волю Бога долженъ ты видѣть во всѣхъ дѣлахъ сихъ, и, какъ орелъ, парить выше земли, гдѣ голодный коршунъ терзаетъ цыпленка, исполняя завѣтъ, ему предназначенный! —

Еще молчалъ Шемяка, хопя взоры его уже горѣли. — И одною-ли Русью ограничишь ты обзоръ твой? Развѣ, соединивъ крѣпкою рукою силу Руси, опнявъ у Липвы Кіевъ, гдѣ покоятся святыя предки твои, равноапостольный Владиміръ, предпечая, заря вѣры Христовой въ Руси, Ольга, Святыя Борисъ и Глѣбъ, Свя-

пишели и Угодники Божіи, неплѣн-
ные на радость и утѣху міра — ты
не воспѣнишь подѣ Русскими ладьями
Днѣпра, не возмутишь веслами Рус-
скихъ кораблей Волги, не сдвинешь
пяпна съ Руси, послѣдняго гнѣзда
Орды, и не прибьешь къ воропамъ
Царяграда щипа своего, какъ пре-
докъ твой прибиль его, за пяпъ
сопъ лѣпъ? —

»Щипъ на врапахъ Царягра-
да!« воскликнулъ Шемяка. »О, кра-
снорѣчивый отецъ Исидоръ! не оболь-
щай, не обольщай меня!«

— Нѣпъ! я не обольщаю тебя,
Князь добрый! — сказалъ Исидоръ, и
голосъ его измѣнился. — Богъ видипъ
душу мою — не обольщаю! Судьба
Руси заключаетъ въ себѣ судьбу мно-
гихъ спранъ, и въ голосъ души тво-
ей, я слышу голосъ человека, пред-
назначеннаго къ великому Богомъ. —
Слезы навернулись на глазахъ Иси-

дора. — Я Рускій теперъ; но въ
по-же время могу-ли забыть и роди-
ну мою, мудрую и славную Элладу!
Она, претепавшая нѣкогда жишелей
Сѣвера, теперъ на Сѣверъ проспи-
раетъ руки свои, и опселѣ ждепъ
спасенія! Опвсюду обложенная врага-
ми, гибнепъ Греція, и — погибнепъ,
если Русь не спасетъ ее! Весь Западъ
ждепъ клика Русскаго, все соединишся
съ Русью, когда мечъ ея блеснепъ на
берегахъ Босфора. Какое будепъ вели-
кое зрѣлище, когда шебѣ суждено,
можепъ быпъ, не на Куликовомъ
полѣ, но на поляхъ древней Трои,
на берегахъ Кедрона и Теревинѣа воз-
неспи хоругвь, предводишъ рапями
Воспока и Запада, испоргнушъ Гробъ
Христовъ изъ рукъ невѣрныхъ, укрѣ-
пишъ Царьградъ, и соединишъ Свя-
тую церковь Запада и Воспока! —

»Что говоришь ты?«

— То, что знаю достоверно. Римскій Владыка, Первосвященникъ Лашинскій, готовъ покориться православноѣ нашей церкви; Западные Князья придуть толпами; корабли ихъ покроютъ Бѣлое море и Архипелагъ, когда *единый* возстанетъ, и соединитъ въ себѣ силу и мудрость. Императоръ Іоаннъ Палеологъ обниметъ его какъ брата, и слава избраннаго загремитъ отъ Востока до Запада, когда онъ поведетъ отъ Севера спасеніе и величіе! Богъ, побояй великому, облечетъ его Своимъ громомъ и молніею, и пошлетъ предъ нимъ Архангела, съ огненнымъ мечемъ! Приди ко мнѣ, Князь; я покажу тебѣ *Хризовулы* Іоанна Палеолога, и *буллы* Папы Евгенія. Я расскажу тебѣ о поприщѣ чести, какой можно тебѣ удостоиться! Не говори мнѣ о безсиліи: кто одною битою въ Галицкихъ лѣсахъ вырвалъ престоль

Московскій изъ рукъ врага , кто со-
чувствуесть великому подвигу пред-
ка своего Мспислава , кто видитъ
себя выше мѣлкихъ междоусобій , и
твердо глядитъ въ безконечность
будущаго — тошъ силенъ и великъ!
Съ премоа спами воиновъ побѣдилъ
Гедеонъ тѣмъ Мадіамскія , и опъ
руки слабаго смертнаго оспанови-
лось солнце въ долину Гаваонской!
Не уже-ли ты, Князь, думалъ, что я
оспавилъ Элладу, прешекалъ моря и
пустыни , презрѣлъ уединеніе му-
дроспи, спранспвовалъ въ далекихъ
предѣлахъ , чтобы простымъ , мир-
нымъ Іерархомъ, смиренно просидѣть
на Свяшительскомъ престола Свя-
тыхъ Митрополишовъ Петра и Алек-
сія? Если *Инокъ* Сергій воздвигъ руки
дѣла твоего на побѣду Мамаа , не
уже-ли нынѣ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ
возраста Руси, нельзя *Митрополиту*
благословить десницы вашей на по-
бѣды, болѣе великія? И не уже-ли

безплодно погибнешь крепкая вѣра
моя въ спасеніе Эллады, въ соедине-
ніе Церквей, въ освобожденіе Іеруса-
лима изъ среды Руси? Нѣтъ, нѣтъ! —
Исидоръ воздѣлъ руки къ небу, и со
слезами воскликнулъ: — Забвенна, да
будешь десница моя, да прильпнешь
языкъ мой къ горшани моей, если
забуду тебя, опчизна героевъ и му-
дрецовъ, Эллада дивная, тебя Богоше-
ственный Сіонъ, тебя Гробъ Госпо-
да! и если не возбужду и опъ каме-
нія гласъ во спасеніе ваше!

Не могъ болѣе удержаться Ше-
мяка: »Нѣтъ! это не мірская гор-
доспѣ. Нѣтъ! это не суеша!« сказалъ
онъ. — »Отецъ Исидоръ! ты рас-
крылъ мнѣ очи души моей, ты воз-
будилъ ее опъ дремоты смертныя!...
Да, я чувствую, что голова моя въ
огнь, и душа не вмѣщаетъ новыхъ
думъ моихъ... Выслушай-же, выслушай
меня. . . .«

Звонъ во всѣ колокола, начавшійся на монастырской колокольнѣ, показалъ имъ въ это время, что вскорѣ начнется литургія. — Пойдемъ во храмъ! — воскликнулъ Шемяка — пойдемъ, посмопримъ, какъ дядя мой смѣло поругается міру; но, я чувствую себя выше, выше!... Онъ поспѣшно пошелъ въ церковь. Казалось ему, что бытіе его тогда обновилось, что передъ нимъ поднялись покровы, закрывавшіе опъ души его таинства вселенной. — Изъ примѣра дяди научусь я твердой волѣ — думалъ Шемяка, — и проразумѣю будущую участь свою въ его смѣломъ желаніи — опшполкнутъ опъ себя міръ низкій и мѣлкій! . . .

Болѣе года не видавъ дяди, Шемяка, такъ, какъ и всѣ зрители, воображалъ себѣ величественное позорище въ постриженіи Константина. Каждый думалъ увидѣть, какъ

горделиво попрепъ ногами своими сынъ Димитрія Донскаго славу міра, блескъ и величіе, и, благоговѣйно преклоняясь предъ Владыкою Владыкъ, униженіемъ превыситъ другихъ. Люди такъ воображаютъ себѣ все великое, не понимая истинной сущности его. Тогда только цѣняятъ они величіе, когда оно являеся въ рѣзкой противоположности съ его окружающимъ! Такъ, подходя къ тѣлу великаго побѣдителя, на лицѣ мертваго героя думаютъ они увидѣть глубокую мысль Вѣчности, запечатлѣвшую земное его бытіе, и съ ужасомъ усматриваютъ безобразный трупъ, изможденный смертною болѣзнію, обезображенный плѣніемъ, снѣдаемый червями, гнѣздящимися прежде всего тамъ, гдѣ блиспали нѣкогда, при жизни, яркіе очи великаго человѣка! . . .

Умолкъ великій звонъ. Раздался звонъ тихій, похоронный, и сквозь

толпу народа, въ церкви и внѣ церкви находившагося, чепыре инока повлекли блѣдное какое-то привидѣніе. Согбенный, полузакрытый длинными, неразчесанными волосами, въ безпорядкѣ падавшими съ головы, въ блѣдной ризѣ, босой, веденъ былъ въ церковь Константинъ изъ его келліи. Грубая власяница покрывала его плѣхо. Три раза падалъ онъ на землю, творя моливы, пока дошелъ до амвона церкви. Потомъ палъ онъ въ ноги Наспоятеля; слезы текли обильно изъ глазъ его; рыданія слышны были, замиравшія въ груди его. Наконецъ, обратился онъ къ народу, сталъ передъ нимъ на колѣна, и тихо проговорилъ: »Братія и други! простите меня, грѣшнаго раба Божія, Князя Константина, простите, кого обидѣлъ я дѣломъ, словомъ, помышленіемъ!« Голова его преклонилась къ землѣ — Константинъ раз-

просперся во прахъ, и учинилъ народу при земные поклона.

Слезы полились тогда у всѣхъ; многіе спали на колѣна, и съ земными поклонами начали молишься за смиреніе, оказанное въ глазахъ ихъ знаменитымъ Княземъ. Запѣлъ протяжный, унылый хоръ: »Опверзись мнѣ Опчія обѣщія! Тщепно изживъ житіе мое, вижу не изживаемое богатство щедротъ Твоихъ, Спаситель! Молю: не презри обнищавшее мое сердце!« — При глубокомъ молчаніи народа прочитаны были молитвы, и Наспоитель громогласно началъ обычные вопросы: »За чѣмъ пришелъ ты, братъ, и припадаешь къ святому жертвеннику? — Вольною - ли мыслию приступаешь ты ко Господу? — Не нуждою-ли и насиліемъ? — Пребудешь - ли, до послѣдняго издыханія, въ монастырѣ и поспничествѣ?«

Невольный трепетъ проникъ въ сердца присутствовавшихъ , когда , послѣ тихихъ оповѣстовъ Константина , громогласно провозгласилъ Настоятель увѣщаніе , или оглашеніе :

»Узнай , чадо мое , какія обѣщанія даешь ты Господу Іисусу! Ангелы споятъ здѣсь невидимо , и пишутъ исповѣданіе твое , и во второе пришествіе Бога спрашно испяжутъ тебя за нарушеніе !« Изображая пыгоспъ иночеспва , бѣдноспъ , скорбь его — »знай ,« говорилъ Настоятель , »что врагъ не преспанетъ подлагать подъ душу твою лукавые помыслы прежняго житія. Подумай : не расквешься - ли ты ? Вспомни , что обратишься вспяпъ тебѣ будетъ уже невозможно. Вспомни , что опречешься ты опца и матери , міра и роскоши , даже самого себя , по слову Божію: кто хочетъ во слѣдъ Меня идти , да отвержется

самаго себя, возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ! Ты будешь алкашь и жаждать, нищенствовать и нагствовать, будешь укорень, презрѣнь, уничижень, изгнанъ . . . Надѣешься ли ты на силы свои?»

Послѣ утвердительнаго отвѣта, прочитаны были поставительныя молитвы, и — не спало *Князя Константина* — имя инока *Кассіана* было провозглашено. Собственною рукою *Кассіанъ* подалъ Наспоятелю ножницы. Трижды оппалкивалъ ихъ Наспоятель. . . еще увѣщевалъ спавленика, и при уныломъ пѣніи: »Господи помилуй!» совершился обрядъ. Порогъ келліи навѣки разлучилъ *Константина* отъ міра. Съ крестомъ и зажженною свѣчею въ рукахъ, облеченный въ черныя ризы инока, стоялъ онъ, преклоненный предъ Царскими дверями, блѣдный, изнеможенный; никакого выраженія спра-

стей не видно было на лицѣ его; не видно было и вдохновенія. Глаза его не обращались къ небу, хотя слезы не текли уже болѣе изъ глазъ его. Онъ казался мертвецомъ, и, въ совершенномъ безчувствіи, не произнесъ ни одного слова, поздравляемый, лобзаемый братіею. Наспоятель повергся передъ алтаремъ, и долго, въ горячей молитвѣ, благодарилъ Бога; но Кассіанъ былъ безмолвенъ и неподвиженъ.

Шемяка не плакалъ, подобно другимъ, когда земные поклоны творилъ Константинъ передъ народомъ, моля прощенія во грѣхахъ; невнимательно смотрѣлъ онъ попомъ на весь обрядъ посприженія; невнимательно слушалъ онъ и пѣніе и молитвы и увѣщаніе. Такъ сильно поразила его первый взглядъ на дядю, его, копорый съ душею, полною высококихъ думъ и чувствъ, никогда до

того времени неиспытанныхъ, пришелъ во храмъ Божій — видѣвъ порожественное, смѣлое отверженіе земнаго для небеснаго. Онъ увидѣвъ, напропивъ — паденіе силы, робкую волю, съ опчаяніемъ бѣжавшую отъ міра, и съ препепомъ приступавшую къ алтарю Всевѣчнаго. Тогда мысль о суепѣ и слабости человека сильно врѣзалась въ его душу. »Не уже-ли такъ все должно кончиться!« думалъ Шемяка. »Не уже-ли все великое только въ слабости и безсиліи познается? Суепа суепствій! Эпо-ли Князь Конспанпинъ? Эпо-ли смѣлый его подвигъ? Се человекъ! А я что-же? И я дерзнулъ помышлять такъ гордо о будущей судьбѣ своей? Я осмѣливался прозирасть въ будущее, осмѣливался мечтать о безсмертіи, когда двѣ недѣли жестокой лихорадки могутъ убить всѣ тѣлесныя и душевныя силы мои, опныть всѣ гордыя помышленія, и

меня, изможденнаго и слабаго, уподобить этому живому мертвецу, въ которомъ я не узнаю Князя, за годъ тому блиставшаго радостью, здоровьемъ, великолѣпїемъ! . . .»

Въ глубокой задумчивости стоялъ Шемяка. Литургія приходила къ окончанію. Вдругъ замѣтилъ онъ Боярина Звенигородскаго, пробиравшагося къ нему сквозь толпы народа. Блѣденъ и печаленъ былъ сей Бояринъ. «Не меня-ли ты ищешь?» спросилъ его Шемяка. — Тебя, Князь Димитрій Юрьевичъ — отвѣчалъ Бояринъ. — Родитель твой зоветъ тебя къ себѣ. — «Бѣду не замедля — дай только обѣдни кончиться.» — Нѣтъ, Князь! онъ проситъ тебя немедленно — поспѣши, оставь все! — «Но, что случилось? Скажи: здоровъ-ли родитель?» — Нѣтъ, Князь! онъ очень нездоровъ. — Едва не воскликнулъ тогда отъ ужаса Шемяка: «Судь Бо-

жій! не пы-ли такими уроками слабости и смерти указываешь мнѣ на щепу моихъ помысловъ!» Но, онъ удержался, не показалъ смятенія, только поблѣднѣлъ, и — »Говори, Бояринъ, опкровенно: живъ-ли отецъ мой?» спросилъ тихо. — Не знаю! — прошепталъ Бояринъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, Шемяка мчался во весь опоръ, одинъ, безъ всякой свиты, прямо къ Кремлю, и въ неперпѣнїи билъ и гналъ своего лепучаго бѣгуна.

Г Л А В А VI.

Кая жипейская пища пребываетъ
печали не причастна?

Кая-ли слава спойтъ на земли?

*Надпись, на одной изъ Княже-
скихъ гробницъ, въ Архангель-
скомъ Соборъ.*

Если грусть невольная одолѣ-
ваетъ сердце наше, послѣ живой ра-
доспи, если мысль о ничпожествѣ
человѣка налегла на нашу душу, по-
слѣ гордой, высокой мысли, должно-
ли это почитать предвѣспіемъ бѣд-
ствія, грозящаго намъ? Не всегда;
но — не презирайте предчувствія!
Неизъяснимое, скрытное таинство
заключено въ этой безмолвной бе-
сѣдѣ души человѣческой съ будущимъ.
Это грустный Ангель, осперегаю-

щій васъ. . . О , благоговѣйте передъ
его предостереженіемъ. . .

Не даромъ невольная грусть тя-
гопила Шемяку, какъ мы видѣли
это изъ разговора его съ Исидоромъ.
Чуденъ человѣкъ шѣмъ, что все за-
виситъ отъ взора души его на ок-
ружающее ! При весельи души его
радужился предъ нимъ будущее ,
цвѣтнлся настоящее , и воспомина-
ніе пережитой имъ горести покры-
ваетъ прошедшее легкою грустью ,
похожею на радость, ярко представ-
ляя ему одно счастіе былого ! Но ког-
да змѣя-горе сосетъ сердце человѣ-
ка — мракъ облекаетъ передъ нимъ
всю природу , темнитъ будущее ,
оуправляетъ настоящее , и клеве-
щетъ на прошедшее , закрывая всѣ
его радости жалобою и горемъ. За-
мѣтили-ль вы еще грустную игру
судьбы человѣческой ? Какъ невѣрный
другъ сердца, поссорившись съ вами,

она вдругъ, какъ будто раскается, спѣшитъ упѣшитъ, обласкать васъ, помириться съ вами... О! не вѣрьте ей тогда, не вѣрьте: это коварное обольщеніе передъ побѣгомъ радости, передъ разрушеніемъ счастія вашего! Ваше счастіе хочетъ въ послѣдній разъ напомнить вамъ о себѣ, дать вамъ почувствовать, чего вы лишаетесь, и — немилосердное! передаетъ ваше сердце злодѣйкѣ — печали!

Такъ и Шемякъ привелось испытать все это. Среди грустнаго, печальнаго предчувствія, беседа съ Исидоромъ освѣжила-было душу его, упоила было ее думами, дополь ей неизвестными. Но безжалостно указала ему попомъ судьба на ничтожество человека въ лицѣ Константина, и съ злобнымъ смѣхомъ повела его послѣ сего въ Кремль...

Чпо-же шамъ ожидало его? Чпо увидѣль онъ въ Кремль? Много народа спеклось шамъ на площадяхъ, и толпилось вокругъ Кремля, и около Дворца; но это не были кипящія говоромъ, шумныя толпы; напротивъ, раздѣлясь на небольшія собранія и бесѣды, опдѣльно, тихо, уныло разговаривалъ между собою народъ. Многіе, особливо спарики, сидѣли и лежали на крыльцахъ и около спѣнъ, безмолвные, въ грустномъ какомъ-то ожиданіи. Лошади Бояръ и чиновниковъ Дворскихъ спояли въ споро-нѣ, но были безъ всякаго великолѣпія. Шемяка съ ужасомъ предугадывалъ спрашное событіе, и мысль, что за мгновеннымъ порывомъ гордости, судьба ведетъ его на зрѣлище смерти опца, какъ будто нарочно посмѣваясь ему — поразила Князя! Въ шо-же время онъ помыслилъ, что лишается, хотя и слабаго, но добраго, нѣжнаго родителея, и — что

будетъ теперь, если онъ скончался внезапно? было послѣднею мыслію Шемяки. . .

Блѣдный, внѣ себя, вошелъ онъ въ Большую Дворцовую Палату. Множество Бояръ и сановниковъ, безъ всякихъ знаковъ пышности, сидѣли въ сей Палатѣ, въ совершенномъ безмолвіи. Съ изумленіемъ увидѣлъ путь Шемяка Князя Василья Ярославича, Юрія Паприкеевича, и вообще всѣхъ Васильевыхъ Бояръ, которые были взяты въ плѣнъ, или захвачены въ Москвѣ, и находились подъ спражею. На лицахъ многихъ изображалась скорбь; нѣкоторые тихо плакали, и всѣ вспали и почтительно ему поклонились.

— Что сдѣлалось? Каковъ родитель мой? — поспѣшно спросилъ Шемяка.

»Онъ здравствуетъ еще,« отвѣчалъ одинъ изъ Бояръ.

— Слава Богу! —

Но Бояринъ продолжалъ: »Давно зовешъ онъ васъ, Князья, тебя и Василья Юрьевича, къ себѣ; намъ всѣмъ повѣщено собратъся сюда; вельно освободить и призвать всѣхъ Бояръ Василя Васильевича (примолвилъ Бояринъ тихо). Мы собрались, ждемъ приказа — вельно еще подождать — ужасная неизвѣстность заспавляетъ душу нынѣ и сердце трепещетъ... Теперь у него Священникъ, съ Святыми Дарами. О, Князь, Князь! до чего мы дожили! . . .«

Не отвѣчая ни слова, Шемяка пошелъ въ комнату Юрія Димитріевича; тихо, но быстрыми шагами шелъ онъ, какъ будто желая скорѣе узнать мѣру своего несчастья. Все безмолвствовало вокругъ Шемяки, и это безмолвіе ужаснуло его, когда онъ подошелъ къ дверямъ комнаты, гдѣ находился отецъ его. Дверь бы-

ла зашворена. Казалось, что за этою дверью ждало Шемяку будущее — и кто не ужаснулся-бы, если-бы ему сказали, что таинственный покровъ спадетъ въ одну минуту съ безвѣстнаго лица грядущей его судьбы? Невольно запрепечалъ и оцѣпенѣлъ Шемяка. — »Помедли еще одно мгновение!« шепталъ, казалось ему, таинственный какой-то голосъ — »еще судьба въ твоей власти; переступивъ этотъ порогъ, ты не будешь уже владѣть ею! — Но, каждое мгновение есть, можетъ быть, ужасный вычепъ изъ послѣднихъ часовъ моего родителя. О Боже! благословеніе, благословеніе его потребно мнѣ, и опъ всего я отказываюсь!...« Шемяка медленно расшворилъ дверь...

Окна комнаты были зашворены изнутри ставнями. Лѣтнее, свѣтлое небо не было видно въ этой обители скорби. Огромная, великолѣп-

ная кровать Великокняжеская стояла у стѣны порожняя; широкая, оподвинутая отъ стѣны скамья, закрытая ковромъ, съ одною большою подушкою, составляла одръ, на которомъ лежалъ въ это время спарець Юрій, сильный побѣдитель, Великій Князь Московскій. На немъ была надѣта бѣлая рубашка; до половины тѣла закрытъ онъ былъ соболемъ своимъ тулупомъ. Димитрій Красный поддерживалъ его голову; Священникъ стоялъ передъ нимъ съ крестомъ. Глаза Юрія были закрыты. Длинные, сѣдые волосы и борода его были въ безпорядкѣ; благодушное лицо его было блѣдно смертный колоколецъ звенѣлъ въ груди.

Невольно сжались руки Шемяки. Но Димитрій Красный далъ ему знакъ молчать. Священникъ оборотился къ пришедшему. — Не уже -

ли все уже кончилось? — спросилъ тихо Шемяка. — »Нѣтъ! онъ сейчасъ говорилъ,« прошепталъ священникъ. »Не превожьте его печалью, не мѣшайте ему.« — Но, лекаръ, лекаръ? — спросилъ Шемяка. Священникъ возвелъ глаза къ Небу. »Молишесь« — сказалъ онъ — »о блаженной, тихой кончинѣ его. Онъ не велѣлъ призываць врачей, и пребо-валъ только духовнаго врача.«

Тутъ вдругъ, неожиданно, Юрій открылъ глаза, и вздохнулъ свободнѣе. »Кто здѣсь?« сказалъ онъ! »Слышу, что кто-то пришелъ . . . Ты ли это, Василій? Кто говоритъ здѣсь? Чувствую, что это голосъ сына! Ты-ли это, Василій?«

— Нѣтъ! это я, Димитрій, родитель! Не уже-ли ты не узналъ меня! — сказалъ Шемяка, повергаясь на колѣни передъ умирающимъ.

Юрій хопѣль поднятъ голову, но не могъ, пихо пропѣянуль руку, повель по головѣ Шемяки, собрался съ силами, и снова повпорилъ: »А Василья нѣтъ?« Глаза его обрапились къ небу, и наполнились слезами.

— Родипель мой! могъ - ли я ожидашь, оспавляя шебя за при часа здрава, и въ силахъ, что увижу шебя въ такомъ состояніи! —

»Нѣтъ! я давно уже зналъ, но...« Юрій улыбнулся — »за чѣмъ было превожипъ васъ? И безъ того вы нагорюетесь обо мнѣ, бѣдномъ спарикѣ. Ты плачешь? Пора мнѣ, чадо мое, пора! Я благополучнѣе теперь, благодарю Бога, что Онъ сподобилъ меня приобщипься Св. Тайнѣ, и видѣшь васъ, благословишь васъ передъ кончиною... Ахъ! какъ я ждалъ васъ!« Юрій пихо пожалъ руку Шемякѣ,

и опять повторишь: »А Василья-то все еще нѣтъ!«

— Онъ придетъ, родителъ; но ты еще будешь живъ и здоровъ, для нашего счастья, для счастья всѣхъ...

»Поздно — пощупай ноги мои... онъ уже не принадлежатъ мнѣ. . . Ахъ! Василья нѣтъ!« Онъ тяжело вздохнулъ.

— Не уже-ли за нимъ не послали? — спросилъ тихо Шемяка у Краснаго.

»Его нигдѣ не нашли въ Москвѣ. Я послалъ на Ходынку. Не тамъ-ли онъ, не осматриваешь-ли дружинъ?« отвѣчалъ горестно Красный. »Кто думалъ, что такъ близко къ часъ кончины его! . . .«

— Дѣти мои, милые дѣти мои! — сказалъ Юрій, послѣ забывчивости, продолжавшейся съ минутой — дай же мнѣ руки ваши! — Шемяка и Красный

подали ему руки; Юрій сложилъ ихъ вмѣстѣ, и сжималъ хладѣющею десницею. — Вообще — продолжалъ онъ — вообще глаголетъ Писаніе бытъ на всякъ часъ готовыми, и исполнять то не медля, что лежитъ на душѣ и совѣсти. . . . Бѣдные! мы не знаемъ, мы не думаемъ, что смерть всегда за плечами. . . . Но, прочь земное — *Господня земля и исполненіе ея*. . . . Василья нѣтъ! Уже-ли умру не благословивъ его, не давши ему моего послѣдняго завѣща! — Онъ опять остановился. Дѣти не смѣли прерывать молчанія. Снова Юрій началъ говорить: «Миръ и согласіе завѣщаю вамъ, дѣти мои. Здѣсь, подъ изголовьемъ моимъ, велѣлъ я поставитъ скринку, гдѣ найдете вы мою послѣднюю волю — мою духовную грамоту — она да будетъ для васъ неизмѣнна! Прощаю васъ, если вы погрѣшили предо мною — благословляю васъ — О Господи! даруй имъ

жипіе мирное, даруй имъ благословеніе Твое! Не огорчись ты, Дмитрій, если я скажу твоему брату, что онъ былъ мой Ангель-утѣшитель... Да, Мипюша! ты никогда не досадишь мнѣ даже словомъ... Но Божіе и мое на обоихъ васъ равное благословеніе... Если Василья не увижу я, скажите ему, что и его благословилъ я — но, да исполнишь онъ послѣднюю мою волю. — Тяжель нравъ его, буенъ духъ его, а сердце его благо, и умъ его свѣтелъ. О! горекъ, какъ море Окіянъ, будетъ попокъ жизни его! Сохрани его, Ты, Богъ милосердый! Смиряться, увѣщевайте его, и — паче всего, повторяю вамъ — любите другъ друга. — Не плачьте, дѣти мои! Я умираю спокойно — вы на возрастѣ; дѣла Богъ устроитъ; довольно пожилъ я на бѣломъ свѣтѣ — можетъ быть, безъ меня и лучше будетъ. . . Много было на мнѣ грѣховъ, но — Ты милосердъ,

Творецъ! Блудитесь честолюбія, бѣгите гордоспи: она погубила праотца Адама, она губила и меня — охъ! . . . губила! Теперь, готовясь предстать неумышльному Судіи, чувствую, что не такъ-бы должно мнѣ поступать... Чтите чинъ духовный, молитесь за себя, за душу мою, молитесь, да не внидите въ напастъ — блюдите милую обитель мою — по душѣ моей дайте милостыню. — А братъ Константинъ? Гдѣ же онъ? Насъ только двое братьевъ и осталось... За чѣмъ онъ не пришелъ...

«Онъ принялъ въ сей день иноческій санъ, родитель,» сказалъ тихо Шемяка, «Онъ прислалъ тебѣ благословеніе. . .»

— Ахъ! я начинаю ужъ забываться... Дивное дѣло смерть человека, дѣти мои! Чувствую, но не понимаю, не знаю, что со мною дѣлается!.. Онъ замолчалъ, собрался снова съ

силами, и говорилъ, но гораздо пише и медленнѣе: »Одинъ умираетъ, другой инокъ. . . И такъ нѣтъ уже сыновъ Димитрія Донскаго — прешли, какъ тѣнь. . . Сорокъ лѣтъ тому, когда мы спояли у одра опцовскаго — помню — да... — Пятеро было насъ, и едва старшій изъ насъ вступалъ въ лѣта юношескіе — Василью было семнадцать лѣтъ, а Константинъ только что родился, и — се! послѣдніе двое преходятъ. . . О, дѣти, дѣти! миръ вамъ, миръ — да удалятъ отъ васъ Богъ свары и гордостъ — гордостъ, паче всего. . . Бапюшка! — сказалъ онъ обращая взоры на священника — вели распворить двери, и позвать всѣхъ — хочу видѣть всѣхъ, проститься со всѣми. . . Помоги мнѣ, Господи! . . .

Шемяка хотѣлъ было идти.
— Нѣтъ, нѣтъ! не уходи, сынъ мой,

чадо мое! Дай мнѣ на васъ наглядѣться. . . Ахъ! Василій! . . .

Священникъ думалъ исполнишь приказъ Юрія, но останоуился, ибо Юрій, голосомъ болѣе и болѣе угасавшимъ, лепепалъ уже невнятные слова. Языкъ его коснѣлъ; глаза закапывались. Опъ сдѣланнаго имъ усилія говорить съ дѣшми, онъ ослабѣлъ совершенно, голова его поникла, глаза помупились, колоколець поднялся выше. Онъ шевелилъ еще губами. Въ горести упали подлѣ него на колѣни сыновья его, и рыдали. Юрій двигалъ правую руку, сисясь, по видимому, сдѣлашь крестное знаменіе. Священникъ поднялъ руку его, положилъ на грудь вложилъ въ руку крестъ, и спалъ кадишь ладномъ, въ маленькой серебряной кадилъницѣ. Быстро поднялся тогда Шемяка, и смотрѣлъ на отца безъ слезъ и рыданій. Онъ

приложилъ руку свою къ его груди, пощупалъ его руки, лобъ—все было холодно, и черезъ минуточку только коропкое дыханіе порывисто вылетало изъ устъ Юрія. Священникъ читалъ опходную молитву — еще пролетѣла минута... дыханіе Юрія прекратилось. . .

Тогда и Димитрій Красный переспалъ рыданья и плаканья. Нѣсколько мгновеній смотрѣлъ онъ на холодный трупъ отца; потомъ спалъ на колѣни, обратился къ Образу, и тихо молился. Поднявшись, закрылъ онъ лицо родителя своего святымъ покровомъ. Тупы взоры его встрѣпились со взорами Шемяки, и братья бросились въ объятія другъ друга, крѣпко сжали одинъ другаго, слезы ихъ полились снова, и смѣшались. »Ты блѣденъ, и едва держишься на ногахъ, любезный братъ!« сказалъ Шемяка, чувствуя, что Димитрій Красный шатается.

— Если-бы и и совершенно здоровъ былъ, и тогда только вѣра помогла-бы мнѣ перенести тяжкую нашу потерю. А теперь, когда только забвеніе самаго себя дозволяло мнѣ быть при смертномъ одрѣ родителя, и я едва могу двигаться отъ слабости.... о братъ!.. ты оплачешь скоро и мою кончину! —

»Другъ и братъ! что говоришь ты?« воскликнулъ Шемяка. »Нѣтъ! Богъ милосердъ...« Красный лишился чувствъ, и повергся въ его объятія. Шемяка осторожно положилъ его на постелю Великокняжескую. Тяжело дышалъ Красный.

Шемяка не слыжалъ, какъ настежъ растворились двери, и раздались стоны и рыданія. Вѣсть о кончинѣ Юрія уже разнеслась по Дворцу, и всѣ, собранные во Дворцѣ Бояре и сановники, вошли въ комнату, гдѣ лежало тѣло его, и въ дру-

гую, передъ нею находившуюся. Шемяка опомнился, когда нѣсколько спариковъ, Бояръ Звенигородскихъ, товарищей юности Юрія, спали на колѣни подлѣ его пѣла, заливались слезами, и причипали: »Князь добрый! на кого покинулъ ты насъ! Высокій умомъ, смиренный смысломъ, лѣпый взоромъ, чистый душею, мало глаголавшій, много разумѣвавшій! не узримъ уже мы тебя! День скорби, день тмы и мрака! Горе намъ, братія! уснулъ Князь Князей! Звѣзда сіяющая склонилась къ западу! Господинъ великій! гдѣ честь твоя и слава? Власпитель земли Русскія! мерпѣвъ лежишь ты, и ничѣмъ владѣешь! За багряницу саванъ, за красные черпоги гробъ вымѣнялъ! . . . « Такъ вопили и причипали вѣрные слуги, среди плача и рыданія. Плакали всѣ — друзья и враги, подвласпные и непокорные. Кромѣ умилительнаго зрѣлища кончины старшаго изъ Князей Русскихъ,

многіе съ ужасомъ въ то-же время думали о судьбѣ Руси, объ участи Москвы, о томъ, что теперь будетъ когда не спало Юрія, и сыновья его повелѣвали силами Москвы, враждуя пропивъ Василія.

Когда Димитрій Красный пришелъ въ чувства, его взяли подъ руки, и увели въ его комнаты. Бояре и всѣ сановники вышли въ Большую Палату.

Еще разъ преклонился передъ тѣломъ отца своего Шемяка, еще разъ поднялъ онъ покровъ съ лица Юрія, вглядываясь въ доброе, благородное его выраженіе. Юрій казался спящимъ; улыбка заспыла на устахъ его, и ни одна примѣта скорби не мрачила его чела.

Въ эти минуты, ни печаль, ни мѣръ, и ничто не волновало души Шемяки. Но — суета міра уже звала его, такъ, какъ земля звала тѣ-

ло его опца; Съ одной стороны явились люди, назначенные опрѣтати покойника; съ другой пришли Бояре опца его, и сказали, что Шемяка долженъ немедленно явиться въ собраніе Бояръ, гдѣ начинаются уже толки и споры, и что Кремль наполнился волнующимся народомъ.» Не прикажешь-ли принять мѣръ предоспорожности?» спрашивали Бояре.

— Ничего не прикажу — отвѣчалъ Шемяка.

»Не позволишь-ли намъ посовѣтовать съ побою, Князь Димитрій Юрьевичъ?»

— Ненужно — отвѣчалъ онъ.

Бояре безмолвно опспутили.

— Возвращился-ли братъ Василій? —

»Нѣтъ еще.»

— И такъ, да совершится все безъ него — отвѣчалъ Шемяка. Онъ

взялъ изъ-подъ изголовья опцовскаго небольшой ящичекъ, запечатанный Великокняжескою печатью, далъ знакъ идти за собою Боярамъ, пришедшимъ къ нему, и пошелъ въ собраніе.

Оно было уже умножено вновь пришедшими, ибо вѣсть о кончинѣ Юрія быспро пролетѣла уже по Москвѣ. Подходя къ дверямъ Большой Палаты, Шемяка услышалъ шумъ и споръ. Онъ остановился. Слѣдовавшіе за нимъ думали, что онъ превожися страхомъ и опасеніемъ, и осмѣлились снова предложить ему о предосторожностяхъ.

— Умолкните, безсмысленные, непонимающіе величія кончины старца и Великаго Князя вашего! — воскликнулъ Шемяка, и сильно расхлопнулъ дверь въ Большую Палату.

Съ негодованіемъ увидѣлъ онъ, что не скорбь, не уныніе, но без-

покойство и шумное волненіе царствововали въ собраніи; голоса возвышались ; крамола дѣйствововала.

Входъ Шемяки заставилъ всѣхъ умолкнуть. Мужественно спалъ онъ посреди собранія, и быстро окинулъ взоромъ всѣхъ присутствовавшихъ. »Кто смѣетъ здѣсь буйствовашъ ?« сказалъ Шемяка. »Люди, недостойные своихъ званій и сановъ ! еще трупъ владыки вашего не остылъ , и вы , въ домѣ его , дерзаете уже помышлять о чемъ - либо другомъ , кромѣ благоговѣнія въ великій часъ его кончины !«

— Князь Димитрій Юрьевичъ — сказалъ ему одинъ спарикъ Бояринъ. — Мы не буйствуемъ; но въ лицѣ родителя твоего скончался не просто спарецъ , но Великій Князь Московскій. Съ нимъ соединена была судьба Русской земли. Народъ , дружина , всѣ мы ждемъ теперъ рѣше-

нія сей судьбы. Скажи намъ: кто
теперь Великій Князь? —

Смятенный говоръ прожужжалъ
въ собраніи. Шемяка снова обвелъ
всѣхъ присутствовавшихъ взоромъ.
»Не дерзайте рѣшать судьбы Велика-
го Княжества!« сказалъ онъ. »Здѣсь
видите вы рѣшеніе оной, изрѣчен-
ное родителемъ моимъ; здѣсь сокры-
то послѣднее его слово!« Онъ под-
нялъ, и показалъ всѣмъ ящичекъ, дер-
жа его лѣвою рукою. Взоры всѣхъ об-
рапились на таинственный ящичекъ
сей. — »Но, прежде, нежели мы что-
либо узнаемъ, клянись мнѣ всѣ —
сказалъ Шемяка — »что всѣ вы свя-
то исполнили волю отца моего. Я
обѣщалъ ему повиноваться, и пере-
даетъ-ли онъ Великое Княженіе бра-
ту моему, или отдаетъ его послѣд-
нему рабу — я, первый, клянусь
ему повиноваться, и положишь жи-
вотъ мой во исполненіе послѣдней

воли его !» — Онъ поднялъ правую руку , и воскликнулъ громко : »Клянусь Богомъ Всесильнымъ , карающимъ клятвопреступника !«

— Клянемся! — воскликнуло нѣсколько голосовъ , и нѣсколько рукъ поднялось по слову Шемяки; большее число безмолвствовало ; нѣкоторые дерзнули что-то бормотать.

Грозно оглянулся кругомъ Шемяка. »Кто смѣетъ пропивиться?« сказалъ онъ , видя , что приверженцы Василія явно хопятъ воспאתъ пропивъ него. — »Или снова бранямъ и усобицѣ хопите вы предавъ Великое Княженіе?« продолжалъ Шемяка. »Князь Василій Ярославичъ , Князь Юрій Патрикеевичъ , вы всѣ , копорыхъ призывалъ сюда опецъ мой , плѣнники его , преданные волѣ его судьбами Бога побѣдодавца! Вы смѣете сопровивляться голосу, который изъ гроба повелѣваетъ вами? Смѣете ослу-

шатся его, имѣвшаго власть надъ живопомъ и смерпью вашею?»

Грозень былъ Шемяка въ сіи минуты, и величественъ былъ видъ его. Но еще колебалось и волновалось собраніе. »Подожди, Князь Димитрій Юрьевичъ, старшаго брата, который заступилъ теперь тебѣ мѣсто отца твоего« — заговорили нѣкоторые. — Князь! мы не смѣемъ нарушить завѣща опцовъ, когда Господь послалъ по душу твоего родителя — сказали другіе. Шемяка вдругъ удержалъ гнѣвъ свой, поставилъ ящичекъ на споль, и тихо, спавъ снова среди собранія, началъ говорить :

»Я былъ-бы самый презрѣнный изъ чловѣковъ, если-бы осмѣлился притворспвовать въ сіи горестныя мгновенія. Знайте-же, что мнѣ во все не извѣстно, кому передалъ Великое Княженіе отецъ мой. Если онъ

опдасть его брату Василю — я буду первый слуга его ; если-же онъ опдасть его и племяннику Василю... я первый обнажу мечъ на враговъ его! По завѣту опцовъ, Великое Княженіе принадлежало опцу моему , и ничто , въ теченіе девяти лѣтъ, не могло нарушить его правъ — онъ скончался Великимъ Княземъ. Если-бы я руководствовался корыстнымъ побужденіемъ, я спалъ-бы теперь за своего брата, но вы видите мои поступки ! Воля властителя , старца, перваго въ родѣ Мономаховомъ, когда онъ предузнавалъ уже кончину свою, такъ превышаетъ нашу волю, какъ небо землю ! И какое вы имѣете право , вы , рабы его и послушники ! рѣшать то, что выше васъ ? Клянитесь повиноваться его волѣ, и я мгновенно сорву печать съ его завѣщанія !»

— Мы всѣ клянемся ! — единодушно воскликнуло собраніе, увле-

ченное какимъ-то вдохновеніемъ, внушеннымъ рѣчью и голосомъ Шемяка. Шемяка схватилъ ящичекъ, и сорвалъ съ него печать. »Говори изъ за гроба, родителъ мой!« сказалъ Шемяка, и развернулъ грамашу духовную. Она вся была писана рукою самого Юрія. Шемяка показалъ ее собранію, поцѣловалъ ее, перекрестился, и всѣ перекрестились. Судьба народовъ Руси, судьба грядущихъ царственныхъ поколѣній, рѣшались въ сіе мгновеніе. Воцарилось молчаніе, столь глубокое, что никто не смѣлъ даже дохнуть, и Шемяка началъ чищать :

»Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, грѣшный и худой рабъ Божій, Юрій Димитріевичъ, пишу грамашу душевную, въ своемъ смыслѣ; даю рядъ дѣтямъ своимъ, *Василью, Дмитрію, и Дмитрію* меньшому, приказываю имъ вопчину свою

въ Москвѣ, жеребій, и тѣмъ благословилъ
меня отецъ мой, Князь Великій Дмит-
рій Ивановичъ, въ городъ и спанахъ,
въ пошлинахъ городскихъ и въ шам-
гѣ, въ восмичьемъ и численныхъ лю-
дяхъ, и въ мышахъ, премъ сыновь-
ямъ своимъ, на шрое. . .

Изумленіе изобразилось на всѣхъ
лицахъ. »Праведникъ, праведникъ!«
пролепѣлъ шопотъ въ собраніи.
Шемяка далъ знакъ молчанья и пвер-
дымъ голосомъ продолжалъ чпеніе :
»А се даю сыну Василью изъ своего
удѣла Звенигородъ, съ волоспьми,
и съ шамгою, и съ мышы, и съ бор-
ти, и съ селы, и со всѣми пошли-
нами, и съ волоспями. . .« Слѣдовало
исчисленіе волоспей. Шемякѣ опда-
валъ опецъ Рузу, Красному Выш
городъ, повелѣвалъ имъ раздѣлишь
между собою Дмитровъ, Вятку и
Галичъ, опредѣлялъ выходъ въ Ордын-
скую дань; опдавалъ Василью икону

Смоленскія Богоматери, Шемякъ икону Спаса Нерукопвореннаго, Красному икону Богородицы Казанскія, распредѣлялъ пояса, золото, жемчугъ, и благословлялъ дѣшей исполнить завѣщанія, или спрашиваться суда Божьяго за нарушеніе отцовскаго рѣшенія.

Чтеніе кончилось. Но о *Великомъ Княжествѣ* ничего не было упомянуто рѣшительно, какъ будто Юрій не имѣлъ никакого права располагать имъ. Сомнѣніе, недовѣрчивость видны были во всѣхъ взорахъ, но никто не смѣлъ возвыситъ голоса.

— И такъ — сказалъ Шемяка — да исполнится завѣщаніе отца. Онъ ничего не говоритъ о *Великомъ Княженіи*, но онъ и не *отдаетъ* его никому! Если онъ не смѣлъ рѣшить судьбы сего великаго дѣда народнаго, да будетъ по судьбамъ Бога. Право меча уступитъ праву мира; молчаніе

опца подтверждаетъ завѣтъ опцовъ. — Послѣ минушнаго безмолвія, »да здравствуетъ Василій Васильевичъ, Великій Князь Московскій!« громко воскликнулъ Шемяка.

Казалось, что этого только ждали.

И все собраніе загремѣло: »Да здравствуетъ Василій Васильевичъ, Великій Князь Московскій!« Общая радость заблестала во взорахъ всѣхъ присутствовавшихъ. Великодушіе Шемяки представило его каждому чѣмъ-то великимъ. Первый, Князь Василій Ярославичъ бросился къ нему, поцѣловалъ его руку, и сказалъ: »Ты выше, ты больше: ты великодушный врагъ, ты Ангелъ, а не человекъ!« Другіе слѣдовали примѣру сего Князя, цѣловали руки Шемяки, падали къ ногамъ его... Святые минуты, рѣдкія мгновенія торжества добродѣтели!

Г Л А В А VII.

Опчаянный — на мигъ онъ самъ себя
забылъ ;

Но мигъ — какъ молнія, вдали по океа-
намъ —

Сверкнула злая мысль. . . .

Мерзляковъ.

Но , такія минушы непродол-
жительны: онъ походятъ на льспи-
вый сонъ, улепающій съ горестною
дѣйствительностію жизни, на ра-
досць — эпу насмѣшку счастья надъ
человѣкомъ. . . .

Вскорѣ на всѣхъ лицахъ изгла-
дились , блеснувшія на мгновеніе,
чувства радости, восторга , удивле-
нія къ великодушію Шемяки. Появи-
лось выраженіе какого-то неперпѣ-
нія , какой - то холодности , будто

укорившее его за то, что онъ смѣлъ пренебречь обыкновеннымъ міромъ, и возвыситься передъ другими. И самъ Шемяка принужденъ былъ приняться за распоряженіе.

— Тѣло покойнаго родителя должно быть предано землѣ въ Архангельскомъ Соборѣ, среди нашихъ предковъ, съ подобающею почестью, какъ оспанки *Великаго Князя Московскаго* — сказалъ Шемяка. — Я самъ изберу мѣсто, близъ коего попомъ, да благословишь Богъ лечь и насъ, сыновъ его. — Слезы навернулись на его глазахъ.

— Вы, Воеводы и Бояре — продолжалъ Шемяка, указывая на нѣкопорохъ — идите къ собраннымъ на Ходынкѣ воинскимъ дружинамъ, и велите имъ разойтись, объявляя, чпобы всѣ шли немедленно принять присягу Великому Князю Василью Васильевичу, по волю покойнаго мо-

его родителю, нашему согласію, и завѣщанію опцовъ. Отворишь немедленно всѣ церкви и Соборы Московскіе, и повелѣшь всѣмъ обитателямъ Москвы явиться къ крестному цѣлованію. Я первый пойду, и присягну въ примѣръ и исполненіе сего.

— Вы, Князь Василій Ярославичъ и Князь Юрій Паприкеевичъ, съ тѣми, кого я назначу, отправьтесь немедленно къ Василью Васильевичу. Объявите ему обо всемъ происшедшемъ. Скажите, что я остаюсь теперь въ Москвѣ, какъ Намѣстникъ Московскій, и буду стараться до прибытія его только сохранить спокойствіе и тишину въ Москвѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ былъ во Владимірѣ.

— Избранная Дума соберется въ Писцовой Палатѣ, для окончательныхъ распоряженій, немедленно. Спѣшите исполнить все повелѣнное вамъ.

Я не замѣшкаю явиться въ Писцовую Палату. Дайте мнѣ только вздохнуть немного. . . .

Казалось, что Шемяка страшился чего-то, и какъ будто спѣшилъ всѣмъ распорядиться. Низко поклонившись, каждый шелъ исполнить свое назначеніе. Въ то-же время, посланные отъ Шемяки объявили народу съ Краснаго Крыльца, о кончинѣ Юрія и княженіи Василія. Народъ, отъ невольнаго изумленія при сей вѣсти, переходилъ къ радости, и громко началъ восклицать, Шемяка хопѣлъ удалиться. Но то, чего страшился онъ, совершилось, къ неописанной горести и стыду его! . . .

Уже Шемяка оставлялъ собраніе, идя во внутренніе покои, и присутствовавшіе въ ономъ выходили въ противоположныя двери, когда какое-то смятеніе двинуло ихъ назадъ, смятенный крикъ и шумъ раздался

въ близъ находившейся комнапъ , и съ пренепомъ вбѣжали въ Палашу Бояре, вышедшіе на Красное Крыльцо , для объявленія народу.

»Что сдѣлалось?« вскричалъ Шемяка , обращаясь къ нимъ.

Но опъ ужаса, они не могли выговорить ни слова. Наконецъ одинъ, со страхомъ и пренепомъ, воскликнулъ: »Князь Василій Юрьевичъ, брапъ твой !«

Не успѣлъ Шемяка опвѣчать ему, какъ Василій Косой вбѣжалъ въ Палашу. Плапье его было въ безпорядкѣ, лицо блѣдно, взоры сверкали, обнаженный мечъ былъ въ рукѣ его. За нимъ слѣдовалъ Князь Іоаннъ Можайскій , и еще нѣсколько молодыхъ военачальниковъ. Плапье ихъ было все въ пыли , и видно было , что они издалека скакали опромешью.

Спокойно спалъ Шемяка. Раскаленные взоры Косого упали на него. Онъ не думалъ въспрѣшпитъ здѣсь брата, опшашнулся назадъ, и, окидывая глазами все собраніе, возгласилъ охриплымъ голосомъ: »Кто смѣетъ распоряжаться здѣсь, въ моемъ домѣ, моею властью? Кто выслалъ этихъ презрѣнныхъ рабовъ кричать народу безумныя рѣчи съ Краснаго Крыльца ?«

— Я — твердо сказалъ Шемяка, и устремилъ на брата смѣлые, но спокойные взоры.

»Ты ?« — Косой оспановился. »И ты,« продолжалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія — »скрывалъ отъ меня кончину родителя ? И ты велѣлъ провозглашать имя *Василья*, какъ имя *Великаго Князя* ?«

— Я — повторилъ еще разъ Шемяка — по завѣщанію отца, судь-

бамъ Бога, и согласію всѣхъ сановниковъ! —

»Я посмотрю, кто осмѣлился возсѣсть противъ своего законнаго Власпишеля!« возгласилъ Косой. Оттолкнувъ Шемяку, онъ спалъ по срединѣ собранія, и, опираясь на мечъ свой, воскликнулъ: »Великій Князь не умираетъ. Родитель скончался: я вашъ Государь и Повелитель!« — Между тѣмъ Палапа наполнилась снова Боярами и Воеводами, хотя всѣ они боязливо оподвигались отъ Косаго. — Слѣдовавшіе за нимъ, молодые Воеводы, преклонили колѣна, обнажили мечи свои, и закричали громко: »Да здравствуетъ Великій Князь Василій Юрьевичъ!« Но ихъ было немного. Кликъ ихъ разлетѣлся въ Палапу безъ отголоска. Всѣ безмолвствовали. Это молчаніе поразило Косаго, болѣе грома небеснаго.

— Братъ! — сказалъ Шемяка — спыдно, позорно мнѣ за тебя, смотря на то, въ какомъ видѣ представляешься ты взорамъ моимъ! Не говорю о томъ, что въ горестныя минуны кончины родителея, ты буйствуешь, а не молишься и не скорбишь, — но, скажи, къ чему твоя безумная ярость? Такъ-ли долженъ былъ ты начинать, если-бы и въ самомъ дѣлѣ былъ ты законный наследникъ, или избранный отцомъ и народомъ преемникъ родителея своего? —

»Ты врагъ мой, злодѣй, изменникъ!« воскликнулъ Косой. »Ты утаилъ отъ меня кончину отца, ты лишилъ меня даже его благословенія!«

— Нѣтъ! Богъ свидѣтель, что всюду разосланы были за тобою гонцы, и я самъ едва успѣлъ прибыть изъ Симонова, и находишься при блаженной его кончинѣ! Такъ

быстро позовалъ его къ Себѣ Судія
Небесный. . . Родитель ждалъ тебя,
звалъ нетерпѣливо. . . Голосъ Шемяки
прервался опъ слезъ.

Скрывая движеніе свое, Косой
отвернулся, и сказалъ: »Онъ хопѣлъ
мнѣ передать старѣйшинство свое!«

— Нѣтъ! отвѣчалъ Шемяка, по-
спѣшно опирая слезы — не передать
старѣйшинство, но — только благо-
словить тебя, несчастный братъ —
несчастный, если сердце твое не уми-
ляется! Такова была воля опца. — Ше-
мяка развернулъ духовную Юрія — Все
кончено; всѣ опъ тебя опступятся,
если ты будешь еще упорствовать.
Уже къ присягѣ приводятъ жителей
Москвы, уже поѣхали Послы къ Вели-
кому Князю. . . .

»Этому не бывать! Прочь съ под-
ложною граматою — вскричалъ Ко-
сой, вырывая духовную опца своего,
и бросая ее на полъ. »Скажи: за мно-

го-ли продалъ ты брата и душу свою Василью?»

— Безумецъ! — воскликнулъ яростно Шемяка; но потчасъ опомнился, подхватилъ духовную, и съ негодованіемъ, но тихо продолжалъ: — Оспавляемъ тебя безумію твоему! Пойдемъ, Князья и Бояре! Если гробъ опца не вразумляетъ его, то намъ не вразумитъ! —

Онъ пошелъ. За нимъ слѣдовали всѣ другіе, *всѣ*, даже и пришедшіе съ Косымъ, кромѣ Іоанна Можайскаго. Косой хотѣлъ броситься въ удалявшуюся толпу, не въ силахъ будучи выговорить слова; но Іоаннъ Можайскій удержалъ его, обнялъ, спарался упишишь. Палапа опустилась.

— Измѣна! — было первое слово, вылетѣвшее изъ устъ Косаго.

«Успокойся, успокойся, Князь!» говорилъ Можайскій.

— Гибель на родъ нашемъ: братъ предасть брата. —

Въ это время, случайно кто-то распахнулъ двери, и изъ внутреннихъ покоевъ послышался громогласный возгласъ Діакона: »Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему, Великому Князю Георгію, и сотвори ему вѣчную память!«

Тихій, унылый хоръ запѣлъ: *„Вѣчная память.“* Тамъ опправляли духовные обряды при пѣлѣ Юрія Димитріевича. Голосъ Религіи показался голосомъ Вѣчности Косому. Онъ умолкъ, и безмолвно преклонилъ голову на грудь Іоанна.

О Провидѣніе! что предъ тобою человекъ! Если-бы нѣсколькими часами прежде явился Косой, если-бы онъ двинулъ воинскія дружины, надъ которыми былъ главнымъ вождемъ, тогда его приверженцы и сила могли-бы, можетъ быть, доставить

ему вѣнецъ Великокняжескій. Но, къ несчастію своему, съ ранняго утра, даже не видавшись съ опцомъ, уѣхалъ онъ на обозрѣніе дружинъ въ окрестностяхъ Москвы, готовя ихъ въ скорый походъ противъ Василья.

Тамъ, едва могли сыскавъ его. Вѣсть о близкой кончинѣ отца такъ была неожиданна, такъ поразила его, что приказавъ ѣхать за собою только обыкновенной справѣ, бросился онъ въ Кремль, забывъ все другое. Въ неистовство, въ какое-то состояніе бѣшенства пришелъ Косой, узнавъ въ Кремль о смерти Юрія, и услышавъ провозглашеніе Василія Великимъ Княземъ. Онъ забылъ санъ свой, забылъ всѣ приличія, кинулся на извѣщавшихъ народъ Бояръ, и вслѣдъ за ними, не помня себя, впорлся въ Большую Палату.

Состояніе его было ужасно. То припадалъ онъ къ пѣлу отца своего,

плача кровавыми слезами, по бѣгалъ по опустѣлымъ Палапамъ Дворца, испортая волосы съ головы, кусая руки. Уничиживъ достоинство человека, онъ уподоблялся дикому, бѣшеному звѣрю, готовъ былъ растерзать своими руками пропивниковъ, готовъ былъ кликнуть кличъ буянамъ и опребію черни, вшоргнувшись съ ними въ Кремль, во Дворецъ, и скорѣе все разрушить, зажечь, разграбить Москву, нежели успушить ее другому! Къ вѣщему униженію, онъ видѣлъ, какъ спокойно было все окрестъ его, и люди и природа. Ясный лѣтній день догоралъ на небѣ, и солнце, горя яркими лучами, закапывалось за небосклонъ; тихъ, величественно спокоенъ былъ ликъ умершаго отца его, и все безмолвствовало, въ Москвѣ, въ Кремлѣ, и во Дворцѣ. Іоаннъ Можайскій слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, но Косому казался онъ приспавникомъ,

опредѣленнымъ смотрѣть за поступками сумасшедшаго.

— Князь! — сказалъ наконецъ Можайскій — что мы еще медлимъ? Давай руку на жизнь и на смерть! Дружины твои въ сборъ — туда къ нимъ — напоимъ молодцовъ, и подвинемъ ихъ на Москву! —

Будто отъ сна опомнился тогда Косой. »Ангель - хранитель? Твой-ли голосъ я слышу? И я до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ? — Онъ крѣпко обнялъ Іоанна. — »По крайней мѣрѣ, я ручаюсь за своихъ,« говорилъ Іоаннъ. — »Можайцы не выдадутъ, а съ ихъ помощію, мы возмупимъ Москву, или — испечемъ ее, какъ яичко, копорымъ подавятся Василій и твой Шемяка!«

Черезъ часъ, Косой, Іоаннъ и нѣсколько человекъ изъ свиты ихъ, скакали въ Ходынскій лагерь. Но

здѣсь надежда жестоко обманула ихъ! На половинѣ дороги встрѣтился съ ними Князь Михайлъ Верейскій. Онъ спѣшилъ съ извѣстіемъ къ Косому, что вскорѣ послѣ отбытія его, явились въ Ходынскій лагерь присланные отъ Шемяки, Краснаго, и отъ всего сонма Бояръ Московскихъ, съ объявленіемъ о кончинѣ Юрія, восшествіи на престолъ Великокняжескій Василія Васильевича, и о немедленномъ цѣлованіи креста и Евангелія, въ вѣрности сему новому Власпишелю. Съ радостнымъ шумомъ поднялся весь лагерь; нѣсколько осмѣлившихся пропировать, было схвачено, связано, и повлечено въ Москву. Воеводы, одинъ передъ другимъ, спѣшили присягать. И вся толпа воиновъ пустилась потомъ въ Москву, разграбила дорогою, мимоходомъ, нѣсколько погребовъ, и разсѣялась кто куда зналъ и хотѣлъ.

Въ нерѣшимости, остановились и совѣщались Князья, что дѣлать, когда прискакалъ къ нимъ вѣстникъ, что Кремль заворенъ, наполненъ дружинами, и имъ всѣмъ позволено возвратиться не иначе, какъ безъ воиновъ, и безъ оружія; а въ противномъ случаѣ объявляется Князю Звенигородскому, Князю Можайскому и Князю Верейскому свободный выходъ изъ Москвы, куда имъ Богъ на сердце положишь; въ случаѣ же сопровивленія и враждованія опала великая.

— Начинаешь-ли намъ теперь неровную борьбу? — спросилъ тогда Іоаннъ, усмѣхаясь. — Жаль, правду сказать, и Москвы. —

»Да, битва будетъ неровна. Звенигородскія, Галицкія, Верейскія, Можайскія дружины готовы на все — правда; но ладно-ли и то будетъ, что мы начнемъ драться за Москов-

скій пресполъ , когда еще дядю въ могилу не опустили ? »отвѣчалъ Верейскій.

Косой молчалъ, и поѣхалъ впередъ. Замолчали и другіе. Когда кончились предмѣспія Москвы, Косой оборотилъ коня, долго, неподвижно смотрѣлъ на этотъ обширный городъ , и вдругъ опустивъ поводья , схватилъ руку Можайскаго и руку Верейскаго.

— У меня нѣтъ уже родныхъ братьевъ болѣе — вскричалъ онъ — нѣтъ ихъ опнынѣ ! Друзья ! хопи-те-ли вы на живопъ и на смерть ! —

»На живопъ и на смерть !« вскричали оба Князя.

Всѣ шрое соскочили съ коней , обнялись , и поклялись быть братьями.

— Я знаю робкій, хитрый, злобный нравъ этого змѣеныша Василья — сказалъ тогда Косой — знаю и глу-

пую довѣрчивость и легкомыслие моего брата Димитрія. Красный плаксивая ханжа, и, конечно, кончишь монастыремъ, или опредѣлишься звонаремъ, либо просвирникомъ, въ какую нибудь обитель. Но Димитрій и Василій скоро перегрызутся, пошому, что одинъ всему вѣрять, другой не вѣритъ ничему. И такъ, надобны только мужество, крѣпость духа, и осторожность. Опшныи, я и Василій будемъ доплатѣ враждовать, и рѣзаться, пока одинъ изъ насъ не будетъ вырѣзанъ изъ числа живыхъ! О, Бояринъ Юаннъ! зачѣмъ нѣтъ тебя со мною! Не спало людей, какъ тебя не спало! Но твердая воля и крѣпкая рука спобяшь большаго ума. Я возмущу Орду, воспавлю Новгородъ, лучше испепелю Москву, нежели отдамъ ее моему злодѣю... Друзья! еще разъ: руки ваши? —

Можайскій и Верейскій снова крѣпко пожали ему руку, и — въ ту-же самую ночь, тайно скрылись изъ его табора. Упромъ дружины Можайскія и Верейскія двинулись во-свои.

Рано поутру Косой услышалъ объ этомъ. Онъ только улыбнулся, велѣлъ немедленно сниматься, и идти въ Звенигородъ. Тамъ были еще въ плѣну Софія Вишовповна и Марья Ярославовна. Немедленно велѣлъ онъ опослать ихъ въ Москву, сказавъ: «Я не съ бабами воюю!» Черезъ нѣсколько дней онъ оставилъ Звенигородъ, поручивъ его Роману, и поспѣшно поскакалъ въ Орду.

На другой день послѣ отъѣзда Косого изъ Москвы, происходили великолѣпныя похороны Юрія. Съ восхожденіемъ солнца начался погребальный переборъ колоколовъ. Примирен-

ный гробомъ со всѣми, умилившій сердца самыхъ враговъ смиреніемъ, сынъ Димитрія Донскаго вынесенъ былъ, на рукахъ дѣтей своихъ и стариковъ Бояръ, въ Архангельскій Соборъ. Слезы лились при гробѣ его — но, впрочемъ, когда-же онъ не льютъся? — Народъ во множествѣ толпился, смотрѣлъ на мѣртваго съ безчувственнымъ любопытствомъ, совсѣмъ не думая читать разгадку вѣчности на оземленѣломъ лицѣ его. Многочисленное Духовенство, съ крестами, образами, хоругвями, припекшее со всѣхъ сторонъ Москвы, богатый покровъ, лежавшій на дубовой колодѣ, въ которую положено было тѣло Князя Юрія, звонъ колоколовъ, многочисленный сонмъ Бояръ и сановниковъ, блестящія воинскія дружины, видъ Краснаго, въ глубокой горести, разливавшагося слезами, и Шемяки съ мрачнымъ, но безслезнымъ лицомъ,

споявшаго во все продолженіе литургіи у головы пѣла — все это занимало и развлекало народъ. Наконецъ, оспанки Юрія принялъ каменный склепъ, между гробами Владиміра Андреевича Храбраго, и младшихъ братьевъ Юрьевыхъ Андрея и Пепра, въ ногахъ Донскаго и Василья Димитріевича, отъ южной стороны къ западнымъ дверямъ Архангельскаго Собора. »Здѣсь и меня положише!« говорилъ Красный, когда земля глухо спучала о крышку гроба, и Священникъ произносилъ, въ поученіе живущимъ, бросая горсть ея на гробъ: »Земля, и въ землю идетъ!«

На другой день, каменщики беззаботно складывали каменный голбчикъ надъ гробомъ Князя, распѣвая: »Господи помилуй,« а каменосѣчецъ изсѣкалъ пестрыя буквы на камнѣ, копорый должно было вмазать въ

голубчикъ, изображая ими слѣдующую надпись :

»Въ лѣто 6942, Іунія въ 6-й день, на память Преподобнаго отца нашего Висаріона чудотворца, преставися Благовѣрный Князь Великій, Юрій Димитріевичъ, сынъ Димитрія Ивановича Донскаго; родися лѣта 6882-го, Ноемврѣя въ 26-й день, и крещенъ бысть Игуменомъ, Преподобнымъ Сергіемъ чудотворцемъ, въ Переяславлѣ - Залѣсскомъ, а тезоименитство его бысть въ той - же день, праздника Освященія церкви святаго Великомученика Георгія, иже въ Кіевѣ, у Злапыхъ Вратъ.«

— Чпо-же ты не прибавилъ ничего о добродѣтеляхъ, и философіи никакой? — сказалъ Ключарь Собора, когда каменосвѣецъ принесъ эту надпись ко гробу.

»Мнѣ ничего не заказывали.«

— Видно забыли. А я самъ слышалъ, что хопѣли прибавить : »Кая житейская пища пребываетъ печали непричастна ? Кая-ли слава стоить на земли ?«

»Нѣтъ !« сказалъ Соборный Протоіерей, оспановясь подлѣ Ключаря, и опираясь на прость свою, »мнѣ сказывали, будто хопѣли приказать вырѣзать слова:« Иже глубинами мудрости человеколюбнѣ вся спроя, иже на пользу всѣмъ подавая, единае Содѣтелю, покой, Господи, души усопшихъ.«

— А можетъ ! — промолвилъ Ключарь. — Ну, вмазывай - же поскорѣе — вѣдь уже скоро 7-й часъ дня. Да, кстапи : поправь-ка дощечку на гробницѣ Ивана Данилыча : все выпадаетъ. —

Ночью, черезъ три дня послѣ похоронъ, пріѣхалъ въ Москву Василій Васильевичъ, облобызалъ, обла-

скаль Шемяку и Краснаго. Догово-
ры, тогда заключенные между ни-
ми, до сихъ поръ цѣлы, съ восковы-
ми печатями, изъ коихъ на Шемя-
киной видѣнъ воинъ спарикъ, въ
шеломѣ, съ Тапарскою надписью, а
на Васильевой юноша въ вѣнцѣ. Крас-
ный уѣхалъ въ эпопѣ день въ Тро-
ицко - Сергіевскую обителъ. Шемяка
договаривался за себя и за меньша-
го брата. Но, что было договаривать-
ся? »Вели написать, что ты знаешь,«
сказалъ онъ Василью. Спокойно слу-
шалъ попомъ Шемяка, когда чиша-
ли договоры, въ копорымъ колѣнча-
тымъ полууспавомъ означалось, что
Василій утверждаетъ за ними удѣ-
лы, данные опцомъ: Рузу, Галичъ,
части въ Москвѣ, и придаетъ еще
изъ удѣла дяди Константина Шемя-
кѣ Угличъ и Ржевъ, а Красному Бѣ-
жецкій Верхъ; но за то беретъ се-
бѣ у нихъ Дмитровъ, лишаетъ Ко-

саго Звенигорода и Вятки , присовокупляя все это къ Москвѣ , и что Шемяка и Красный обязаны отступить отъ брага, и дружить, и ладить Великому Князю Московскому.

Шемяка не сказалъ ни слова, приложилъ молча печать свою къ грамотѣ , и въ тотъ-же день уѣхалъ изъ Москвы. Василій набожно отправлялъ великолѣпныя девятины , полусорочины и сорочины по дядѣ , самъ присутствовалъ на панихидахъ у его гроба , давалъ милостыни, дѣлалъ вклады ; въ нѣсколькихъ монастыряхъ читали за упокой его души Псалтирь , и служили обѣдни.

Не только родные братья , но все отступилось отъ Косаго. »При пирѣ , при брагѣ много друзей , а при слезахъ , да при горѣ , нѣтъ никого« — говорили , и — не лжетъ пословица. Въ Ордѣ встрѣтили его

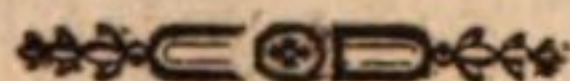
кровавыя бивны. Старый Ханъ Улу-Махметъ вышелъ на открытый бой съ Кичи - Махметомъ, племянникомъ своимъ. Ему было не до Руси, и Косому указали путь, когда прѣхали къ Хану Московскіе Послы. — Черезъ два мѣсяца, съ береговъ Волги, Косой былъ уже на берегахъ Волхова. »Если хочешь, Князь, у насъ оспаться, оспаться; хлѣба Новгородскаго не переѣшь, и удѣлъ тебѣ дадимъ, какъ Суздальскому Князю даемъ хлѣбъ и удѣлъ. Не хочешь — иди съ Богомъ, а на Москву насъ не подумай« — отвѣчало Новгородское Вѣче.

Въ Новгородѣ слышалъ Косой, что Князь Романъ сдалъ Звенигородъ Московской дружинѣ. Ему нѣкуда было приклонить головы. Съ немногими удалцами Новгородскими, ушелъ онъ въ Вятку, кликнулъ на безпріютство свое кличъ. Къ нему сбѣ-

жался удалый народъ, Русскіе казаки, опчаянныя головы. Въ распахъ схватилъ онъ Вологду; но Московская рапъ явилась передъ нимъ. Какъ бѣшеный волкъ, терзалъ онъ ряды Московскихъ дружинъ; но ничто не помогло! Раненный въ битвѣ, Косой едва убѣжалъ въ Коспрому. Челядь его легла на мѣстѣ сраженія. Въ укрѣпленномъ таборѣ, при впаденіи рѣки Коспромы въ Волгу, укрѣпился тогда Косой, близъ древней обители Ипатьевской, съ остальною дружиною. На другомъ берегу рѣки стоялъ Басенокъ съ Москвичами. Косой предложилъ миръ. Басенокъ принялъ его. Къ изумленію всѣхъ, не только Звенигородъ отданъ былъ Косому, но Василій подарилъ еще ему Дмитровъ. Косой привелъ опчаянныхъ удалцовъ въ новый удѣлъ свой, не являлся въ Москву, не вѣхалъ и къ братьямъ, копо-

рые, не принимая никакого участія въ междусобіи, были; Шемяка въ Угличѣ, Красный въ Бѣжецкѣ. Лѣтописцы замѣчаютъ, что въ этотъ годъ весна была *вельми студена*. »Злоба человѣческая проспудитъ и лѣто на Руси,« говорили Москвичи. Ждали, что́ будетъ. . . .

Конецъ III-й части.

В. Кокоревъ

Polevoj, Nikolaj Alekseevič,

Kljatva pri grobě Gospodnem ruskaja byl' XV go věka

Bd.: 3

Moskva (1832)

P.o.russ. 158 s-3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610266-7